

И. В. Антипов, А. Л. Баталов,
Л. А. Беляев, О. М. Иоаннисян

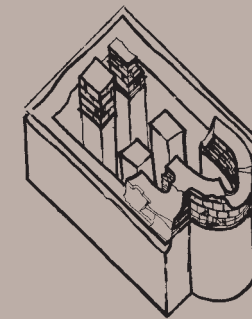

Армянская церковь (1363–1370 гг.) – один из значительных архитектурных памятников древнего Львова

АРХИТЕКТУРА

Новый этап развития архитектуры Новгорода отмечен церковью Рождества Богородицы в Пермышском скиту, второй трети XIII в.

О возрождении каменного строительства в Ростове свидетельствуют руины Борисоглебской церкви 1287 г., стены которой сохранились на большую высоту под поздней постройкой

В клейме житийной иконы митрополита Петра, конца XV в., изображена закладка Успенского собора в Московском Кремле в 1326 г., показаны алтарная апсида и притворы здания

На протяжении столетия, от середины XIII до середины XIV в., история русской архитектуры отличалась удивительным разнообразием, как по интенсивности строительства в тех или иных регионах, так и по культурным традициям, художественным решениям и стилистическим особенностям.

Архитектура Юго-Западной и Западной Руси

Галицкое зодчество второй половины XIII—первой половины XIV века

В истории древнерусского зодчества XIII в. стал переломным. В середине этого столетия опустошительное монгольское нашествие, прокатившееся по всем древнерусским землям, кроме Новгородского и западнорусских земель (Полоцкого и Городенского княжеств), подорвало развитие архитектуры, переживавшей до этого—в конце XII—первой половине XIII в.—высочайший подъём. Строительная деятельность практически во всех русских землях, в том числе и в Новгороде, была прервана на долгие десятилетия, что повлекло за собой развал артелей и в конечном счёте утрату мастеров. Исключение составили лишь юго-западные земли Руси, которые даже в условиях жесточайшего разгрома смогли сохранить зодчих и возобновить строительство уже в 1250-х гг.

В Галицкой земле и на Западной Вольни, входивших в состав владений Даниила Рома-

новича Галицкого, полностью меняется строительная география. Если на протяжении второй половины XII—начала XIII в. строительство в основном было сосредоточено в самом Галиче, то после монгольского нашествия, в результате которого этот огромный столичный город был опустошён и почти полностью уничтожен, жизнь перемещается в молодые города—Холм и Львов. Во второй половине XIII в. в этих сравнительно небольших городах оказались сосредоточены кадры галицких мастеров-строителей, уцелевшие во время страшного штурма Галича.

Строительство в Холме

По-видимому, большая часть мастеров находилась в Холме уже с первой половины XIII в., когда Даниил перенёс туда из Галича свою резиденцию и развернул активное церковное и крепостное строительство [ил.1]. Как и в Галиче, оно велось в романской технике каменной квадратной кладки. Техника строительства из камня, а не из кирпича, не характерна для Вольни—края, где находится Холм. Возведение городского ансамбля Холма из камня, по-видимому, связано с тем, что, объединив под своей властью княжества Галицкое и Вольнское (формально, правда, остававшееся самостоятельным под властью брата Даниила—Василька Романовича) и перенеся из Галича на Вольнь, в Холм, свою резиденцию, Даниил перевёл туда и галицкую строительную артель. Она и на новом месте продолжала работать в привычной для себя технике, хотя перешла на использование местной породы камня.

Судя по летописному описанию церкви Иоанна Златоуста в Холме, построенной ещё до монгольского нашествия, в 1230-х гг., там уже была применена раннеготическая конструкция сводов на нервюрах [1].

Из четырёх упоминаемых летописью храмов Холма (Иоанна Златоуста, Козьмы и Дамиана, Троицы и Богородицы) [2], по-видимому, три первых церкви были построены ещё до монгольского нашествия. При этом церковь Троицы, судя по сообщению летописца о том, что во время набега монгольского царевича Куремсы эта церковь «зажжена бысть» [3], скорее всего, была деревянной, хотя после набега могла быть отстроена в камне. Последнее вытекает из текста, повествующего о восстановлении

- [1] Иоаннисян, 1988. С. 53–56.
 [2] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843–846; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 122.
 [3] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 121.
 [4] Срезневский, 1893. Стб. 1009–1012; Порпе, 1962. С. 24; Словарь, 1978. С. 361; Раппопорт, 1987. С. 119.
 [5] Фасмер, 1986. С. 89; Котляр, 1997. С. 89.
 [6] Там же.
 [7] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 845.
 [8] Там же. Стб. 843–846; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 121.
 [9] Раппопорт, 1993. С. 109.
 [10] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 846; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 116, 122, 128.
 [11] Основная часть художественных центров, рассматриваемых в данной главе, находится на территории Украины и Беларуси, а некоторые, как, например, Холм (Хелм)—на территории Польши.
 [12] Материалы исследований П.П. Покрышкина были опубликованы в 1954 г. П.А. Раппопортом (Раппопорт, 1954. С. 313–323).
 [13] Gwiba, Kutylowska, 1970. С. 231–241.
 [14] В настоящее время на детинце в Холме под руководством варшавского исследователя А. Буко и при участии краковской исследовательницы Т. Родзинской-Хоронжи начались новые археологические исследования, однако они находятся еще в самой начальной стадии, и об их результатах пока говорить еще рано.
 [15] Об «архитектурных» текстах Галицко-Волынской летописи, посвящённых Холму, см. специальное исследование: Пауткин, 1989. С. 94–100.
 [16] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843–844.

- 1 Городище «Высокая Горка». Крест, установленный на месте резиденции Даниила Галицкого
 2 Городище «Высокая Горка». Сводный план раскопок П.П. Покрышкина в 1910–1912 гг.
 3 Городище «Высокая Горка». Сводный план раскопок Я. Гурбы и И. Кутыловской (1960-е гг.), А. Буко (2001–2014 гг.)
 4, 5 Резные белокаменные детали из раскопок П.П. Покрышкина. 1230-е гг.
 6 Фрагмент базы сложно-профилированного столба или цоколя перспективного портала из раскопок П.П. Покрышкина. 1230-е гг.

Холма Даниилом, где употреблён термин «создана» («церковь святой Троицы зажжена бысть и паки создана бысть»). В древнерусском языке это слово всегда означало строительство из долговечных материалов—камня и кирпича [4] (от древнего славянского слова «зъд»—«глина») [5].

Наиболее вероятным временем начала каменного строительства в Холме, по-видимому, следует признать вторую половину 1230-х гг., возможно, «между второй половиной 1236 и первой половиной 1238 г.» [6]. Действительно, начатое незадолго до монгольского нашествия строительство большого количества каменных храмов в Холме к моменту нашествия не могло быть завершено, о чём мы имеем прямое свидетельство летописца. Рассказывая о церкви Иоанна Златоуста, он сообщает, что Даниил не успел достроить её башню («вежу»), так как вынужден был заняться строительством укреплений («грады зиждить») против монголов: «веже же такое не

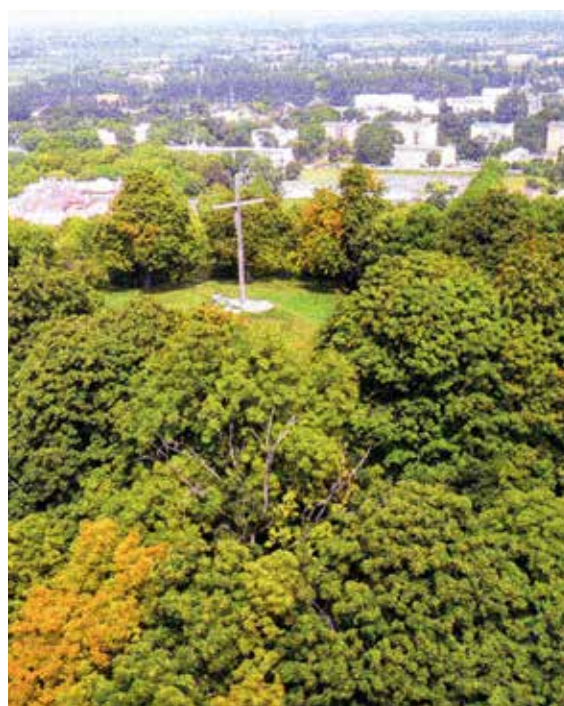
возможе создати, бе бо грады иныя зиждаи противу безбожнымъ татаромъ, за то не созда ея» [7].

Летопись упоминает все холмские храмы под 1259 г. в связи с тем, что они тогда сильно пострадали от пожара во время набега на Холм монгольского царевича Куремсы [8]. Несмотря на повреждения, они почти сразу же были восстановлены [9], а это означает, что в распоряжении князя Даниила Романовича Галицкого сохранились кадры мастеров-строителей, силами которых эти работы были проведены. Более того, под следующим, 1260 г., Летописец Даниила Галицкого сообщает, что князем в Холме была создана четвёртая церковь—«превелика» церковь Богородицы [10]. Не приходится сомневаться, что она была возведена руками тех же мастеров, которые восстанавливали пострадавшие от пожара церкви Иоанна Златоуста, Козьмы и Дамиана и Троицы. Скорее всего, по своим архитектурным особенностям все эти постройки представляли собой единую стилистическую группу.

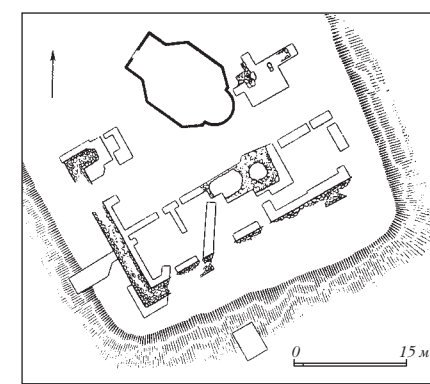
Ни одна из церквей Холма [ил.] до нашего времени не дошла, а археологические раскопки на месте Холмского детинца носили локальный и ограниченный характер. Несмотря на то, что в ходе этих раскопок, проводившихся разными исследователями в 1910–1912 [12] и в 1966–1968 гг. [13], были найдены части каменных построек [ил. 2, 3] и многочисленные детали белокаменной резьбы [ил. 4–6], отождествить эти фрагменты с каким-либо конкретным церковным, гражданским или оборонительным сооружением Холма можно лишь очень условно. И уже совсем невозможно на основании этих находок делать какие-либо выводы об их архитектурных формах, за исключением того, что памятники Холма были обильно украшены эффектной каменной резьбой [14].

Тем не менее, по летописному описанию церкви Иоанна Златоуста можно выдвинуть предположение не только об её архитектурном облике, но и о конструктивных особенностях. Столь же важные подробности содержатся и в описаниях церкви Козьмы и Дамиана и Богородицы [15].

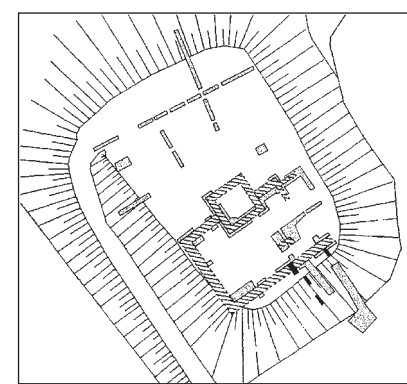
Летописец так описывает конструкцию перекрытий церкви Иоанна Златоуста: «зданье же ее сиче бысть: комары четыре с каждого угла переводь и стоянье их на четырехъ головахъ челоуекихъ, изваяно отъ некоего хытречь» [16]. Описанная летописцем конструкция представляет собой не что иное, как четыре подпружные арки («комары четыре»), опирающиеся на капители в виде человеческих голов. Эти капители могли находиться только на колонках, поддерживающих арки. В свою очередь эти колонки, которые, очевидно, переходили в гурты рёбер подпружных арок, должны были рас-

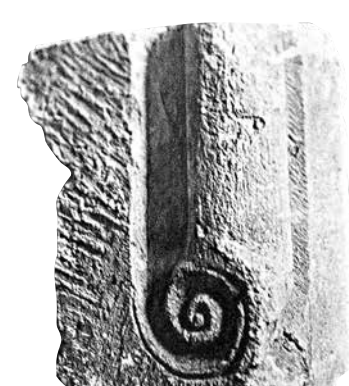
1

2

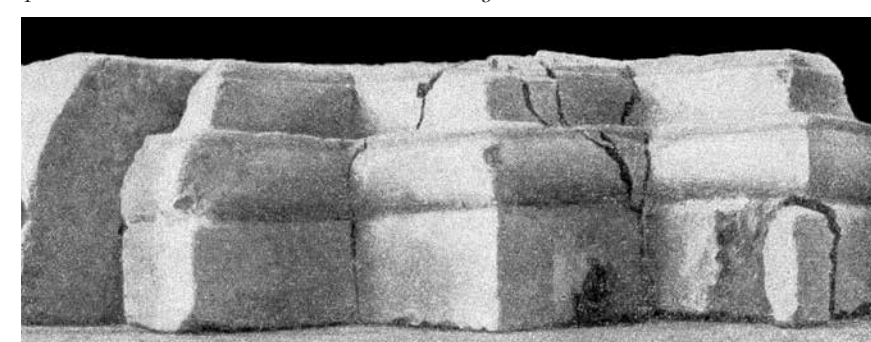
3

4

5

6

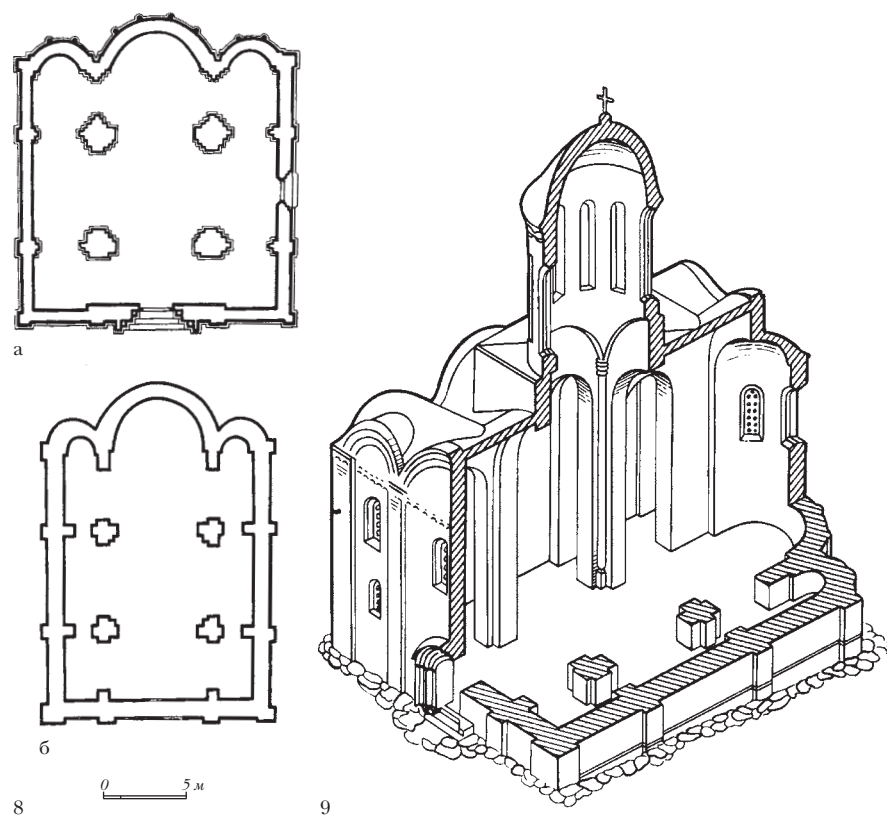
7

Итак, по меньшей мере две из холмских церквей, скорее всего, могли иметь башнеобразную композицию со сложной конструктивной системой завершения. Если сама по себе тенденция создания храмов с динамичной башнеобразной композицией является общей для всего древнерусского зодчества уже с конца XII в. [22], то способ, каким она была воплощена в памятниках галицкого зодчества, на основе применения сложных опор с гуртами-нервюрами, необычен для древнерусской архитектуры. В Галицкой Руси появление этой конструкции, по-видимому, обязано приходу какого-то западного зодчего, вышедшего из круга строителей цистерцианского ордена [23]. Однако создатели храмов в Холме, вероятно, имели в виду и непосредственный образец. Приём завершения колонок, на которые опирались своды

полагаться на уступах четырёх подкупольных опор. Возможно, форма столбов в церкви Иоанна Златоуста была сложной, с дополнительными уступами в закрестиях, подобно тому, как это было сделано в памятниках галицкого зодчества, относящихся ещё к рубежу XII и XIII вв.—в церкви Пантелеймона в Галиче [17] и каменном храме в Василёве на Днестре [18] (ил. 8, 9).

И в церкви Пантелеймона, и в василёвском храме, и, по всей видимости, в церкви Иоанна Златоуста в Холме существовала башнеобразная композиция, которая была возведена на основе конструкции сложных опор с гуртами-нервюрами [19]. Таким образом, в галицком зодчестве задача создания башнеобразного храма решалась чисто западными, готическими конструктивными средствами. Однако тип здания остаётся традиционным для древнерусского зодчества: и церковь Пантелеймона, и василёвский храм, и, вероятно, церковь Иоанна Златоуста в Холме, несмотря на применение в них готической конструкции, были четырёхстолпными храмами типа вписанного креста. Иными словами, появившаяся конструкция сложной готической опоры не изменила традиционной для древнерусского зодчества объёмно-пространственной структуры зданий

Судя по описанию церкви Козьмы и Дамиана, система повышенных конструкций, держащих барабан купола, существовала и в ней. Летописец описывает ее так: «Имать 4 столпы от цела камени, истесаного, держаща верх. С тех же другиы (второй ряд столбов.—*О.И.*)» [20]. По сути дела, в этом тексте описано не что иное, как система повышенных подкупольных подпружных арок, при которой на нижний ярус арок, опирающихся непосредственно на четыре подкупольных столба, помещён ещё один ярус конструкций («с тех же другиы»), непосредственно держащий барабан купола («верх») [21].

(«комары»), капителями в виде человеческих голов свидетельствует о связях галицкого зодчества с позднеманской архитектурой Венгрии: с аналогичным приёмом мы сталкиваемся и в дворцовой капелле в Эстергоме [24] (ил. 10, 11). Вместе с тем, несмотря на использование позднеманской (а точнее—раннеготической) конструкции гуртовых сводов, тип здания остаётся традиционным для древнерусского зодчества: и церковь Пантелеймона в Галиче, и василёвский храм, и, вероятно, церкви Иоанна Златоуста и Козьмы и Дамиана в Холме были, скорее всего, традиционными для Руси четырёхстолпными храмами типа вписанного креста.

7 Участок дворца Даниила Галицкого, музеефицированный после раскопок А. Буко
8а Церковь Св. Пантелеймона в Галиче. Конец XII — начало XIII в. План (по И.Р. Могильчу)
8б Каменный храм в Василёве на Днестре. Конец XII — начало XIII в. План (по Г.Н. Логвину и Б.А. Тимошук)
9 Каменный храм в Василёве на Днестре. Реконструкция Г.Н. Логвина
10, 11 Капители в форме человеческой головы. Королевская капелла в Эстергоме (Венгрия)

[17] Могильчу И., 1982. С. 65–70; Иоаннисян, 1988. С. 50–53.
[18] Логвин, Тимошук, 1961. С. 37–50; Иоаннисян, 1988. С. 52–53.
[19] Там же. С. 53–56.
[20] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843–844.
[21] Исходя из того, что в летописном тексте сразу же за словами «С тех же другиы» написано: «и в олтаре пресвятаго Дмитрея стоит же ти пред бочными дверями красен принесен издадеча» (Там же. Стб. 845), А.А. Пауткин решил, что эти слова являются непосредственным продолжением

предыдущего текста, и истолковал всю фразу как указание на то, что в храме перед алтарём находилась трёхмерная скульптура св. Дмитрия (Пауткин, 1989. С. 99). Однако такое истолкование основано на произвольной расстановке А.А. Пауткиным отсутствующих в оригинале знаков препинания. Если предположить, что после слов «с тех же другиы» должна стоять точка, отсутствующая в конъектуре А.А. Пауткина, то описание конструкции становится объяснимым, а последующий текст представляет собой самостоятельную фразу и действительно может говорить о существовании образа св. Дмитрия, стоящего перед входом в посвящённый ему алтарь. Именно как указание на существование в одной из боковых апсид храма самостоятельного придела, посвящённого св. Дмитрию, с каменным алтарём и воспринимает этот текст И.В. Антипов (Антипов, 2000. С. 107). Независимо от того, идёт ли речь о каменном алтаре или о скульптуре, изображающей св. Дмитрия, для нас важен самый конец фразы—«принесен издадеча». Значит, этот предмет (образ или алтарь) не был изготовлен в Холме, а привезён туда и установлен в храме. [22] Воронин, 1952. С. 257–316; Раппопорт, 1977. С. 12–29; Иоаннисян, 1995. С. 151–156.
[23] Иоаннисян, 1988. С. 52.
[24] Девсёпу, 1975. Taf. 63, 65; Иоаннисян, 1988. С. 56.
[25] Раппопорт, 1954. С. 313–323.
[26] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843; Галицко-Волынский летописец, 2002. С. 122.
[27] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 844.
[28] Kluckner, 1997. P. 19.
[29] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 844.
[30] Fleury, 1977. P. 10–51; Sinq ann (es, 1980. P. 23–25.
[31] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843–844.
[32] Там же. Стб. 843.
[33] Там же. Стб. 844.

10

11

Многочисленные находки резных каменных фрагментов, сделанные П.П. Покрышкиным в ходе раскопок на детинце Холма [25], подтверждают, что холмские храмы, как и галицкие памятники второй половины XII—начала XIII в., были богато украшены орнаментальной, а судя по упоминанию в летописи «голов человеческих», и фигуративной скульптурной резьбой.

О богатом резном убранстве холмских храмов говорит и летописец, сообщая и имя скульптора—«хытреца», украсившего резбой церковь Иоанна Златоуста и выполнившего из камня «головы человеческие»: «извано от некоего хытрець Авдьме» [26].

Из того же летописного текста мы узнаём, что над главным порталом церкви находилось скульптурное изображение Спаса, а над северным—Иоанна Златоуста: «двери же си двоя украшены каменем галицким белым и зеленым холмским тесаным... напереди их же бе изделан Спас, а на полунощных святой Иван» [27]. Особую декоративность порталам придавала полихромия, создаваемая употреблением двух разных сортов камня—белого галицкого известняка (а возможно, и алебастра) и зелёного холмского глауконитового известняка. Приём сочетания камня разного цвета в облицовке фасада здания типичен для романской архитектуры [28].

Полихромия натуральных материалов в холмской церкви была дополнена росписью и, возможно, оковкой золочёной медью: согласно летописцу, её порталы были украшены «прилепы от всех щаров и злата» [29]. Применение в каменной резьбе искусственной полихромии—приём, также характерный для романской и готической пластики. В качестве примера можно привести найденные французскими археологами скульптуры порталов Собора Парижской Богоматери, на которых видны отчётливые следы когда-то покрывавшей их росписи [30].

Не менее эффектным был и пол церкви Иоанна Златоуста. По словам летописца, он был выложен из медных и оловянных плит: «помост бе слит от меди и от олова чиста яко блестяся яко зерзалу» [31].

Важно и то, что в этом храме «окна три» были украшены «стеклы Римьскими» [32], т.е. витражами. Появление витражей возможно объяснить только участием западных мастеров в галицко-волынской строительстве в первой половине XIII в. Характеризуя интерьер церкви Иоанна Златоуста, летописец пишет: «Входящи во алтарь стояста два столпа от цела камени и на нею комара и выспръ же верх украшен звездами златыми на лазуре» [33]. Сооружение в алтаре является не чем иным, как киворием, который был увенчан шатровой сенью («комара

и выспись же верх»). Судя по тексту летописи, сень была расписана «звездами златыми на лазуре». Сообщение летописца о двух, а не о четырёх столбах, на которые опиралась «кома́ра», вероятно, свидетельствует, что киворий был вплотную прислонён к алтарной стене и, таким образом, свободно стоящими были только два столба. Судя по тексту летописи, где говорится о «комаре», расположенной между «столпами» и «верхом», капители колонок кивория несли не прямой архитектур, а соединялись полуциркульными арками.

Характеризуя в целом облик и убранство этого храма, летописец пишет, что церковь была «красна и лепа» [34].

О третьем каменном храме древнего Холма, церкви Богородицы, летописец говорит, что она была «величеством и красотою не мене сущих древних» [35]. Уже само сравнение её с «сущими древними» храмами подтверждает, что она была построена после других холмских церквей. О конструкции и внешнем облике храма на сей раз летописец не сообщает ничего, однако внутреннее убранство церкви описано им подробно: «украшу пречюдными иконами, принесе же чашу от земля Угорския мрамора багряна изваяну мудростью чюдну, и змиевы главы беша округ ея. И постави ю пред дверми церковными, нарицаемыми царскими, створи же в ней крестилницу крестити воду» [36]. Летописец прямо указывает, что водосвятная чаша была привезена Даниилом Галицким из Венгрии. Убедительная попытка определить более точно происхождение чаши была предпринята венгерским исследователем Д. Ружа. По его мнению, местом, где она была изготовлена, следует считать Эстергом. Главным аргументом исследователь считает указание летописца на то, что она была сделана из «мрамора багряна». Месторождения такого камня в Венгрии находятся только в районе Эстергома [37].

В ансамбль построек Холма входил и каменный дворец, остатки которого были обнаружены на холме Высокая Горка в центре ныне существующего города [38]. Ни план, ни состав дворцового комплекса в ходе этих исследований так и не были выявлены. Была прослежена каменная стена, сложенная из тёсаных квадров зелёного, белого и красноватого известняка с забутовкой из осколков и отёсков этих же сортов камня на известковом растворе [ил. 7]. На углах стены использованы камни одного цвета—зелёного, что создавало своеобразный полихромный эффект. Впрочем, этот эффект в значительной степени нивелировался побелкой, покрывавшей внешнюю поверхность стены. Её следы кое-где сохранились на фасадных плоскостях квадров [39].

Стена, имеющая совершенно прямолинейное направление, была прослежена и вдоль юго-восточного края Высокой Горки [40]. Она оконтуривала некое прямоугольное сооружение размером 22 × 38 м [41].

Ещё П.А. Раппопорт интерпретировал каменную стену, открытую на Высокой Горке в Холме, как оборонительную стену холмской княжеской резиденции [42]. Дальнейшие исследования, а также новые раскопки, ведущиеся в течение последних двух десятилетий [43], подтвердили это предположение. Более того, были обнаружены основания прямоугольной башни-донжона, встроенной, по-видимому, несколько позднее в северную стену крепости [44], а также прямоугольной каменной постройки, определяемой польскими исследователями как дворец [45].

На территории крепости и дворца были найдены многочисленные фрагменты каменных блоков, украшенных декоративной резьбой, что является свидетельством того, что дворцовый ансамбль, как и храмы Холма, имел резное каменное убранство [46]. П.А. Раппопорт считал, что каменный дворцовый ансамбль возник вскоре после того, как Даниил перенёс в Холм из Галича столицу княжества, т.е. ещё в домонгольское время; после 1259 г., когда во время набега монгольского царевича Куремсы в Холме произошел сильный пожар, ансамбль подвергся весьма объёмному капитальному ремонту, связанному с многочисленными перестройками и достройками [47]. Такой же точки зрения придерживаются и все польские исследователи памятника [48]. Скорее всего, и дворец, и крепость, и храмы создавались по единому замыслу, как единый ансамбль [49].

Уже при Льве Даниловиче, т.е. на рубеже XIII и XIV вв. Холм стремительно теряет значение стольного города Галицко-

[34] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 843.

[35] Там же. Стб. 845.

[36] Там же. Стб. 845–846.

[37] Ружа, 1975. С. 10–12.

[38] Работы П.П. Покрышкина 1910–1912 гг. К сожалению, объём раскопок был небольшим. См.: Раппопорт, 1954. С. 313–323.

[39] Можно предположить, что эта белая известковая обмазка не покрывала угловые блоки, оставляя их цвет естественным и создавая некое подобие рустовой кладки. Стена сохранилась на высоту 1,5–2 м, а местами и до 3 м. В ней зафиксированы прямоугольные заглибленя, служившие гнездами для пальцев строительных лесов.

[40] На протяжении более 30 м.

[41] При новых исследованиях, проводившихся в 1966 и 1968 гг., стена была прослежена по всему её протяжению, составившему 38 м. Кроме того, был обнаружен поворот стены под прямым углом в северном направлении, повторяющий очертания холма, а через 22 м ещё один поворот под прямым углом к востоку. См.: Гурба, Кутыловска, 1970. С. 231–241.

[42] Раппопорт, 1962. С. 625.

[43] Эти раскопки ещё далеки от завершения, а тем более публикации. К настоящему времени опубликованы лишь самые предварительные сведения: см. Дзиешковски, 1998. С. 188–191; Буко, 2002. С. 19–28.

[44] Ibid. Pl. 2.

[45] Ibid. S. 22–25.

[46] К сожалению, ограниченный объём вскрытых

12 Церковь Св. Николая во Львове. Вторая половина XIII в.

12

раскопками частей дворцового комплекса не даёт возможности определить место найденных резных деталей в общей композиции декора дворцового ансамбля и тем более делать заключения о характере и стилистических особенностях этого убранства. Столь же рано ещё делать выводы и об общей композиции этого комплекса зданий и сооружений. Неясной остаётся и его датировка.

[47] Раппопорт, 1954.

С. 323.

[48] И.В. Антипов считает, что весь комплекс дворцовых построек был создан либо между 1259–1264 гг. (т.е. до смерти Даниила Галицкого), либо ещё позднее—«уже в годы княжения Льва Даниловича или, скорее всего, Юрия Львовича» (см.: Антипов, 2000. С. 135).

Первую из датировок, предложенных И.В. Антиповым, можно принять лишь с существенными оговорками. Ведь большинство каменных храмов Холма, судя по летописным сообщениям, было построено ещё в домонгольское время, хотя и незадолго до нашествия, и вряд ли строительство дворцового ансамбля и каменных храмов хронологически было разорвано каким-либо длительным сроком. Другое возражение основывается на археологических данных: П.А. Раппопорт отметил в основании раскрытых

П.П. Покрышкиным стен два слоя известкового щебня, один из которых (нижний) он связал со строительством ансамбля, а другой—с капитальным ремонтом или даже основательной его перестройкой (см.: Раппопорт, 1954. С. 323).

[49] Показательно, что между этими двумя слоями был прослежен мощный слой пожара, где были найдены фрагменты разрушившихся каменных зданий и кусок оплавленной от сильного огня меди. Этот слой П.А. Раппопорт связал с набегом царевича Куремсы и пожаром 1259 г., который, судя по летопис-

ному описанию, вызвал сильные разрушения построек Холма. Вторая датировка, предлагаемая И.В. Антиповым, не может быть принята.

[50] В первой половине XIII в. бывали периоды, когда Галичем управляли либо венгерские принцы (Кальман и Андрей) и их наместники (паладины Мог и Бенедикт Бор), либо провенгерски настроенные группировки галицких бояр во главе с Владиславом Кормильичем и Судиславом. Став королём, Андрей II, считая Галицкое княжество своим владением, принял титул «Galiciae Lodomeriae rex», т.е. «король Галиции и Лодомерии» (Вольны). Возвращённый им на княжеский престол малолетний Даниил, тем не менее, находился не в Галиче, который от имени короля управлял венгерским палатином Могом и провенгерски настроенной партией галицких бояр.

[51] Codex, 1829. P. 31–32; Раппопорт, 1978. С. 242.

[52] Во время самой церемонии он вёл королевского

коня, а младший венгерский принц и бывший галицкий князь Кальман нёс королевский меч. См.: Scriptores, 1937. P. 467; Scriptores, 1938. P. 42; Папуто, 1978. С. 257.

[53] Крипякевич, 1984. С. 91; Папуто, 1950. С. 211.

[54] Рапов, 1977. С. 189–190.

[55] Точная дата её постройки не известна, однако в любом случае это произошло до 1292 г., когда князь Лев Данилович пожаловал ей земельные владения, в связи с чем церковь впервые была упомянута в письменном источнике—грамоте Льва Даниловича. Впервые эта грамота была опубликована еще в первой половине XIX в. Д. Зубрицким (Zubrzycki D., 1837. С. 16–19), однако впоследствии за ней на долгие годы утвердилась репутация подложного документа. Дискуссию о подлинности или подложности этого документа см. в следующих исследованиях: Грушевский, 1902. С. 1–22; Грушевский, 1904. С. 262–283; Линиченко, 1904. Кн. I. С. 80–102; Кн. 4. С. 269–274; Каманин, 1907. С. 3–7; Дашкевич Я., 1985.

С. 133–139; Инкин, 1988. С. 5–63; Пашич, 1996). Автор наиболее подробного исследования этого и других подобных источников О. Купчинский пришёл к аргументированному выводу о том, что в основе этого документа лежат подлинные известия, хотя сам текст впоследствии был переделан (см.: Купчинский, 2004. С. 372, 533–559). В настоящее время, несмотря на значительные перестройки в XVII в., церковь Николая полностью сохранила свою первоначальную основу, плановую, а во многом и объёмно пространственную структуру, что позволяет с достаточной степенью уверенности судить о её первоначальном облике (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353; Могилич И., 1979. С. 105–106). Проведённые в 1977 г. архитектурно-археологические исследования памятника дают основания считать, что до её возникновения на этом месте находился более ранний, скорее всего, деревянный храм (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353).

С. 133–139; Инкин, 1988. С. 5–63; Пашич, 1996). Автор наиболее подробного исследования этого и других подобных источников О. Купчинский пришёл к аргументированному выводу о том, что в основе этого документа лежат подлинные известия, хотя сам текст впоследствии был переделан (см.: Купчинский, 2004. С. 372, 533–559). В настоящее время, несмотря на значительные перестройки в XVII в., церковь Николая полностью сохранила свою первоначальную основу, плановую, а во многом и объёмно пространственную структуру, что позволяет с достаточной степенью уверенности судить о её первоначальном облике (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353; Могилич И., 1979. С. 105–106). Проведённые в 1977 г. архитектурно-археологические исследования памятника дают основания считать, что до её возникновения на этом месте находился более ранний, скорее всего, деревянный храм (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353).

С. 133–139; Инкин, 1988. С. 5–63; Пашич, 1996). Автор наиболее подробного исследования этого и других подобных источников О. Купчинский пришёл к аргументированному выводу о том, что в основе этого документа лежат подлинные известия, хотя сам текст впоследствии был переделан (см.: Купчинский, 2004. С. 372, 533–559). В настоящее время, несмотря на значительные перестройки в XVII в., церковь Николая полностью сохранила свою первоначальную основу, плановую, а во многом и объёмно пространственную структуру, что позволяет с достаточной степенью уверенности судить о её первоначальном облике (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353; Могилич И., 1979. С. 105–106). Проведённые в 1977 г. архитектурно-археологические исследования памятника дают основания считать, что до её возникновения на этом месте находился более ранний, скорее всего, деревянный храм (Малевакская, Иоаннисян, Могилич, 1978. С. 352–353).

Вольнской Руси, уступая это место Львову, а окончательно это происходит уже в XIV столетии, когда Юрий Львович сосредотачивает всю свою строительную активность на Львове. В это время старые столицы—Холм, практически полностью разрушенный Галич—уже почти утратили свое значение стольных городов и главных княжеских резиденций, и в создании там столь мощных укрепленных дворцовых ансамблей, каким предстаёт группа каменных зданий и сооружений на Высокой Горке в Холме, уже не было никакой необходимости.

Отмеченные венгерские, а особенно эстергомские истоки своеобразия холмских памятников XIII в. не удивительны. Связи Галицкой, а затем и Галицко-Вольнской земель и Венгрии на протяжении всего домонгольского времени были тесными [50]. Свои детские и юношеские годы Даниил провёл в Эстергеме, где он воспитывался при дворе короля Андрея II, после того как в 1206 г. вместе с матерью вынужден был бежать из Галича [51]. Но и позднее, уже став могущественным, управляя Галичем и значительной частью русских земель, Даниил не терял связи с эстергомским двором. Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что во время коронации Белы IV в 1235 г. Даниил был среди наиболее приближённых новому королю лиц [52]. С 1228 по 1230 гг. Галич вновь оказался под властью венгров [53], а Даниил, вернув себе галицкий престол и владея затем Галицким княжеством в течение 34 лет (с 1230 по 1264 г.), после опустошительного монгольского нашествия, в ходе которого Галич был разорён и разрушен, окончательно переселяется в Холм. Оттуда он управляет своей землёй, короновавшись в 1253 г. как король Галицкий [54] и находясь в вассальной зависимости от венгерских правителей.

Строительство второй половины XIII—первой половины XIV века во Львове

В другом молодом городе княжества—Львове—развитие зодчества пошло по несколько иному пути. Построенная во второй половине XIII в. церковь Николая [55], так же как и постройки Холма, продолжает традицию домонгольского галицкого каменного зодчества, однако ориентирована на совершенно иной прототип [ил. 12–16]. Она представляет собой собой здание, принадлежащее к типу крестообразного купольного храма, получившему широкое распространение в архитектуре Греции и Балкан XII–XIII вв. К единственному нефу храма с двух сторон примыкают самостоятельные объёмы притворы, которые, благодаря тому что они соединяются с ним широко раскрытыми в основной объём высокими

13

14

13 Апсида церкви Св. Николая. Вид с юго-востока
14 Интерьер церкви Св. Николая
15 Церковь Св. Николая во Львове. Реконструкция И.Р. Могыльча
16 План церкви Св. Николая

проемами, фактически выполняют функцию боковых нефов. С запада появляется ещё один притвор, отделяющийся от нефа стеной с арочным проёмом. Весь неф храма перекрыт огромным куполом на световом барабане. При этом подкупольные столбы в памятнике отсутствуют как таковые, что превращает её обстановку в бесстолпное зальное пространство [56].

Подкупольными опорами в восточной части служат выступы стен в месте примыкания боковых притворов к основному объёму (слившиеся массивы кладки восточных отрезков стен основного объёма и примыкающих к ним апсид боковых притворов создавали здесь дополнительный запас прочности), а в западной части барабан опирался непосредственно на стену, отделявшую основной объём от западного притвора-бабинца.

Динамичность композиции Николаевской церкви подчёркивалась постепенным повышением различных компонентов здания—алтарной апсиды, боковых притворов и основного объёма, увенчанного куполом. При этом пониженные объёмы апсиды и боковых притворов играли роль контрфорсов, постепенно погашающих распор купола. Этой же задаче подчинена и рациональная система фундаментов храма [57]. Фундаменты боковых притворов, центральной апсиды и основного объёма имели раз-

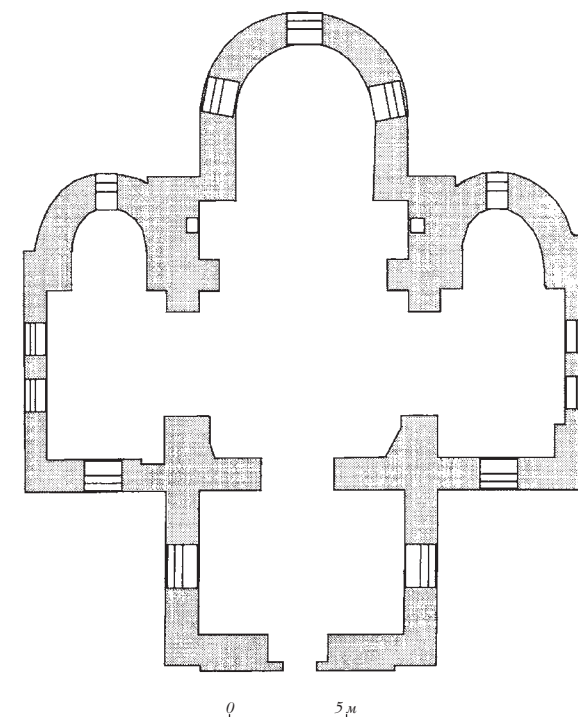
личную глубину заложения, соответствующую различной нагрузке на эти части здания. Наименьшая глубина заложения у фундаментов боковых притворов—2 м. Фундаменты главной апсиды заложены на глубину 2,4 м, а главного объёма здания, принимавшего основную распор купола,—на наибольшую глубину, достигающую 3,1 м.

В Николаевской церкви во Львове проявляется та же тенденция к созданию динамичной башнеобразной композиции, что и в памятниках галицкого зодчества конца XII—первой половины XIII в. (церкви Пантелеймона в Галиче и каменном храме в Василёве на Днестре) и церквях, возведённых в Холме. Однако задача создания башнеобразного храма во Львове решается другими путями, а в основе композиции церкви Николая лежат совсем иные истоки.

Мы уже отмечали, что для плана церкви Николая характерен отказ от использования отдельно стоящих подкупольных опор и превращение боковых нефов в самостоятельные объёмы боковых притворов, что придаёт плану здания крещатый характер [58]. Приём этот в древнерусском зодчестве за пределами Галицкой земли неизвестен, однако в самом галицком зодчестве, как показало недавнее открытие Ю.В. Лукомским церкви в урочище «Царинка» в древнем Галиче [59], эта плановая структура впервые появилась уже конце XII в. [60]

15

16

- [57] Малевская, Иоаннисян, Могитич, 1978. С. 352.
[58] Могитич И., 1979. С. 105–106.
[59] Лукомский, 1993. С. 65–66. Ю.В. Лукомский считает, что крестообразный храм в урочище «Царинка» был деревянным, однако это предположение следует считать ошибочным (см.: Иоаннисян, 2009. С. 432–452).
[60] Лукомский, 1993. С. 65.
[61] Вокотопову, 1975. С. 45–51; Гкиолес, 1992. С. 64–66; Паладопулу, 2002. С. 33–37.
[62] Ibid. С. 37–38.
[63] Вокотопову, 1975. С. 51–56; Паладопулу, 2002. С. 38–44.
[64] Гкиолес, 1992. С. 64–65.
[65] Мпирас, 2001. С. 292–293.
[66] Бошкович, 1966. С. 437–438, рис. 19; Бошкович, 1967. С. 86; Корах, 1987/2. С. 145–156.
[67] Бошкович, 1966. С. 437–438; Трифуновиć, 1981. С. 355–356; Корах, 1987/2. С. 151, рис. 4.
[68] Трифуновиć, 1981. С. 389, Abb. 275; Корах, 1987/2. С. 151, рис. 3; Корах, 1987/1. С. 186–213.
[69] Бурн, 1964. С. 72; Вабі, 1969. Р. 142; Корах, 1987/2. С. 150.
[70] Мы уже отмечали, что подобного рода композиции планов в древнерусском зодчестве XII–XIII вв., за исключением церкви на «Царинке» в Галиче и церкви Николая во Львове, отсутствуют, зато начиная с XVI в. они получают широчайшее распространение в архитектуре Украины, став одним из основных национальных вариантов типа храма. Ср.: Могитич И., 1979. С. 97–107; Флиер, 1988. С. 86–96.

[56] Флиер, 1988. С. 92. Рис. 1, 23.

храма в бесстолпное крестообразное пространство. Подобные храмы получили широкое распространение в Греции с IX по XIII в. Они строились в Эпире (в Арте и её окрестностях: церковь Агиос Василеос тис Гефироc [61], церковь Агиа Параскеви ту Драку [62] и представляющая собой несколько более сложный вариант церковь Панагия Коронисиас [63]); на островах [64] и в более простом варианте (без апсид на боковых ветвях креста)—в Аттике [65] [ил. 17–20].

Другим регионом, где такой тип храма получил распространение, особенно в XIII–XIV вв., является Сербия. Именно там в храмах рашской школы (церкви в Жиче [66], Св. Апостолов в Пече [67] и церковь в Милешеве [68]) [ил. 21–26] в конце XII–XIII в. появляется бесстолпная структура купольного храма, в которой боковые нефы превращаются либо в закрытые пастофории (Печ, Милешево), а по существу в самостоятельные капеллы, либо в небольшие капеллы, примыкающие снаружи к основному объёму в его западной части (Жича, Милешево) [69]. В милешевской церкви мы сталкиваемся и с тем, и с другим вариантом капелл.

Глухие пастофории рашских храмов снаружи не производят впечатления отдельных объёмов, а создают иллюзию трёхнефного храма. Точно так же выглядят и боковые капеллы церкви Николая во Львове.

Ещё одной интересной особенностью памятников рашской школы (церкви в Пече и Милешеве) являются расширения наоса к северу и югу, расположенные к западу от пастофориев и равные им по ширине, создающие иллюзию транспта, что придаёт планам этих храмов характер, близкий к крещатости таких памятников, как церковь на «Царинке» в Галиче и церковь Николая во Львове. В Жиче, где пастофории отсутствуют, такие выступы находятся по сторонам подкупольного квадрата, образуя открытый трансепт [70].

Помимо Николаевской церкви, из письменных источников известно о существовании во Львове ещё нескольких храмов, возникших при князьях Льве Даниловиче и его сыне Юрии Львовиче, т.е. в конце XIII—первой половине XIV в. Это церковь Параскевы Пятницы [ил. 27–30], монастырская церковь Св. Онуфрия [ил. 31], церковь Св. Георгия и деревянная Воскресенская церковь, костёл Марии Снежной и костёл Иоанна Крестителя. Из них до наших дней дошел только костёл Иоанна Крестителя [ил. 32–35], расположенный недалеко от Николаевской церкви, остальные же храмы на протяжении XVI–XVIII вв. были заменены другими, а их археологическое изучение не даёт достаточно оснований для того, чтобы делать глубокие выводы об их облике. Поэтому

Поиски аналогичных решений плановой структуры храма в архитектуре христианского мира приводят нас на Балканы. В византийской архитектуре известны храмы, у которых боковые нефы не выделяются линиями столбов, а образуются в результате того, что трансепт получается путём добавления к основному объёму широко раскрытых в наос боковых притворов. Такие притворы становятся фактически боковыми нефами, что превращает интерьер

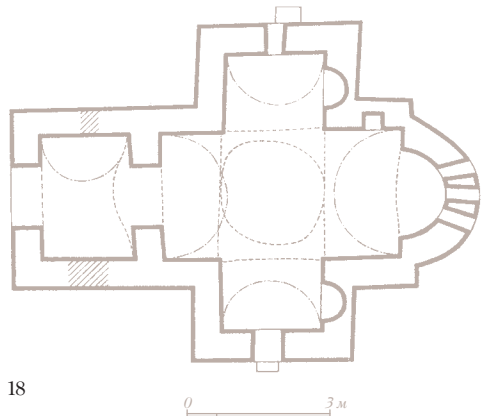

17

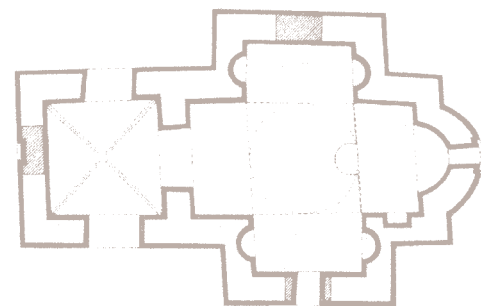

19

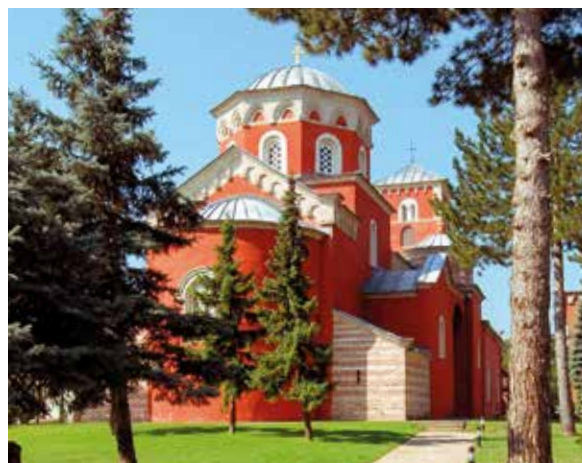
- 17 Церковь Агиос Василиос тис Гефирас близ Арты (Эпир, Греция). Начало XIII в.
 18 Церковь Агиос Василиос тис Гефирас близ Арты (Эпир, Греция). План
 19 Церковь Агия Параскеви ту Драку близ Арты (Эпир, Греция). Начало XIII в.
 20 Церковь Агия Параскеви ту Драку в окрестностях Арты (Эпир, Греция). План
 21 Кафоликон монастыря Жича, Сербия. 1220–1221 гг. Общий вид с востока
 22 Кафоликон монастыря Жича, Сербия. План
 23 Церковь Св. Апостолов в Пече, Сербия. 1230-е гг.
 24 Церковь Св. Апостолов в Пече, Сербия. План
 25 Церковь Вознесения в Милешево, Сербия. 1218–1219 гг.
 26 Церковь Вознесения в Милешево, Сербия. План

18

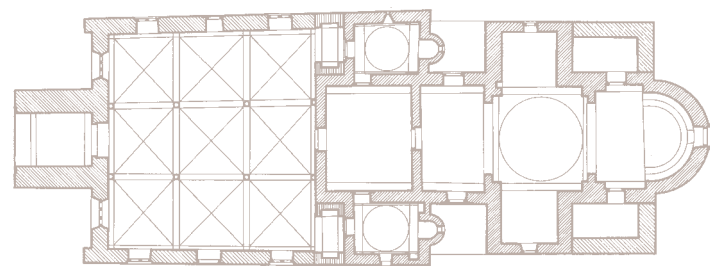
20

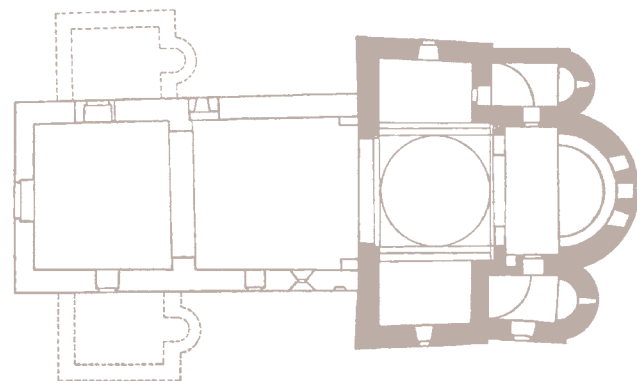
21

23

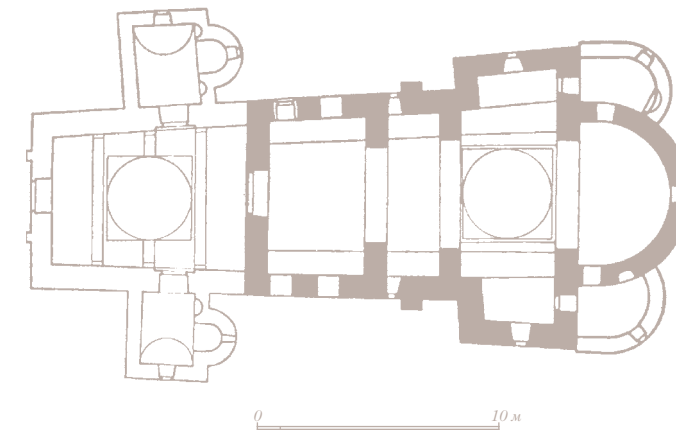
22

24

25

26

начнём рассмотрение львовских памятников с хорошо сохранившегося костёла Иоанна Крестителя.

Первое достоверное упоминание об этом костёле в письменных источниках относится к 1371 г. [71], однако он, несомненно, возник раньше. В источниках это никак не отражено [72].

В 1616 г. в реляции каноника львовского кафедрального костёла Томаша Пиравского появляются сведения, что костёл Иоанна Крестителя был построен Львом Даниловичем для своей жены, венгерской принцессы Констанции—дочери короля Бельи IV [73]. Отдельные строительные и архитектурные

особенности костёла заставляют отнести к тексту Т. Пиравского с большой степенью доверия и предположить, что в его распоряжении находились какие-то не дошедшие до нас источники, на которые он опирался, составляя свою реляцию. Косвенно это подтверждается расположением костёла в непосредственной близости от придворного княжеского храма—Николаевской церкви. Известно, что галицкие князья со времён отца Льва Даниловича—Даниила Галицкого, а точнее с 1254 г., носили ещё и титул «Rex Russiae» («Король Руси»), оставаясь при этом православными [74]. Бракосочетание Льва Даниловича и Констанции произошло между 1246 и 1251 гг. [75] Эти две даты в таком случае и будут определять нижнюю границу времени возникновения храма. Верхняя граница в таком случае могла бы быть определена годом смерти Констанции, однако он неизвестен [76].

На протяжении XVI–XVIII вв. костёл неоднократно подвергался ремонтам и даже был расписан в XVI столетии [77]. Наиболее серьёзные реставрации костёла были проведены дважды на протяжении второй половины XIX в. [78] Но они, существенно изменив фасадную декорацию храма, практически не затронули ни массива его стен, ни его объёмно-пространственной структуры.

Архитектурно-археологические и натурные исследования памятника, проводившиеся в 1970–1980-х гг. [79], показали, что костёл изначально был одноапсидным храмом с гранёной трапезиевидной апсидой, т. е. был возведён в форме, характерной для частных капелл и приходских храмов позднероманской и готической эпохи. Костёл построен из брускового кирпича в системе готической кладки, при которой в одном ряду чередуются кирпичи, уложенные тычковой и ложковой стороной

- [71] *Островский*, 1965. С. 16–18.
 [72] У разных авторов XIX–XX вв. приводятся разные даты его основания—1233, 1234, 1250, 1260, 1270, 1292, 1340, 1370 гг. (см.: *Janusz*, 1928. S. 7–12; *Кос*, 1996. С. 513–516; *Могитич И.*, 1997. С. 9; *Антипов*, 2000. С. 101–102; *Могитич Р.*, 2008. С. 51–52), и даже совсем фантастическая—XII в. (*Багрий*, 1986. С. 212; *Могитич И.*, 1997. С. 9–10). А. И. Кос, а вслед за ней и И. В. Антипов предпочитают относить постройку храма к XIV в. (*Кос*, 1996. С. 513–516; *Антипов*, 2000. С. 102).
 [73] *Relatio status*, 1893. S. 105. На чём основывался Т. Пиравский, приводя эти сведения, не известно. Некоторые исследователи скептически относятся к записи каноника (*Кос*, 1996. С. 513–516; *Антипов*, 2000. С. 101–102).
 [74] Став женой галицкого князя, Констанция не приняла православия и продолжала оставаться католичкой (*Войтович*, 2006. С. 25). Поэтому она должна была иметь свой

придворный храм, которым, по всей видимости, и стал костёл Иоанна Крестителя. Поэтому показательно, что большинство из перечисленных выше датировок храма не выходит за пределы XIII в. [75] Там же. С. 501.
 [76] Л. Войтович считает, что Констанция умерла незадолго до смерти мужа (Там же. С. 501). Учитывая, что Лев Данилович скончался в 1301 г., время создания костёла должно уложиться в пределы второй половины XIII в. В ходе археологических исследований в интерьере костёла был обнаружен каменный саркофаг необычно больших размеров (*Войтович*, 1986. С. 212). Можно предположить, что он предназначался для погребения какой-то весьма значимой персоны. Этой персоной могла быть сама Констанция.
 [77] *Могитич Р.*, 2008. С. 51.
 [78] В 1855 и в 1886–1889 гг. (см.: *Вуйцик*, 1979. С. 26). В ходе первой из этих реставраций на стене появилась памятная доска,

указывавшая 1270 г. как дату создания костёла (*Могитич Р.*, 2008. С. 51–52). А в ходе второй, проводившейся в духе «стилистической» реставрации под руководством известного львовского архитектора и одного из первых исследователей галицкого зодчества Юлиана Захаревича, фасады здания приобрели настолько откровенно стилизованный романо-готический облик, что уже в XX в. древний памятник стали считать почти полностью утраченным и воспринимать существующее здание не как древнее, а как произведение самого Юлиана Захаревича (*Островский*, 1965. С. 17–18).
 [79] См.: *Малевская, Иоаннисян, Могитич*, 1978. С. 352–353. Удаление поздней штукатурки и «неороманской» декорации Ю. Захаревича с его фасадов, проведённое в ходе исследований и реставрации, дало возможность выяснить характер кладки и изначально систему декорации фасадов.

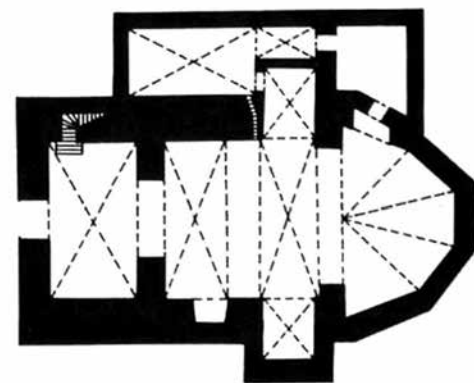

27

28

- 27 Церковь Св. Параскевы Пятницы во Львове. Конец XIII — первая половина XIV в., с поздними переделками. Современный вид с востока
- 28 Церковь Св. Параскевы Пятницы. Современный вид с юго-запада
- 29 План церкви Св. Параскевы Пятницы. XIII-XV вв.
- 30 Фрагмент фасада церкви Св. Параскевы Пятницы. XIII-XV вв.
- 31 Онуфриевский монастырь во Львове. Конец XIII — первая половина XIV в., с поздними переделками. Современный вид
- 32 Костёл Иоанна Крестителя во Львове. Вид с юго-запада
- 33 Костёл Иоанна Крестителя. Конец XIII — первая половина XIV в. Фасады, разрезы, планы 1-го и 2-го ярусов (по И.Р. Могытчу)
- 34 Костёл Иоанна Крестителя. Восточный фасад, план раскопок, план здания, разрезы через окна. Обмер М.В. Малевской
- 35 Витражное окно на центральной грани апсиды костёла Иоанна Крестителя

29

30

к фасаду. Это обстоятельство также заставляет относить время появления костёла не к XIV, а ко второй половине XIII в.: в XIV столетии на землях Западной Руси (т.е. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также в Польше и Литве) готическая кладка по системе «ложок-тычок» сменяется так называемой «вендской» или «балтийской» кладкой, при которой в каждом из рядов уложенные тычком к фасаду кирпичи перемежаются не одним, а двумя кирпичами, уложенными ложковой стороной к фасаду [80].

Цоколь и обвязка углов здания и лопатки выполнены из тёсаных квадров белого

камня. В кирпичную кладку восточной стены вставлены белокаменные блоки, в которых прорезаны маленькие щелевидные оконца характерной для готики стрельчатой формы. На центральной грани апсиды располагается врезанное в кирпичную кладку витражное окно крестообразной формы, обрамление которого также выполнено из блоков белого камня с тонко прорисованной профилировкой, состоящей из двух валиков в четверть окружности. Из белокаменных квадров выполнено и обрамление портала. Ещё одним белокаменным элементом здания являются профилированные консоли, на которые опираются стрельчатые арки

[80] См.: *Абрамушка*, 1963. С. 10; *Трусов*, 1988/2. С. 84.

[81] Круглое окно-«роза» с кирпичным обрамлением и переплётом, помещённое в тимпане фронтона западного портала, а также выполненная из кирпича аркатура с «ломбардским» полуциркульным очертанием арок целиком являются плодом стилизаторского творчества Ю. Захаревича.

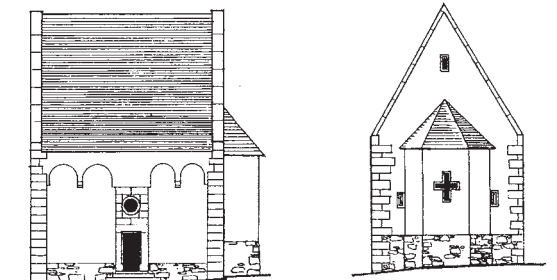
[82] М.В. Малевская склонялась в пользу его датировки первой половиной XIV в. (*Малевская*, 1989. С. 218).

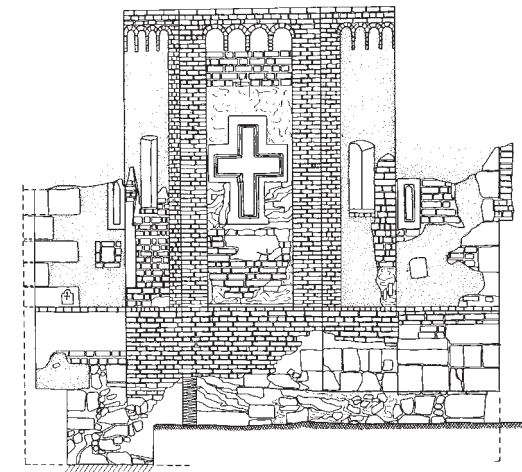
31

32

33

34

35

декоративной аркатуры, проходящей по боковым фасадам здания в основании их карнизов. Единственный неф костёла в настоящее время перекрыт коробовым сводом, скрытым на восточном и западном фасадах здания фронтонами щипцовой формы. Эта завершающая часть здания, так же как и её высокая двускатная кровля, появилась уже в результате одного из многочисленных ремонтов здания в XVI-XVII вв., однако нет сомнения, что изначально она имела такой же или же весьма близкий к ныне существующему «готический» характер [81].

Если датировка костёла второй половиной XIII в. верна, то это первый памятник

Галицкой земли, в котором наряду с белым камнем используется готический брусковый кирпич, причём именно он является основным строительным материалом здания, в то время как тёсаный белый камень используется в качестве вспомогательного материала, применяемого в декоративных целях.

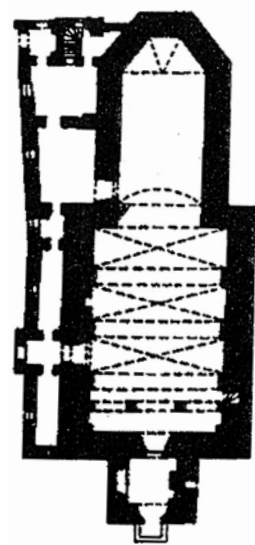
К концу XIII или XIV в. восходит и история другого католического храма древнерусского Львова—костёла Марии Снежной [82] [ил. 36-39]. В своём нынешнем виде, как было выявлено археологическими исследованиями, он представляет собой здание, возведённое во второй половине XVI в. на старом

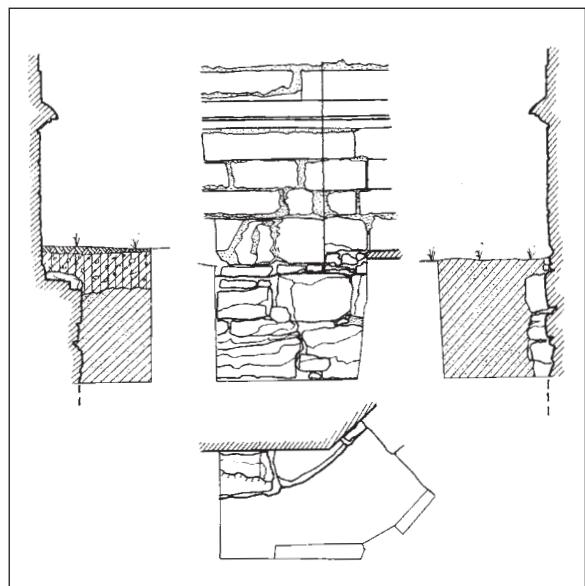
36

38

37 0 10 м

39

основании [83]. М.В. Малевская установила, что от древнего храма сохранились не только фундаменты, но и нижние, цокольные части стен [84].

Костёл Марии Снежной принадлежал к типу однефного храма, однако значительно превосходил костёл Иоанна Крестителя своими размерами, а между алтарной апсидой и нефом имел ещё и хор-пресвитерий. Эти отличия вполне объяснимы: костёл Иоанна Крестителя выполнял лишь функции личной капеллы княгини, а впоследствии стал её усыпальницей, в то время как костёл Марии Снежной был городским храмом, принадлежавшим общине львовских католиков, которая уже во времена Льва Даниловича была весьма многочисленной [85].

Так же как и в костёле Иоанна Крестителя, в храме Марии Снежной камень сочетался с брусковым готическим кирпичом-пальчаткой [86]. Нет никаких сомнений, что кровля храма имела двускатную форму, а восточный и западный фасады завершались высокими фронтонами, однако был ли его свод коробовым или готическим на нервюрах, остаётся только гадать.

И костёл Иоанна Крестителя, и костёл Марии Снежной были католическими храмами. Поэтому не вызывает удивления, что в них мы сталкиваемся с совершенно другой типологией и архитектурными формами церковного здания, чем в церкви Св. Николая, архитектура которой восходит (хотя и с существенными изменениями) ещё к старой домонгольской традиции и к характерной для православного древнерусского зодчества типологии форм. Между тем другие православные храмы города, возникшие

[83] Могитич Р., 2008. С.54–55. Немецкий купец и путешественник XVI в. Мартин Груневег, в ходе своего путешествия в Киев (1584–1585) посетивший Москву и Львов, в подробном описании своей поездки, сопровождаемом к тому же рисунками увиденных зданий и даже их планами, пишет, что костёл Марии Снежной был деревянным, но был «полностью обновлён» во время его пребывания в Львове, причём сделаны новые окна с расписными стёклами (см.: Мартин Груневег, 2013. С.133).
[84] Малевская, 1989. С.218. Скорее всего, они служили фундаментом для деревянной церкви, о которой писал М.Груневег.
[85] М.В. Малевская считала, что довольно большие

для приходского храма размеры костёла Марии Снежной объясняются тем, что до постройки во второй половине XIV в. городского католического костёла (см. о нём: Вуйцик, 1979. С.27), возведённого в стиле высокой готики, костёл Марии Снежной какое-то время выполнял функции городской католической кафедры (Малевская, Кос, Рожко и др., 1979. С.362).
[86] Там же.
[87] Zubrzycki J., 1928. S.9.
[88] Могитич Р., 2008. С.53.
[89] Zubrzycki J., 1928. S.9.
[90] Малевская, Кос, Рожко и др., 1979. С.361. К тому же склонялись Г.С. Островский (Островский, 1965. С.65) и В.С. Вуйцик (Вуйцик, 1979. С.25). Г.Н. Логвин предполагал, что стены первоначальной церкви сохранились на значительно больш-

36 Костёл Марии Снежной во Львове. Конец XIII – начало XIV в. Перестроен во второй половине XVI в. Современный вид
37 Костёл Марии Снежной во Львове. План
38 Костёл Марии Снежной. Каменная кладка и кирпичная кладка нижней части стен храма конца XIII – начала XIV в.
39 Костёл Марии Снежной. Фундамент и цоколь апсиды храма конца XIII – начала XIV в. План, фасад детали и разрез. Обмер М.В. Малевской
40 Деревянная церковь Св. Фёдора Тирона во Львове, после перестройки в 1716 г. Реконструкция И. Бокало
41 Львов в XIV в. Реконструкция И. Качора, на основании гравюры Ф. Гогенберга по рисунку А. Пасаротти (1607–1618)
42 Собор Св. Юра во Львове. 1363 г. Архитектор Доринг. Изображение на иконе начала XVII в.

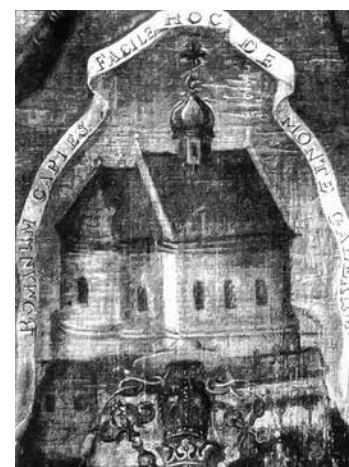
во второй половине XIII–первой половине XIV в., следуют не старой православной типологии, а повторяют формы и типологию католических храмов. Речь идёт о Пятницкой церкви и о церкви Онуфриевского монастыря.

Пятницкая церковь впервые упоминается в письменных источниках под 1443 г. [87], свой окончательный облик она приобрела в 1644 г. [88], однако возведена была ещё в эпоху древнерусского Львова [89]. Археологические исследования выявили в её основании следы более ранней каменной постройки, которые, впрочем, не позволяют уточнить датировку первоначального храма. М.В. Малевская предложила довольно широкую его датировку в пределах конца XIII–середины XV в. [90] Его плановая структура, судя по археологическим исследованиям, совпадает с плановой структурой существующей ныне однефной церкви XVII в. Таким образом, это был храм, типичный для приходских костёлов, получивших широчайшее распространение в европейской архитектуре в эпоху поздней романки и готики. Для нас важно, что, несмотря на использование откровенно западного типа сооружения, Пятницкая церковь изначально была построена как православный храм.

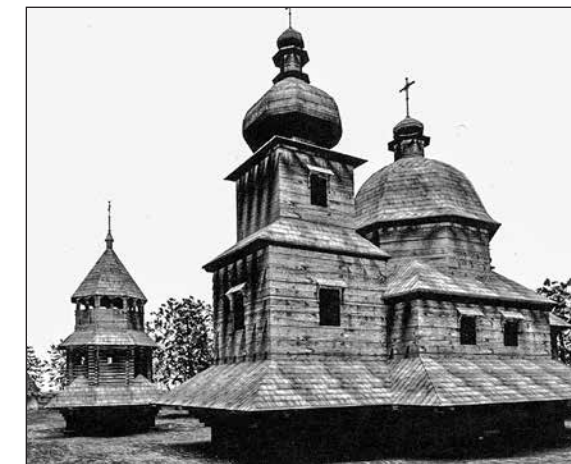
Основание церкви монастыря Св. Онуфрия, согласно письменным источникам, относится к XIII в. и связывается с именем князя Льва Даниловича [91]. Однако существующее здание принадлежит уже к другим эпохам [92]. Как выглядел первоначальный храм—неизвестно. В позднесредневековых источниках указано лишь, что ранее монастырские постройки располагались на другом месте—в глубине нынешней территории, ближе к Замковой горе [93]. Возможно, археологические исследования в дальнейшем позволят выявить ещё один памятник древнерусского Львова. Но не исключено, что первоначальная церковь Св. Онуфрия была деревянной и не сохранила археологических остатков.

41

42

40

Из грамоты 1292 г. известно ещё о двух деревянных храмах древнерусского Львова—Воскресенской церкви и церкви Св. Фёдора Тирона [94]. Первая из них утрачена безвозвратно, а церковь Фёдора Тирона, несмотря на многократные перестройки (последняя из которых датируется 1706 г.) [95], просуществовала до 1774 г. [96] [ил. 40].

Деревянным был и первый собор Св. Юра (Георгия). Позднесредневековые документы относят его основание ко времени княжества князя Юрия Львовича, т.е. к первой половине XIV в. [97] Львовский хронист XVII в. Юзеф-Бартоломей Зиморович приводит сведения о более ранней дате основания монастыря и собора—1280 г., сообщая, что монастырь и церковь были построены из бука ещё Львом Даниловичем для своего дяди волынского князя Василья Романовича [98]. Изображение храма дошло до нас на панораме Львова, созданной в 1618 г. Ф. Гогенбергом-Пассаротти [99] [ил. 41]. После перестройки собора в камне в 1363 г., судя по изображению на иконе начала XVII в. [ил. 42], в этом храме, как и в уже рассмотренной церкви Параскевы Пятницы, была использована плановая структура зального

утрачена безвозвратно. См.: Могитич Р., 2008. С.54.
[93] Там же.
[94] Могитич Р., 2008. С.55; см. также упоминание о ней в грамоте Льва Даниловича 1292 (Купчинский, 2004. С.539, 542, 546, 557).
[95] Могитич Р., 2008. С.55.
[96] Там же. С.56, примеч.16.
[97] Там же. С.56.
[98] Там же. С.56, примеч.17. Монастырь вместе с собором были сожжены во время взятия Львова польским королём Казимиром III в 1340 г., но уже в 1341 г. собор был восстановлен. В 1363 г. он был перестроен уже в камне архитектором Дорингом, который в это же время возвёл во Львове и Армянский собор. Каменный собор XIV в. в 1743 г. был сменён существующим и ныне грандиозным собором в стиле барокко.
[99] Могитич Р., 2008. С.6.

однефного приходского католического костёла с одной апсидой и хором-пресвитерием, а его внешний облик имел особенность, явно заимствованную из традиций древнерусского зодчества: над коньком щипцовой двускатной кровли возвышался небольшой барабан, увенчанный куполом. Впоследствии, в XVI–XVIII вв. именно такой тип храма станет характерным для православного строительства в западных регионах Украины, входивших в это время в состав Польши.

Армянский собор во Львове (1363–1370) [ил. 43–48], возведённый на средства армянских купцов Акопа, сына Шахиншаха из Кафы, и Пантоса, сына Абраама из Газарата [100], стал главным храмом многочисленной львовской армянской общины. Участие в строительстве собора Доринга, по некоторым сведениям—немеца или поляка, неверная оценка некоторых форм постройки, принимаемых за оригинальные (в частности, характера покрытий рукавов и решения

полукруглых, украшенных аркатурой апсид), явились основой устойчивого мнения о связи её архитектуры с традициями галицкого домонгольского зодчества [101]. Однако относительно недавно проведенная реконструкция объёмной композиции собора и новое исследование декорации апсид, осуществлённой, как оказалось, лишь при перестройке храма в 1902 г. при архиепископе Йозефе Теодоровиче в соответствии с идеей утверждения армянской идентичности, когда одновременно интерьер был расчищен от лепнины и обнажилось первоначальное внутреннее убранство, позволили многое пересмотреть. Выяснилась принадлежность храма к армянской традиции, заранее адаптированной к культуре Крыма, откуда происходили не только ктитория, но и предположительно зодчий и мастера [102]. Если Доринг являлся именно архитектором собора, то он, несомненно, был знатоком прежде всего крымской вариации армянского зодчества, а также византийского

- 43 Армянский собор во Львове. XIV в. Вид с северо-востока
- 44 Армянский собор. Вид с юго-востока
- 45 Армянский собор. Подкупольное пространство на иконе начала XVII в.
- 46 Армянский собор. Интерьер
- 47 Армянский собор. План
- 48 Армянский собор. Графическая реконструкция на 1363 г. (по Р.И. Могытычу)

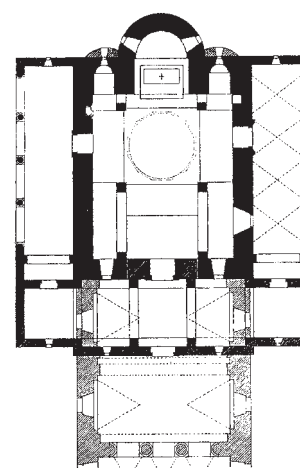
43

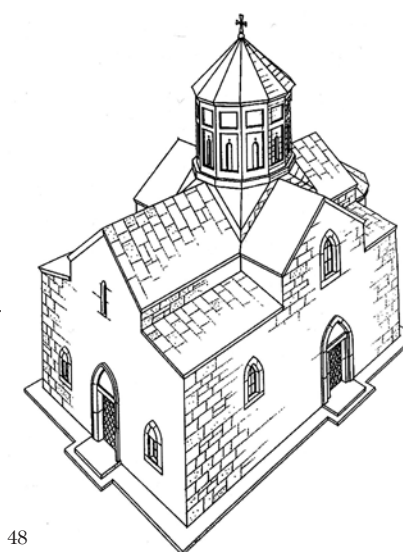
44

45

47

48

46

[100] Там же. С. 60. Автор благодарит А.Ю. Казаряна за консультацию.

[101] Там же.

[102] Wolanska, 2010; Годоваток, Трегубова, 2010. С. 876–877; Казарян, 2013. С. 119, 121, 123.

[103] Казарян, 2013. С. 119, 121, 123.

[104] После упразднения монастыря австрийским правительством в конце XVIII в. она была полностью разобрана в 1816 г. См.: Антлов, 2000. С. 94–96.

[105] Купчинский, 2004. С. 559–571. Несмотря на то, что эта грамота считается подложной, О. Купчинский полагает, что есть все основания доверять сообщаемым ею сведениям, по крайней мере тем, которые начиная с XV в. неоднократно подтверждались польскими королями. См. текст подтверждающих привилегий XV–XVIII вв.: Там же. С. 619–627, 819–821, 875–877, 881–882, 906–911, 1038–1040, 1062–1066.

[106] Малевская, 1989. С. 215–217.

(окна в своде вимы, карнизные тяги по основаниям сводов) и древнерусского (три выдвинутые апсиды) храмоустройства [103].

Несмотря на то, что после монгольского нашествия и катастрофического разгрома Галича в 1241 г. Львов, сменивший Галич в роли стольного города, превращается в главный строительный центр Галицкой Руси, архитектурная деятельность на её территории не ограничивается только этим городом.

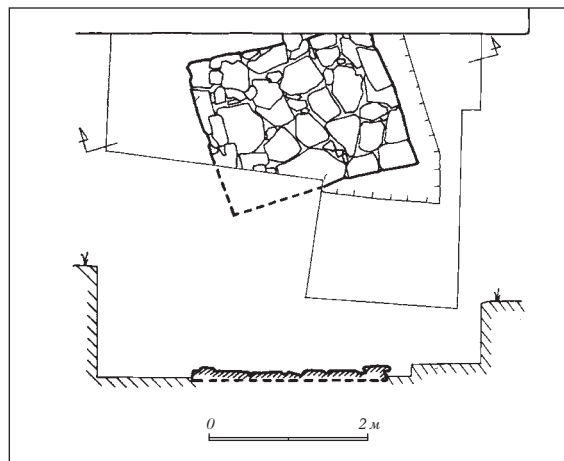
Строительство в других центрах Галицкой земли (Спасский монастырь под Старым Самбором, Галич, Лавров, Дрогобыч)

В самом конце XIII в. в предгорьях Карпат создаётся памятник, непосредственно продолжающий традиции домонгольской древнерусской архитектуры,—церковь Спаса Спасского монастыря близ Старого Самбора [104] [ил. 49, 50]. Спасская обитель была основана в 1292 г. сыном Даниила

Галицкого—князем Львом Даниловичем. Сведения об этом содержатся в грамоте Льва Даниловича, датированной этим годом [105]. О времени окончания строительства церкви (1295) сообщала надпись, сделанная на камне над боковым входом в храм в XVI в. До нашего времени церковь не дошла. Тем не менее о храме возможно получить некоторое представление благодаря тому, что перед разборкой был выполнен план церкви, а в 1788 г. составлено подробное описание монастыря и проведена оценка его зданий и имущества [106]. Церковь представляла собой трёхапсидный четырёхстолпный храм со столбами прямоугольной формы. Таким образом, характер здания полностью укладывается в русло традиционных для древнерусского зодчества форм. Однако его кладка, насколько об этом можно судить из описаний, имела несколько необычный для более раннего домонгольского зодчества характер: наряду с тесаными квадратами камня в ней было использовано большое количе-

49

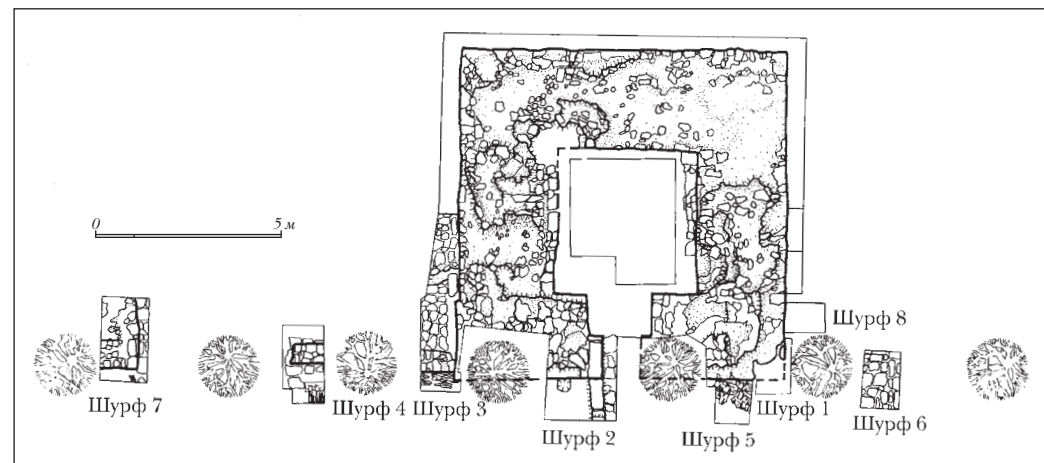
50

ство кирпича, причем не плинфы, а именно кирпича брусковой формы. Судя по количеству кирпича, которое было израсходовано на строительство церкви и её колокольни, кирпич явно преобладал над камнем в кладке здания [107]. Это дало основание утверждать, что из камня были сложены только цоколь церкви, её порталы и, возможно, наличники окон [108].

Фундамент был сложен из камня-плитняка без раствора, однако в ходе раскопок в развалах было найдено довольно большое количество обломков брускового кирпича-пальчатки и даже небольшие блоки кладки, выполненной из него. Толщина швов достигала 1,5–3 см [109]. И характер кирпича, и характер швов раствора типичны для кирпичных памятников Галицко-Волинской Руси и Польши второй половины XIII–XIV вв.

51

52

В ходе археологических исследований 1978 г. на территории Спасского монастыря были обнаружены остатки ещё одного каменного памятника—башни, имевшей в плане почти квадратную форму с размерами сторон 8,8×8,7 м [110] [ил. 51, 52]. Башня была возведена из плохо обработанных блоков плитняка, кладка из которых сохранилась на уровне нижнего яруса на высоту до 1 м [111], а выше были использованы кирпичи, аналогичные по форме и формату кирпичам Спасского собора того же монастыря [112]. Это даёт основания считать, что церковь и башня были построены в одно время как единый ансамбль, и их, таким образом, следует датировать рубежом XIII–XIV вв. [113]

После того как древний Галич в ходе монгольского нашествия в 1241 г. был фактически стёрт с лица земли, город снова возродился уже на новом месте—на берегу Днепра. Произошло это, скорее всего, в конце XIII или начале XIV в. И хотя свою роль княжеского центра и стольного города он уступил более молодым городам—княжеской резиденции Холму и новой столице Львову, каменное строительство велось и в этом небольшом городке, которому уже никогда более не было суждено вновь стать одной из крупнейших столиц Руси. В конце XIII или первой половине XIV в. в новом Галиче строится городской приходский храм—церковь Рождества Христова [114] [ил. 53–55]. Более точная дата её постройки неизвестна. Несмотря на то, что церковь полностью сохранилась до нашего времени, она до сих пор практически не исследована [115].

Натурные исследования 1970 и 1975 гг. также носили ограниченный характер и мало что добавили к нашим знаниям о памятнике [116]. План этой церкви почти точно совпадает с планом основного ядра Армянского собора во Львове и по-видимому, именно эта галицкая церковь послужила образцом немецкому или польскому архитектору Дорингу для создания Армянского собора. И для того, и для другого храма характерно использование очень широкого

- 49 Спасский монастырь под Старым Самбором (Львовская обл. Украины). Конец XIII в. Фундамент одного из столбов собора (раскопки М.В.Малевской 1980 г.)
- 50 Спасский монастырь. План и разрез раскопа М.В.Малевской 1980 г.
- 51 Спасский монастырь. Башня. Фрагмент фундамента (раскопки М.В.Малевской 1980 г.)
- 52 Спасский монастырь. Башня. План. Чертёж М.В.Малевской
- 53 Церковь Рождества Христова в Галиче. Конец XIII или первая половина XIV в. План
- 54 Церковь Рождества Христова. Общий вид
- 55 Церковь Рождества Христова. Интерьер

[107] В XVIII в. это было подсчитано и указано в описях, составленных дотошными австрийскими чиновниками. Там говорится, что «церковь вместе с колокольней содержали 656000 кирпичей». См.: Там же. С. 217.

[108] Попытки археологически исследовать разобранную в XVIII в. церковь привели к минимальным результатам. Оказалось, что при разборке были полностью выбраны и фундаментные рвы, которые впоследствии заплывли глиной и оказались неотличимыми от материкового грунта. Поэтому при раскопках они не могли быть прочтены. Единственный участок кладки, обнаруженный при раскопках, был отождествлён М.В.Малевской с фундаментом одного из подкупольных столбов храма. См.: Малевская, Иоаннисян, Могитич и др., 1978. С. 353; Малевская, Кос, Рожко и др., 1979. С. 360; Малевская, 1981. С. 277–278.

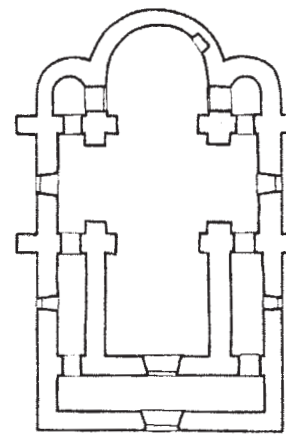
[109] Малевская, 1989. С. 217.
[110] Малевская, Кос, Рожко и др., 1979. С. 360.
[111] Там же.
[112] Малевская, Кос, Рожко и др., 1979. С. 360.
[113] И.В. Антипов конкретизирует эту дату, считая, что башня была возведена между 1295 и 1300 гг., т.е. «в период между окончанием строительства Спасской церкви и до смерти Льва Даниловича». См.: Антипов, 2000. С. 98.

[114] Petiški, 1914. S. 91–103; Могитич И., 1979. С. 103; Иоаннисян, 1988. С. 53, 57; Антипов, 2000. С. 93–94.
[115] В конце XIX в. священником Капустянским была предпринята попытка её археологического исследования, однако его итоги остались неопубликованными и известны лишь по кратким ссылкам на них в работах исследователей начала XX в. К тому же раскопки Капустянского све-

центрального нефа, почти в два раза превосходящего по своей ширине боковые.

Рассматривая памятники Холма, мы уже отмечали, что с конца XII в. в галицком зодчестве шёл поиск новых форм завершения храма, основанный на использовании готических конструкций и сложнопрофилированных опор и направленный на создание сооружений башнеобразного типа. В церкви Св. Николая во Львове та же задача решалась другим способом: путём значитель-

ного расширения нефов и фактического превращения боковых нефов в самостоятельные притворы [117]. Создатели церкви Рождества Богородицы в Галиче вернулись к старой, устоявшейся ещё в архитектуре домонгольской эпохи схеме трёхнефного трёхапсидного храма. Однако значительное увеличение ширины центрального нефа благодаря сужению боковых, по предположению И.Р. Могытыча, могло привести к изменению в системе покрытия здания. Цер-

53

лись лишь к одному шурфу, единственным результатом которого было установление факта, что фундаменты церкви заложены на необычайную глубину. Капустянскому удалось опуститься на глубину 6,3 м, однако до основания фундаментов он так и не дошёл. Ссылаясь на раскопки Капустянского, К.Б. Скуревич сообщает, что в кладке фундамента был найден фрагмент резного белого камня—трёхчетвертной белокаменной колонки, «принесённой сюда, вероятно, во время постройки стен, когда в дополнение к местному мергелю сносили известняковый камень прежних построек» (Скуревич, 1906. С. 14).

[116] Большое значение имеет выполненный во время этих исследований обмер плана церкви, существенно уточнивший обмер конца XIX в., известный по публикациям Ю. Пеленского и К.Б. Скуревича (опубликован: Могитич И., 1979. С. 104).
[117] См. также: Иоаннисян, 1988. С. 53.

54

55

ковь Рождества имела двускатную кровлю, накрывавшую весь объём здания (т.е. все три нефа) [118]. Таким образом, датировка этого храма рубежом XIII–XIV вв., основанная на церковном предании [119], получает дополнительное обоснование.

В середине XIII в. в галицко-волинском зодчестве сосуществуют две традиции, восходящие к противоположным истокам в архитектуре христианского мира: одна из них, отразившаяся в храмах Холма, связана с традициями позднероманской или раннеготической архитектуры, а истоки другой, проявившиеся в Николаевской церкви во Львове, своими корнями уходят в архитектуру Балкан. Но можно с уверенностью утверждать, что и в том, и в другом случае заказчику этих построек—князю Даниилу Романовичу—вряд ли приходилось искать мастеров-строителей где-то на стороне. В Галицкой земле мастера, работавшие в технике строительства из тёсаных квадров камня, уже имелись. Более того, возобновляя строительство в Холме и начиная его во Львове сразу после опустошительного монгольского нашествия, Даниил, вне всякого сомнения, использовал тех же мастеров, которые начинали строительство в Холме в 1230-х гг., незадолго до нашествия монголов. Свидетельством этого является восстановление разрушенных во время набега Куремсы храмов Холма и строительство церкви Богородицы там же, последовавшее уже в 1260 г.

В дальнейшем, с рубежа XIII–XIV вв., эти две традиции приводят к появлению двух

типологически разных групп церковных зданий. Одна из них, отразившаяся во Львове, начинается с возведения откровенно католических храмов—костёла Иоанна Крестителя и костёла Марии Снежной—и основана на использовании типа однефного католического приходского костёла, получившего широкое распространение в европейской архитектуре поздней романики и готики. В дальнейшем эта же типологическая схема используется и в православных храмах Львова (Пятницкая церковь и, возможно, церковь Онуфриевского монастыря). Вторая следует схеме, принятой в восточнохристианской архитектуре (церковь Николая во Львове, церковь Спаса близ Старого Самбора, церковь Рождества в Галиче). Уже в XIV в. в творчестве львовского архитектора Доринга обе эти схемы сливаются в православной архитектуре Львова, образуя типологически и стилистически новый вариант церковного здания, в котором плановая структура трёхнефного трёхапсидного храма, характерная для древнерусского зодчества, соединяется с объёмным решением внешнего облика церкви, ориентированным на облик католического храма, который покрыт двускатной шипцовой кровлей с треугольными фронтонами, завершавшими западный и восточный фасады здания.

Начиная с первой половины XIV в. ещё одна тенденция, относящаяся уже к строительно-техническим особенностям, становится характерной для архитектуры Галицкой земли. На примере церкви в селе

56 Костёл Св. Девы Марии и Св. Варфоломея XIV–XV вв. в Дрогобыче
57 Костёл Св. Девы Марии и Св. Варфоломея, с остатками Дома Воеводы второй половины XIII — начала XIV в. План (по И.Р. Могытычу)

- [118] См.: Могытыч И., 1979. С.104.
[119] *Peleniski*, 1914. С.101.
[120] Могытыч И., 1990. С.221–222.
[121] О костёле см.: *Логвин*, 1973. С.42–45; *Логвин*, 1982. С.364, ил.39, 40. Г.Н. Логвин датирует костёл XV в., однако И.Р. Могытыч, опираясь на работы довоенных польских историков, исследовавших записи XVI в. городского магистрата Дрогобыча, где приводятся точные даты закладки и окончания строительства костёла (*Mściwujewski*, 1936. С.21–22; *Polackówna*, 1936. С.16), существенно уточняет дату костёла, определяя её как 1392–1410 гг. (*Могытыч И.*, 1990. С.221).
[122] Там же.
[123] *Polackówna*, 1936. С.16.
[124] Могытыч И., 1990. С.222.
[125] Там же.
[126] К сожалению, И.Р. Могытыч в своих публикациях ничего не сообщает об обнаружении следов этих кронштейнов.
[127] Там же.
[128] *Богусевич*, *Холостенко*, 1952. С.32–42; *Холостенко*, 1963. С.7–17; *Раппопорт*, 1982. С.40–41.
[129] *Воронин*, *Раппопорт*, 1979. С.103–108; *Раппопорт*, 1982. С.90.
[130] *Воронин*, 1954. С.129–137; *Раппопорт*, 1982. С.102.
[131] *Раппопорт*, *Шолохова*, 1981. С.91–94; *Раппопорт*, 1982. С.94–95.

- [132] *Черненко*, *Казаков*, 2009. С.120–126.
[133] См. о них: *Lorenz*, 1961. С.199–210.
[134] *Ibid.* S.200.
[135] *Piltz*, 1980. С.120–125.
[136] *Misianowicz*, 1969. С.229–232; *Котляр*, 1985. С.66–67, 144, 161, 165.
П.Ф. Лысенко относит Дрогичин к городам Туровской земли (*Лысенко*, 1999. С.88–90), однако это не так: несмотря на то, что этот город действительно расположен на стыке исторических границ Волыни, Туровской земли и Польши, с самого первого его упоминания в летописи под 1142 г. (Ипатьевская летопись, 1962. Стб.788) Дрогичин рассматривается летописцем как город, находящийся во владении волинского князя. В период малолетства князей Романовичей—Даниила и Василька—Дорогичин был захвачен польским князем Лешек Белым и после этого вошёл во владение мазовецкого князя Конрада. В 1237 г. Конрад Мазовецкий передал его во владение рыцарей Добринского ордена (*Kętrzyński*, 1903. С.45; *Polkowska-Morkowska*, 1926. С.145–210). Эти рыцари, выйдя за несколько лет до этого из-под покровительства тевтонов, стали ветвью ордена тамплиеров (*Дьячук*, *Богатырь*, *Пелюев*, 2010. С.206). А.В. Майоров и Н.Ф. Котляр отрицают факт слияния Добринского ордена с тамплиерами, считая, что добринцы сохранили свою самостоятельность (*Майоров*, 2001. С.598; *Котляр*, 2008. С.188). Однако современник этих событий—автор «Летописца Даниила Галицкого» в составе Галицко-Волинской летописи—совершенно недвусмысленно называет рыцарей, от которых Даниил отвоёвал Дорогичин, крестоносцами («крижевниками»), тамплиерами («темпличами») и «Соломоничами», будучи тем самым прекрасно осведомлён о том, что это были рыцари Храма Соломона в Иерусалиме. В уста князя он вкладывает такие слова, сказанные тем перед походом на рыцарей: «Не льбо есть держати наше отчины крижевникомъ, Темпличемъ, рекомым Соломоничемъ»... Но если занимавшие Дорогичин рыцари действительно были ветвью ордена храмовников-тамплиеров, то это приобретает для нас особый смысл.
[137] *Biskup*, *Labuda*, 1985. С.91.

Спас под Старым Самбором и львовских храмов первой половины XIV в. мы уже видели, что наряду с камнем в них всё более и более активно начинают использоваться брусковый кирпич. Уже к 30-м гг. XIV в. он почти полностью вытесняет собой камень, оставляя ему место лишь в угловых (рустовых) и цокольных частях зданий, а также в виде резных декоративных деталей, вставленных в кирпичную кладку.

Характерный пример такого сочетания кирпича с камнем мы видим на примере недавно открытого памятника—гражданской постройки, обнаруженной в Дрогобыче (Львовская область, Украина) под основаниями костёла Св. Девы Марии и Св. Варфоломея [120] [ил.56], который был построен на рубеже XIV и XV вв. польским королем Владиславом II Ягайло, уже после того как Галицкая земля на долгие столетия вошла в состав Польши [121]. Учитывая, что костёл был заложен в 1392 г. [122], обнаруженная под ним постройка должна относиться к более раннему времени. В магистратской книге Дрогобыча, датируемой XVI в., содержатся сведения о том, что костёл был поставлен на месте, где до 1340 г. находился дворец дрогобычского воеводы, разрушенный королём Казимиром Великим [123]. Северная стена постройки сохранилась на полную высоту (9,7 м), на такую же высоту сохранились и угловые участки западной стены. Южная стена сохранилась на высоту 4 м, а восточная была полностью разобрана [124].

Судя по характеру этих руин [ил.57], дворец воеводы в Дрогобыче представлял собой почти квадратную в плане постройку, которая была по меньшей мере двухъярусной. Следы дверного проёма, ведущего в первый ярус, были обнаружены в северной стене ближе к северо-восточному углу здания, а на высоте примерно на 5,5 м выше уровня древнего пола был устроен проём на второй ярус, завершавшийся полуциркулярной перемычкой [125]. Учитывая, что этот проём находился на внешней фасадной стороне стены, попасть через него на второй ярус можно было бы только с деревянной галереи, которая в таком случае должна была опоясывать здание, но тогда ниже уровня порога этого проёма в стене должны были существовать гнезда от кронштейнов, на которые галерея опиралась [126]. В верхней части северного фасада сохранились декоративные двуступенчатые спаренные полуциркулярные арки с белокаменными висячими замками, выложенные из тычков кирпичей [127]. Как мы уже видели, такая система декора существует и в костёле Иоанна Крестителя во Львове, что заставляет предположить не только стилистическую и хронологическую близость этих памятников, но и их принадлежность одной группе мастеров.

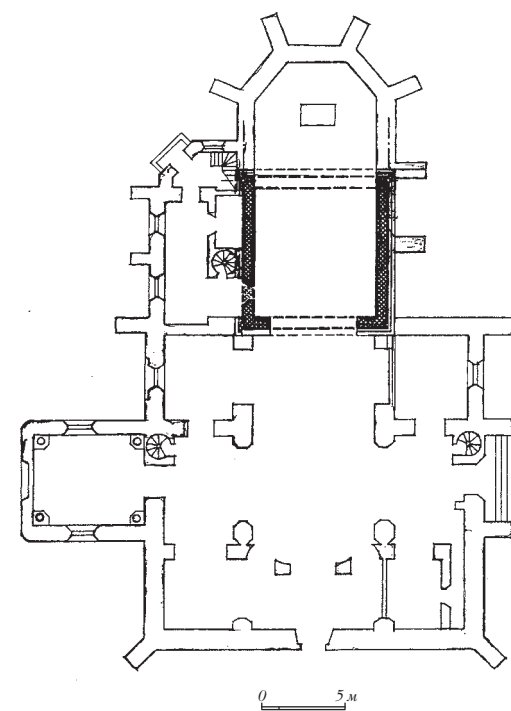
Постройка дворца воеводы в Дрогобыче стала продолжением строительства дворцовых сооружений типа «теремов», сложившегося в Древней Руси ещё в домонгольское время (так называемый «однокамерный терем» в Чернигове [128], терема в Смоленске [129], Гродно [130] и Полоцке [131] и, возможно, гражданская постройка, открытая в 2003 г. в Новгороде-Северском [132]). Некоторые из них дожили до второй половины XIII–XIV в. (терема в Гродно и Полоцке) и даже ремонтировались в это время. Таким образом, в Западной Руси и после монгольского нашествия такие постройки не были чем-то необычным.

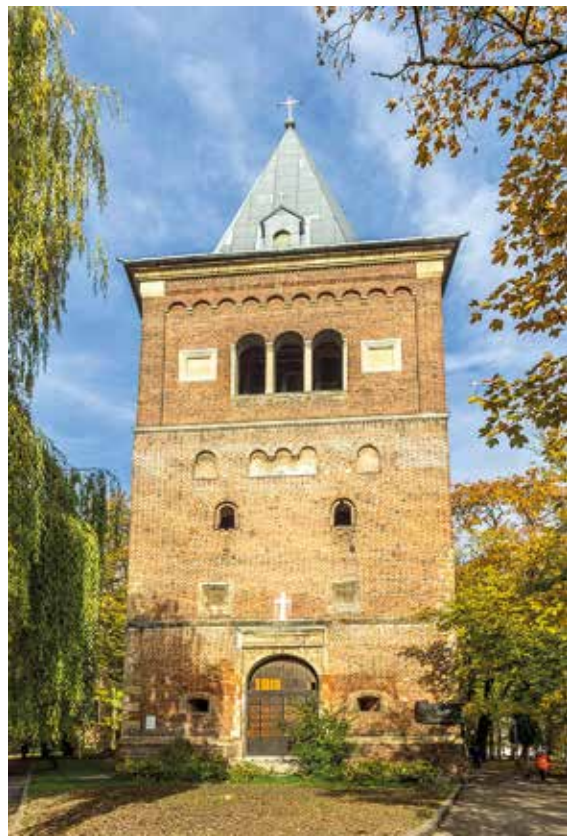
Можно назвать ещё одну аналогию и возможный типологический прототип дрогобычскому «дворцу воеводы», даже более близкий ему и по типу (двух- или трёхъярусные прямоугольные в плане здания), и по технике кладки (сочетание камня с брусковым готическим кирпичом), и по системе декора фасада (набранные из кирпича аркатурные пояски под карнизами и двухчастные слепые аркады в фасадных нишах). Речь идёт о так называемых «башенных домах» (*Torghäuser*), строившихся в замках немецких (мекленбургских) крестоносцев (Старгард, Вреденхаген, Виттенбург, Гадебуш, Грабов, Бютцов, Штрелиц, Штавенхаген, Бойценбург и др.) [133]. Очень близки эти постройки «терему» в Дрогобыче и хронологически—большинство из них датируется 1250–1270 гг. [134], но целый ряд таких замковых сооружений возник раньше—в 1220–1240-х гг. [135]

Если предположить, что именно эти терема послужили источником для загадочной постройки в Дрогобыче, а может быть, и для всей композиции Дрогобычского града или замка, то датировка древних построек Дрогобыча может быть уточнена, а сама история каменно-кирпичного строительства в Галицкой земле скорректирована.

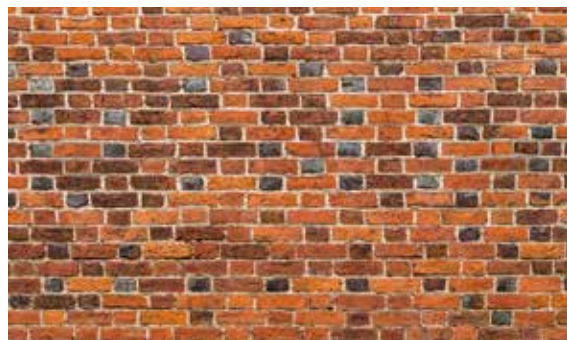
Возможность в Галицкой земле не только заимствовать композиционные особенности замкового строительства, но и получить в своё распоряжение орденских мастеров была связана с деятельностью Даниила Романовича Галицкого. Такая ситуация возникла перед самым монгольским нашествием. Во второй половине 1230-х гг. Даниил Романович, вступив в войну с Добринским (Добжинским) орденом крестоносцев, отвоёвал у них город Дорогичин (Дрогичин, ныне на территории Польши), издавна принадлежавший Галицко-Волинскому, а до этого—Волинскому князю [136].

Добринские крестоносцы формировали свои ряды в основном из немецких храмовников из Мекленбурга [137], а саму основу их ордена составили пятнадцать меклен-

58

59

гих городах Руси система сюзеренитета-вассалитета [141]. Вполне возможно, что рыцари прихватили с собой и имевшихся в их распоряжении мастеров, которые строили для них и в Германии, и в их владениях в Польше. Если это так, становится понятным, почему эта строительная традиция проявляется только в Карпатской части Галицкой земли, в то время как на Волыни использование брускового кирпича имеет в своей основе другой источник—позднероманскую архитектуру Восточной Польши [142]. Если основываться на сведениях магистратских записей Дрогобыча, здание было разрушено уже в 1340 г. и, следовательно, должно было быть построено задолго до этого. С другой стороны, возможности его датировки ограничиваются строительным материалом, из которого оно было возведено,—брусковый кирпич. Активное применение брускового кирпича для возведения зданий в Древней Руси начинается лишь со второй половины XIII в., причем происходит это как раз на землях Галицко-Волынского княжества [143]. Именно в такой же технике была построена и некогда создававшая единый ансамбль с «теремом воеводы» сохранившаяся до наших дней оборонительная башня в самом Дрогобыче [ил. 58, 59]. Таким образом, наиболее вероятным временем появления дрогобычского терема следует считать вторую

бургских рыцарей во главе с магистром Бруно, пришедших в Добрин, как сообщает немецкий хронист XIV в. Пётр из Дуисбурга, в свите шверинского епископа [138]. Именно этим рыцарям и мог подарить Конрад Мазовецкий порубежный с Русью город Дрогичин.

Это обстоятельство весьма важно в нашем контексте. Автор «Летописца Даниила Галицкого» в уже упомянутом нами отрывке о взятии Даниилом Дрогичина сообщает, что князем были взяты в плен не только сами рыцари, но и их магистр Бруно: «...старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша, и възвратиса в Володимерь» [139].

Именно этому князю принадлежит инициатива раздачи своим боярам и воеводам городов на правление [140], чем создавалась ещё не практиковавшаяся в то время в дру-

[138] Пётр из Дуисбурга, 1997. С. 18.

[139] Галицко-Волынский летописец, 2002. С. 98. Пленники такого ранга в эпоху средневековья, как правило, находились в плену на особом положении. По всей видимости, так же поступил с ними и Даниил Романович. Он должен был учесть, что рыцари-тамплиеры в пограничных с его державой Польшей и Венгрией приглашались в качестве высокопоставленных наёмников для создания гарнизонов в порубежных крепостях. Именно для этой цели, для защиты от воинственных и ещё не христианизированных пруссов и ятвягов, они были посажены Конрадом Мазовецким в Дрогичин, а венгры—старые союзники князя Даниила—строили для тамплиеров специальные замки на порубежных территориях, в том числе на карпатских перевалах на границах с владениями самого галицкого князя (*Rapraport*, 1965. P. 61–65). Вполне возможно, что Даниил Романович именно так и распорядился захваченными им в плен в Дрогичине тамплиерами-добринцами во

главе с их магистром Бруно.

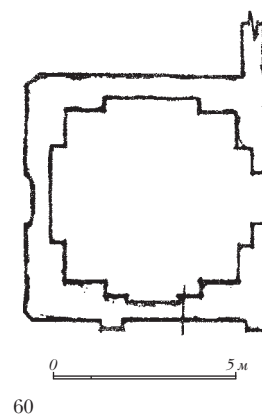
[140] Котляр, 2008. С. 85–87.
[141] Но не с передачей земли во владение, а с правом получения дохода с управляемой «воеводой» территории. См.: Черетин, 1972. С. 161; Паушто, 1965. С. 52.
[142] *Rapraport*, 1989. С. 207–211; Малевская, 1989. С. 212–222.
[143] Там же.
[144] Антипов, 2000. С. 100.
[145] Об Онуфриевской церкви в Лаврове см.: Логвин, 1973. С. 50–56; Логвин, 1982. С. 386–387; Логвин, Милева, 1974. С. 106. О более раннем памятнике в её составе см.: Могитич И., Могитич Р., 1990. С. 62–63; Могитич И., 1990. С. 218–221; Рожко, 1990. С. 96; Рожко, 1999. С. 37–43; Годованюк, Трегубова, 2010. С. 875.
[146] Могитич И., 1990. С. 219; Рожко, 1999. С. 37–43.
[147] Такой даты придерживаются практически все исследователи, однако двое—И. Р. Могитич и А. И. Рогов—относят памятник к другому времени. И. Р. Могитич—к довольно широкому периоду от рубежа XII—XIII до конца XIII в. (Могитич И., 1997. С. 12–14), однако такое удревнение не представляется

сколько-нибудь убедительным. Столь же неубедительной и, напротив, слишком «упоздняющей» представляется датировка, которую предлагает для Онуфриевской церкви в Лаврове А. И. Рогов, относящий её к концу XV—XVI в. (Рогов, 1973. С. 340).
[148] И. Р. Могитич считал возможным датировать её концом XII—началом XIII в., но не исключал возможности отнесения постройки к концу XIII в. (Могитич И., 1990. С. 218). М. Ф. Рожко относил постройку к концу XIII в. (Рожко, 1990. С. 96). И. В. Антипов—к концу XIV—началу XV в. (Антипов, 2000. С. 101).
[149] Могитич И., 1990. С. 219.
[150] Там же.
[151] С творчеством мастеров, работавших в каменной технике, связаны постройки Холма и церковь Николая во Львове, а с деятельностью второй группы связаны постройки карпатского региона: здание, предшествовавшее церкви Св. Онуфрия в Лаврове, дворец воеводы и оборонительная башня в Дрогобыче, церковь Спаса под Старым Самбором, и, наконец, костёл Иоанна Крестителя во Львове.
[152] На основании этого И. Р. Могитич посчитал, что эта ниша представляла собой не что иное, как прямоугольный алтарь, вписанный в толщу восточной стены, а саму постройку интерпретировал как церковь, предшествовавшую постройке Онуфриевской церкви (Там же. С. 219, рис. 4). Небольшой капеллой считают её и О. Годованюк и Т. Трегубова. При этом они датируют её домонгольским временем, до 1241 г. (Годованюк, Трегубова, 2010. С. 875). Однако такой датировке противоречат не только строительный материал (брусковый кирпич) и техника вендской кладки, в которой была возведена эта постройка, но и характер кирпичного декора её фасадов, находящийся себе аналогичный только в памятниках второй половины XIII—первой половины XIV в.
[153] Её остатки под ныне существующей церковью XVIII в. были исследованы в 1975 г. См.: Малевская, 1997/1. С. 259–268.
[154] «Почал же баше писати ю и списа все три олтары, и шия вся сописана бысть, но не скончана зайдє бо и болєсть» (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 223).

58 Башня в Дрогобыче. Вторая половина XIII — первая половина XIV в. Перестраивалась под колокольню костёла Св. Девы Марии и Св. Варфоломея в XVI в. 3-й ярус надстроен в XIX в.
59 Башня в Дрогобыче. Фрагмент кладки
60 Церковь Св. Онуфрия в Лаврове. Реконструкция плана постройки второй половины — конца XIII в., остатки которой сохранились в составе церкви XV в. (по И. Р. Могитичу)
61 Церковь Св. Онуфрия в Лаврове. XV в.

половину XIII—первую половину XIV в. (но до 1340 г., когда он уже был разрушен). И. В. Антипов считает, что дворец следует датировать 30-ми годами XIV в. [144] Такое сужение датировки вполне можно было бы считать обоснованным. С 1250-х гг. брусковый кирпич в качестве основного материала использовался в основном на Волыни, в то время как в Галицкой земле время его активного использования связано уже со строительством во Львове, т. е. в основном с XIV в. В то же время, как мы уже видели, он используется и в постройках рубежа XIII и XIV вв. (Спасский монастырь под Старым Самбором, костёл Иоанна Крестителя во Львове). По всей видимости, если и сужать датировку терема в Дрогобыче, её нижнюю границу следует поднять до 90-х гг. XIII в. Однако нельзя исключить возможности появления терема и башни в Дрогобыче уже в 1250-х гг.

К дворцу и башне в Дрогобыче очень близка по характеру кладки квадратная постройка с прямоугольной нишей в восточной стене, частично сохранившаяся в составе Онуфриевской церкви в селе Лавров недалеко от Старого Самбора [145] [ил. 60, 61]. Как и в случае с теремом в Дрогобыче, она была использована при строительстве ныне существующей церкви (её западного притвора) и сохранилась почти на всю высоту [146]. Учитывая, что в своём сложившемся виде Онуфриевская церковь (триконх с примыкающим к нему с запада прямоугольным объёмом) относится уже к XV в. [147], вошедшая в состав её западного притвора постройка должна датироваться более ранним временем [148]. Постройка сложена из брускового кирпича в технике вендской готической кладки, что уже само по себе исключает возможность её датировки рубежом XII—XIII вв. Наиболее приемлемым для неё представляется период второй половины—конца XIII в.

60

61

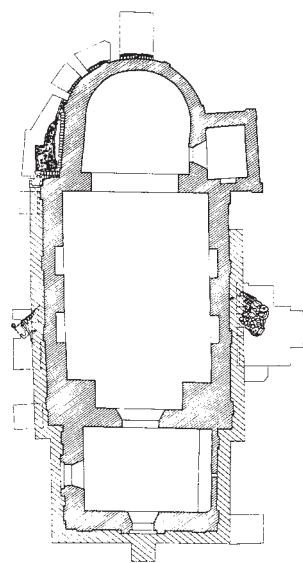
Поскольку западная стена этой постройки, включённая в более поздний притвор храма XV в., сохранилась практически на всю высоту (7,15 м) [149], удалось проследить не только характер кладки, но и особенности декоративного убранства фасада. В верхней части он был украшен аркатурным пояском и валиком, выложенными из лекального кирпича [150]. Эти особенности действительно сближают обнаруженную в постройке лавровской церкви более раннюю постройку с постройками Дрогобыча (дворцом воеводы и оборонительной башней) и с костёлом Иоанна Крестителя во Львове и не только заставляют склониться к её датировке второй половиной—концом XIII в., но и позволяют предположить, что наряду с мастерами, работавшими в традиционной для Галицкой земли технике кладки из каменных квадров, в это время там уже появилась и группа мастеров, активно использовавшая технику кладки из брускового кирпича [151]. В XIV в., когда всё строительство Галицкой земли сосредотачивается во Львове, эта техническая традиция уже полностью господствует в галицком зодчестве.

Постройка в Лаврове представляла собой почти квадратное здание с прямоугольной нишей в восточной стене [152]. Интерпретации этой постройки как небольшой церкви или капеллы противоречит довольно большая для такого рода сооружений высота стен. Это здание явно имело высотный характер и, скорее всего, являлось каким-то гражданским сооружением, подобно «дворцу воеводы» в Дрогобыче. Для чего понадобилось устраивать прямоугольную нишу в восточной стене, остаётся непонятным.

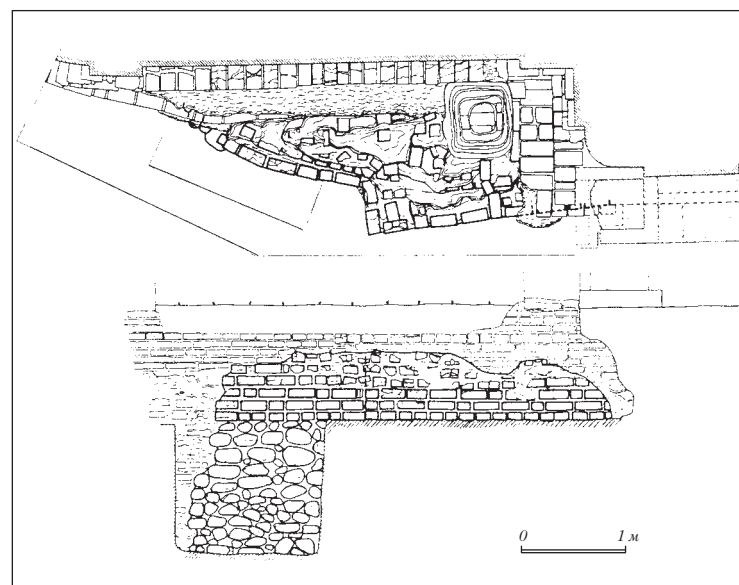
Зодчество Волыни второй половины XIII—первой половины XIV века

В северо-восточной части Галицко-Волынского княжества, на Волыни, после монгольского нашествия каменное строительство также не прекратилось, но развитие архитектуры пошло здесь по иному пути, в гораздо большей степени основанному на обращении к старой домонгольской и византийской традициям. Во многом это связано с культурной ориентацией князя Владимира Васильковича, во владении которого с 70-х гг. XIII в. находилась Волынь. Примером такой ориентации является церковь Св. Георгия в Любомле [153] [ил. 62–66].

Точная дата постройки церкви Св. Георгия неизвестна, однако уже под 1288 г. храм упоминается в летописи в панегирическом жизнеописании Владимира Васильковича. Судя по сообщению текста, что князь умер, не успев завершить роспись храма [154],

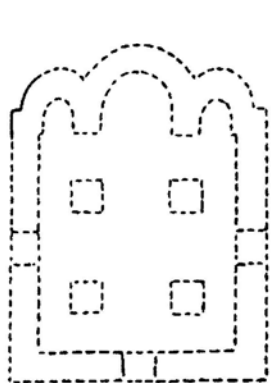
62 0 5 м

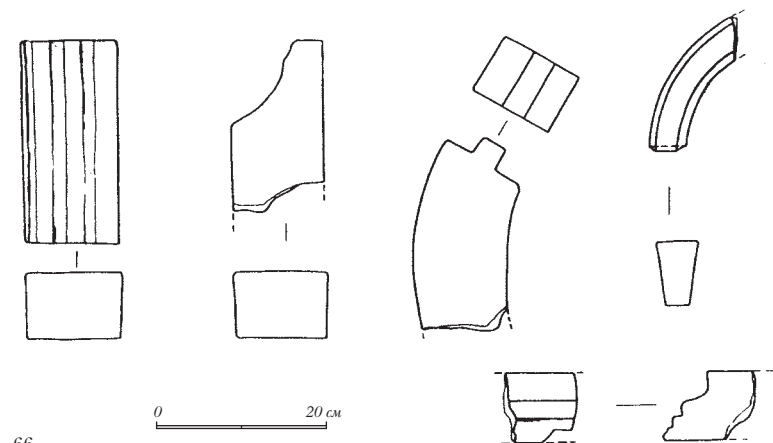
63 0 1 м

64

65 0 5 м

66 0 20 см

можно предположить, что строительство было осуществлено в пределах 1280-х гг. Удалось установить, что церковь представляла собой четырёхстолпный трёхапсидный одноглавый храм, характерный для древнерусского, в том числе и волынского, зодчества домонгольского времени. Найденный фрагмент лекального кирпича, предназначенного для кладки аркатурного пояса, свидетельствует, что в её наружном декоре был использован мотив «романской» аркатуры, укоренившийся в древнерусском зодчестве с первой трети XII в. Однако материал, из которого была возведена церковь, принадлежит уже к совершенно другому типу, чем тот, который применялся в строительстве домонгольской Руси: это не характерная для строительства X—первой половины XIII в. плинфа, а брусковый кирпич, появившийся в древнерусском строительстве лишь незадолго до монгольского нашествия. Как мы уже видели, брусковый кирпич начиная с середины XIII в. вместе с тёсаным белокаменными квадратами использовался и в галицком зодчестве (костёлы Иоанна Крестителя и Марии Снежной во Львове, церковь в селе Спас под Старым Самбором). Однако если

в Галицкой земле брусковый кирпич используется в сочетании с тёсаным камнем, то на Волыни (за исключением Холма, памятники которого, как мы уже знаем, целиком лежат в русле традиций галицкого каменного зодчества), строительство ведётся уже целиком из этого нового для Руси материала. Полностью меняется и характер раствора: типичная для домонгольской строительной практики цемянка здесь уже заменена на известково-песчаный раствор, который в домонгольскую эпоху использовался только в каменном строительстве Галицкой и Владимиро-Суздальской земель. Начиная с середины XIII в., после монгольского нашествия использование плинфы и цемяночного раствора полностью прекращается не только на Волыни, но и во всех древнерусских землях, когда там возобновляется строительная деятельность.

Помимо кирпича, предназначенного для выкладки аркатуры, при раскопках церкви Георгия был найден и фрагмент брускового кирпича со сложнопрофилированным торцом [155]. Такие кирпичи характерны уже не для романской, а для готической системы декорации. С ней же связано и использование полихромии фасадов, достигающейся

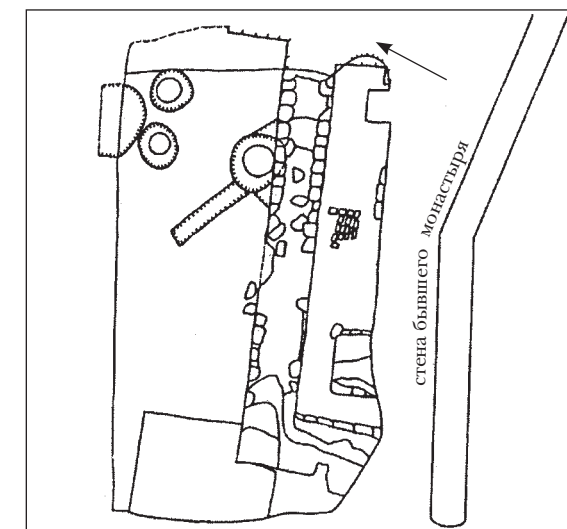
[155] Малевская, 1997/1. С. 262, 264, 266.

62 Церковь Св. Георгия в Любомле. План церкви XVIII в. и шурфов у её стен. Чертёж М. В. Малевской
63 Церковь Св. Георгия. Останки церкви 1280-х гг. под основанием церкви XVIII в. Раскопки М. В. Малевской 1975 г. План и разрез раскопа
64 Церковь Св. Георгия. Нижние ряды кладки и фундамент апсиды церкви 1280-х гг. под основанием церкви XVIII в. Раскопки М. В. Малевской 1975 г.
65 Церковь Св. Георгия. 1280-е гг. Реконструкция плана (по М. В. Малевской)
66 Фигурные готические кирпичи церкви Св. Георгия. 1280-е гг.
67 Церковь Св. Дмитрия в Луцке. Северная стена и фрагменты столбов. Раскопки М. П. Кучеры. План
68 Реконструкция плана церкви Св. Дмитрия (по М. В. Малевской)

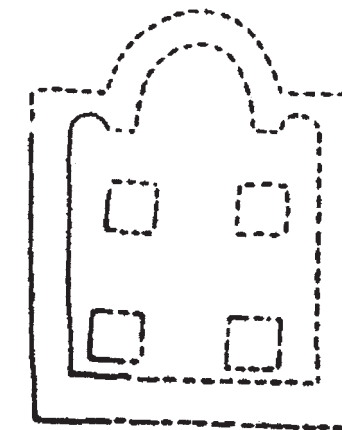
путём применения в кладке кирпичей, торцы которых обожжены «до остеклованности» и имеющих не терракотовый, а тёмный цвет. В церкви Георгия в Любомле этот цвет—тёмно-голубой [156]. В готической архитектуре соседней Польши такие пережжённые кирпичи использовались в кладке наряду с обычными, сочетаясь в определённой системе и создавая полихромные орнаментальные композиции на фасадах [157].

Есть ещё одна важная особенность Георгиевской церкви, которая, при всей типологической схожести её плана с планами домонгольских традиционных храмов, существенно отличает памятник от всего того, что известно нам в домонгольской архитектуре (единственное исключение представляет собой построенная ещё в домонгольское время церковь Рождества Богородицы на Пырьни в Новгороде) [158]. Так, здесь отсутствовали лопатки, членившие фасады на три части [159]. Не исключено, что лопаток не было и на интерьерных плоскостях стен [160]. Отсутствие лопаток заставляет предположить не закомарное, а трёхлопастное завершение храма. Таким образом, несмотря на то, что по своей плановой структуре Георгиевская церковь в Любомле следует традиции, заложенной ещё в волынском, да и во всём древнерусском зодчестве XII в., её объёмно-пространственная композиция отразила уже те тенденции, которые стали характерными для древнерусского зодчества на рубеже XII и XIII вв.—к созданию храма с динамичной башнеобразной композицией [161]. Показательно, что при возобновлении строительства после вынужденного перерыва, вызванного монгольским нашествием, волынские зодчие, несмотря на смену строительной традиции (полный отказ от плинфы и переход на использование брускового готического кирпича), остались в русле общих стилистических тенденций зодчества Древней Руси, которые стали характерными для него ещё до монгольского нашествия. В то же время находка лекальных кирпичей, предназначенных для кладки конструктивных элементов ярко выраженного готического характера (гурты или нервюры), свидетельствует, что волынские мастера для решения типично древнерусской художественной задачи—создания башнеобразного храма—использовали конструктивные средства, заимствованные из арсенала позднеманской и готической архитектуры Западной и Центральной Европы. Вспомним, что перед самым монгольским нашествием так же, но с использованием другого материала (камня) поступили и галицкие мастера в Холме, а ещё раньше—строители церкви Пантелеймона в Галиче.

По всей видимости, церкви Св. Георгия в Любомле по своим архитектурно-художественным, конструктивным и строительно-техническим особенностям была близка церкви Св. Дмитрия в Луцке [162] [ил. 67, 68].

67 0 2 м

68 0 5 м

ственным, конструктивным и строительно-техническим особенностям была близка церкви Св. Дмитрия в Луцке [162] [ил. 67, 68].

На Волыни в конце XIII в., согласно летописи, был построен ещё один храм—церковь Св. Иоакима и Анны во Владимире Волынском [163]. К сожалению, остатки этого храма до сих пор не обнаружены, хотя его существование подтверждается многократными находками брусковых кирпичей конца XIII в. на территории владимирского детинца.

Таким образом, когда на Волыни после опустошительного монгольского нашествия возродилось монументальное строительство, оно непосредственно продолжило ту стилистическую традицию, развитие которой было прервано нашествием. Однако строительно-техническая традиция оказалась уже иной. На смену кладке из плинфы на цемяночном растворе приходит использование готического брускового кирпича на известково-песчаном растворе и готической же «вендской» техники кладки с перевязкой по системе «два ложка-тычок». Правда, М. В. Малевская отмечает, что в волыньских памятниках вендская система кладки

[156] Там же. С. 262.
[157] Там же. С. 264.
[158] Кацнельсон, 1952. С. 69–85; Раппопорт, 1982. С. 75; Архитектурное наследие, 2008. С. 383–385.
[159] Малевская, 1997/1. С. 265.
[160] Там же.
[161] См. об этом: Раппопорт, 1977.
[162] Остатки этого памятника, возведённого в начале XIV в., были открыты в 1968 г. См.: Кучера, 1971.
[163] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 937–938; Антипов, 2000. С. 125–126.

«соблюдена не совсем чётко—в некоторых рядах встречаются подряд три ложка вместо двух» [164].

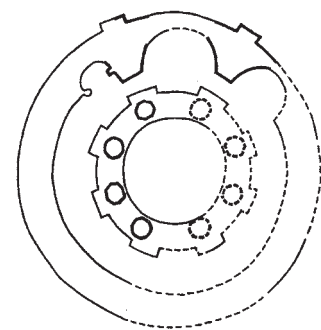
Наряду с крестово-купольными зданиями во второй половине XIII в. на Волыни возводились и центрические храмы—ротонды, строительство которых в Галицко-Волынской земле сложилось, в отличие от других древнерусских земель и княжеств, в определённую традицию [165].

Под 1268 г. в летописи упоминается как уже существующая церковь Св. Михаила во Владимире Волынском [166] [ил. 69, 70]. Раскопки показали, что Михайловская церковь представляла собой ротонду довольно большого диаметра (более 20 м). С внешней стороны её очертания были совершенно круглыми, с двумя лопатками с восточной стороны круга, а с внутренней—в восточной части в толщу стены вписаны три апсиды. Внутри этого пространства располагался ещё один круг, служивший фундаментом опор внутреннего обхода ротонды. В северной части этого фундамента на его верхней площадке сохранились основания колонн обхода. Круглые колонны чередовались здесь с восьмигранными. Кроме того, был обнаружен большой фрагмент круглой колонны, упавшей при разрушении здания. Всё это даёт основания считать, что Михайловская ротонда во Владимире Волынском представляла собой сооружение, восходящее по своему типу к таким раннехристианским памятникам, как Сан Стефано Ротондо в Риме. В зданиях такого типа колонны внутреннего кругового обхода служили опорой купола. Для блестяще книжно-образованного князя Василька Романовича, который, скорее всего, был заказчиком этого храма, обращение к древней традиции (возможно, с ориентацией на неизвестные нам храмы, хронологически близкие ко времени возведения Михайловской церкви,—например, на североитальянские ротонды романской эпохи) было бы вполне естественно.

Впрочем, нельзя исключать, что Михайловский монастырь во Владимире был связан с литовским князем Войшелком, который стал в это время родственником галицко-волынских Романовичей. Войшелк принял православие на Волыни и до своего утверждения на литовском княжеском столе был монахом волынского Полонинского монастыря, а затем незадолго до своей гибели в 1268 г. вновь ушёл в монастырь, на этот раз в Угровске на Волыни [167]. О возможной связи Войшелка с Михайловским монастырём во Владимире Волынском говорит и то, что именно в нём он остановился, придя во Владимир для встречи с племянником Василька Львом Даниловичем («ста в монастыре святого Михаила Великого» [168]), и именно там в главной

69

70 0 10 м

монастырской церкви был похоронен после того, как был убит во время ссоры с князем Львом: «положиша во церкви святого Михаила Великого» [169].

Если предположить, что инициатором основания монастыря и строительства в нём храма-ротонды был Войшелк, уже с 1250-х гг. в качестве чернеца осевший на Волыни, а в 1254 г. выдавший свою сестру замуж за племянника Василька Романовича и родного брата Льва Даниловича—галицко-волынского князя Шварна Даниловича [170], то римско-византийские аллюзии в архитектуре главной монастырской церкви становятся ещё более объяснимыми. Кстати, именно с 1254 г. летопись связывает и незавершённое паломничество Войшелка на Афон.

Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что Михайловская церковь во Владимире Волынском, судя по характеру её кладки, является одной из самых ранних церквей, возведённых на Волыни после монгольского нашествия. В кладке её фундамента и нижних частей стен (там, где они сохранились) наряду с брусковым кирпичом использована и плинфа, которая уже с 1260-х гг. перестаёт применяться на Волыни. В пользу датировки Михайловской церкви 1250-ми гг. говорит и цемяночный раствор в кладке её фундаментов и стен. Вскоре после постройки этого храма цемянка на Руси полностью выходит из употребления, и всё последующее строительство ведётся на известково-песчаном растворе [171].

[164] Малевская, 1997/1. С. 264.

[165] Иоаннисян, 1982; Иоаннисян, 1994/2. С. 104–112.

[166] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 868; Антипов, 2000. С. 110–113. Остатки этого храма были раскопаны в 1950-х гг. См.: Каргер, 1958. С. 25–27.

[167] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 830–831. В Первой Новгородской летописи сообщается о паломничестве Войшелка на Синай, причём утверждается, что он пробыл там три года (НЛЛ. С. 84, 313–314). И хотя рассказ Новгородской летописи, имеющий агиографический характер и содержащий неточности, менее достоверен, нежели сообщения волынского летописца, однако именно он получил распространение в письменности Великого княжества Литовского, Псковской и Новгородской земель, а в первой трети XV в. и в Северо-Восточной Руси. Он вошёл в общерусские летописные своды конца XIV—XVI в. (Кузьмин, 2005. С. 220).

[168] Галицко-Волынский летописец, 2002. С. 130.

[169] Там же.

[170] Кузьмин, 2005. С. 220.

[171] Попытка

И.Р. и Р.И. Могытычей датировать Михайловскую ротонду 1199–1205 гг. на основании сходства её плана с планом деревянного храма-ротонды, остатки которого были раскопаны Б.П. Тименчуком у с. Олешков в Галицкой земле, не могут восприниматься как сколько-нибудь убедительные, ни по отношению к Олешковской ротонде, время строительства которой следует относить к более раннему времени—1180-м гг. (Иоаннисян, 1993. С. 68–70; Иоаннисян, 1998. С. 59–66), ни по отношению к самой Михайловской ротонде.

[172] Логвин, 1958. С. 33–42; Антипов, 2000. С. 128–132.

69 Михайловская церковь во Владимире Волынском. До 1268 г. Фрагмент внутреннего кольцевого обхода. Раскопки М.К. Каргера

70 Михайловская церковь во Владимире Волынском. План (по М.К. Каргеру)

71 Васильевская церковь во Владимире Волынском. Конец XIII в. Современный облик. Вид с востока

71

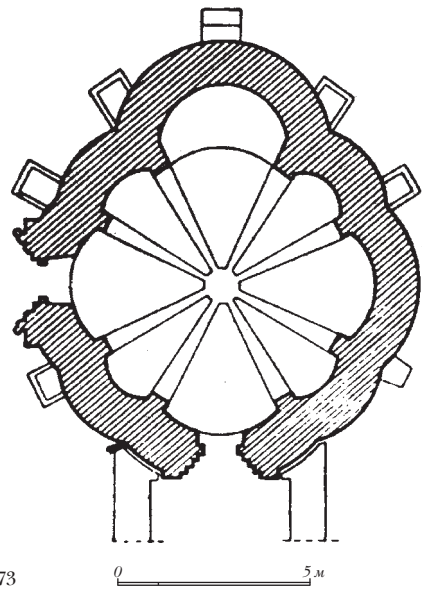
Вторая волынская ротонда—Васильевская церковь во Владимире Волынском [172] [ил. 71–74]—была построена уже в самом конце XIII в. Памятник прекрасно сохранился и, несмотря на некоторые добавки, появившиеся на протяжении XIX—начала XX в. (притвор, входной тамбур, луковичная главка

завершения), даёт уникальную для памятников этого времени возможность представить себе его первоначальный облик.

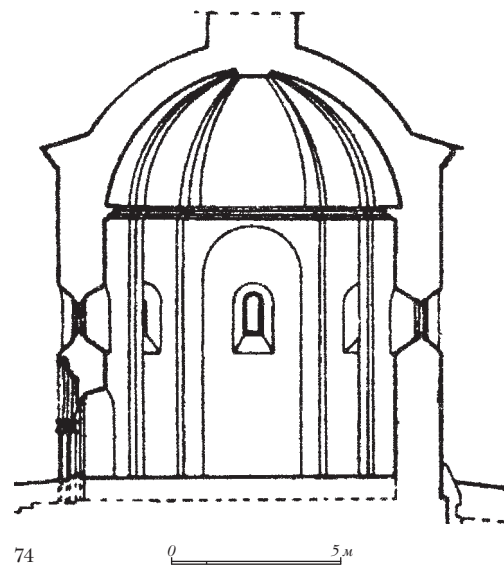
После проведения тщательных исследований храма Г.Н. Логвин значительно удревнил существовавшую датировку храма (XIV–XV вв.) и отнёс его к 70–80-м гг. XIII—

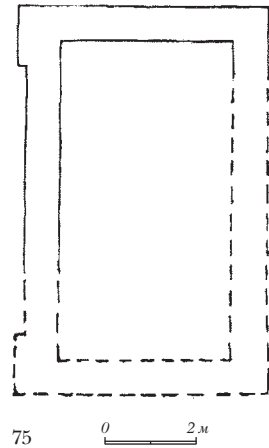
72

73

74

75

первой половине XIV в. [173] Эту датировку с некоторыми уточнениями следует считать наиболее реальной. Она подтверждается не только строительно-техническими и конструктивными особенностями ротонды, о чём речь пойдет далее, но и надписью-графити, сохранившейся на каменной плите, которая вмурована в стену с северной стороны ротонды. Эта надпись содержит дату—1294 г. [174], что свидетельствует, что к этому времени храм должен был уже существовать или строиться. Таким образом, дата Васильевской церкви может быть сужена до 1290-х гг.

Церковь сложена из брускового каннелированного кирпича на известково-песчаном растворе, в системе готической вендской кладки, что также свидетельствует о её возведении не ранее второй половины XIII в. [175] В плане церковь представляет собой многолепестковую ротонду, не имеющую аналогий ни в предшествующем, ни в последующем развитии древнерусского зодчества. Однако её многолепестковость зрительно воспринимается только снаружи здания, внутри же, благодаря тому, что выступы лепестков-экседр имеют незначительную глубину, пространство ротонды воспринимается как совершенно круглое. В немалой степени этому способствует и то обстоятельство, что в местах стыка экседр со стороны интерьера расположены пилястры, зрительно сглаживающие сложность очертаний контура внутреннего пространства.

Особый интерес представляет конструктивная система храма. Благодаря тому, что в местах стыка экседр возникает значительное углощение стены, усиленное изнутри пилястрами, создатели церкви могли пере-

крыть церковь одним сводом довольно сложной конфигурации. Более того, на верхнюю площадку пилястр опираются плоские нервюры, которые образуют каркас восьмилопастного готического свода, соответствующего сложному плану здания.

Использование откровенно готической системы перекрытия давало зодчим возможность возвести объём храма, в котором вертикально направленная динамичная композиция зрительно усиливалась высоко поднятым готическим сводом, а компактная центричность объёма ещё более подчёркивала башнеобразность его композиции.

Готическая стилистика проявилась и в декоративном решении здания. Это и использование в кирпичном массиве стен каменных оконных переплётов, украшенных схематическими изображениями небесных светил, и сама форма оконных проёмов: если среднее окно алтарной апсиды имеет традиционное очертание с полуциркульным завершением, то два фланкирующих его боковых оконца представляют собой круглые люкарны, а окна экседр имеют узкую щелевидную форму, характерную для центральноевропейской готики. Однако наиболее готическим элементом в декоративном решении Васильевской церкви является её перспективный портал, чьи архивольты образуют арки со стрелчатыми очертаниями завершения. Колонки, на которые опираются архивольты, завершаются каменными резными капителями, образованными двумя рядами аканфовых листьев.

Васильевская церковь расположена рядом с местом, где были обнаружены остатки Михайловской ротонды, поэтому нельзя исключать возможности, что оба этих

[173] Логвин, 1958. С. 33–42. Ср.: *Дверницкий*, 1889. С. 22–25; *Теодорович*, 1893. С. 134–138; *Walicki*, 1931. С. 377–382.
[174] *Рождественская*, 1996. С. 90.
[175] Предложенная И. Р. Могытычем и Р. И. Могытычем датировка церкви временем около 1194 г. не может рассматриваться как сколько-нибудь обоснованная и убедительная. См.: *Могытыч И., Могытыч Р.*, 1990. С. 63; *Могытыч Р.*, 1996. С. 86–87.

72 Васильевская церковь. Реконструкция первоначального облика (по Г. Н. Логвину)
73 Васильевская церковь. План
74 Васильевская церковь. Разрез
75 Гражданская постройка второй половины XIII в. во Владимире Волинском («Усыпальница князя Войшелка»). Реконструкция плана (по И. В. Антипову)

[176] *Иоаннисян*, 1994/2. С. 112.
[177] *Каргер*, 1958. С. 22–25.
[178] Учитывая, что здание не было раскопано им целиком, М. К. Каргер не приводит его хотя бы предполагаемого плана, ограничившись лишь описательной словесной реконструкцией. Графическая реконструкция плана была выполнена намного позднее И. В. Антиповым (*Антипов*, 2000. С. 173, ил. 24).
[179] *Каргер*, 1958. С. 22–25.
[180] *Малевская*, 1989. С. 213, 215.
[181] *Антипов*, 2000. С. 115.
[182] Там же.
[183] Там же.
[184] *Иоаннисян*, 1994/2. С. 100–121.
[185] О сочетании старых традиционных для древнерусского зодчества особенностей и черт новой, романо-готической традиции, восходящей к архитектуре Центральной Европы, в зодчестве западнорусских земель после монгольского нашествия см.: *Малевская*, 1985/2. С. 157.
[186] Галицько-Волинський літопис, 2002. С. 102. См. также: *Ипатьевская летопись*, 1962. Стб. 788.
[187] *Раппопорт*, 1982. С. 115; *Антипов*, 2000. С. 147.
[188] *Ипатьевская летопись*, 1962. Стб. 787.
[189] Львовская область, 1978. С. 577.
[190] Там же. С. 580.
[191] *Ипатьевская летопись*, 1962. Стб. 830. См. также: *Галицько-Волинський літопис*, 2002. С. 117.

ротондальных храма входили в единый комплекс Михайловского монастыря [176].

В этот же ансамбль входила ещё одна постройка, остатки которой частично были раскопаны в 1955 г. [177] Она представляла собой небольшое прямоугольное здание [178] [ил. 75], дошедшее до нас лишь в виде фрагментов фундамента и в основном фундаментных рвов. Фундамент был сложен из брускового кирпича, однако раствор, применённый для его устройства, — цемяночный, использованный наряду с глиной. Найденный рядом с фундаментом небольшой фрагмент упавшей стены демонстрирует применение того же брускового кирпича, скреплённого цемяночным раствором. Система кладки довольно нерегулярна, в ней не наблюдается чёткой перевязки.

Указанные обстоятельства дают возможность датировать постройку серединой XIII в., когда на Волини происходил переход от старой домонгольской строительной техники, основанной на использовании кладки из плинфы на цемяночном растворе, к вендской системе кладки с использованием брускового кирпича на известково-песчаном растворе.

М. К. Каргер интерпретировал эту постройку как усыпальницу [179]. М. В. Малевская поддержала эту интерпретацию и высказала предположение, что постройка была возведена как гробница князя Войшелка [180]. Однако следует согласиться с И. В. Антиповым, который указал, что, согласно летописи, Войшелк был похоронен в самой Михайловской церкви [181] и что раскопки не выявили в новооткрытом здании ни одного следа погребений [182]. Поэтому предложенная им атрибуция этой постройки как гражданского сооружения, выполнявшего одну из хозяйственных или административных функций в монастыре [183], представляется наиболее убедительной.

В Георгиевской церкви в Любомле, церкви Св. Димитрия в Луцке и, возможно, в церкви Иоакима и Анны во Владимире Волинском, несмотря на использование нового строительного материала (брускового каннелированного кирпича и известково-песчаного раствора), готической «вендской» системы кладки, готической конструктивной системы и готических элементов декорации, нашла свое продолжение традиция, заложенная ещё домонгольским зодчеством Древней Руси: это проявилось и в использовании традиционной типологической схемы крестово-купольного здания, и в тенденции к созданию динамичной композиции башнеобразного храма. Казалось бы, обе владимиро-волинские ротонды уже целиком лежат в русле романо-готической архитектуры Центральной Европы. Однако такое утверждение было бы неверным.

Во-первых, сама традиция строительства ротондальных храмов была не чужда типологическому репертуару древнерусского зодчества ещё домонгольской эпохи, причём наиболее активно она проявилась именно в Западной Руси — в галицком зодчестве [184]. Во-вторых, в строительстве первой из описанных ротонд — Михайловской, как мы уже видели, принимали участие старые мастера, выжившие во Владимире Волинском после жесточайшего монгольского погрома 1241 г. Об их присутствии в составе группы зодчих, построивших Михайловскую церковь, говорит и наличие в её кладке вместе с брусковым кирпичом и плинфы, которая после возобновления строительства на Руси после монгольского нашествия уже не употребляется. О ранней традиции говорит и известково-цемяночный раствор, использованный создателями ротонды. Таким образом, Михайловская церковь непосредственно продолжает техническую традицию домонгольской Руси, хотя уже и несёт в себе черты, характерные для новой строительной техники [185].

Возможно, количество церквей и гражданских построек на территориях Галицкой земли и Волини было большим. Сведения летописей, относящихся ко временам княжения Даниила Галицкого, Владимира Васильковича, Мстислава и Льва Даниловичей упоминают ещё о целом ряде храмов и княжеских или боярских дворцов. Однако кроме этих скудных и случайных упоминаний нам ничего о них не известно. Более того, остаётся даже неясным, были ли эти постройки каменными, кирпичными или деревянными. Ограничимся лишь перечислением этих не дошедших до нас памятников.

Даниил Галицкий в Дрогичине «... создал церковь прекрасную святое Богородице» [186]. Судя по тому, что упоминание об этой церкви помещено в летописи под 1240 г., в повествовании о нашествии Батюга, она явно была построена ещё в домонгольское время [187], однако была ли она каменной или деревянной, не известно.

Под тем же 1240 г. летопись упоминает, что Даниил, возвращаясь из Венгрии, «приехал в Синеводское во монастырь святая Богородица» [188]. Об этом монастыре ничего не известно. Не определено даже место, где он находился. Скорее всего, он располагался в Карпатах на территории Сколевского района нынешней Львовской области Украины, либо в районе села Верхнее Синеводное [189], либо у села Нижнее Синеводное в долине реки Стрый, где издавна проходил путь из Венгрии на Русь [190].

Под 1255 г. в летописи сообщается, что Даниил Галицкий «помолился святому Николе» в Грубешове [191]. Грубешов — один из Червенских городов на пограничье Руси

и Польши на левом берегу Западного Буга. Вместе с другими городами Червенской земли он начиная с XI в. неоднократно переходил из рук в руки, принадлежал то Польше, то Руси. С 1219 г. эти города входили в состав Галицко-Волынского княжества [192].

Под 1259 г. летопись сообщает, что Даниил «създа град Угровеск и постави в нем епискупа» [193]. Сообщение явно носит ретроспективный характер, так как еще ранее, под 1229 г., Угровск [194] (ныне на территории Польши) уже упоминается как существующий город [195]. Упоминаются и его жители—угровчане [196]. А ещё раньше, под 1223 г., сообщается, что кафедра из Угровска была переведена в Холм [197]. В связи с этой путаницей в датах следует вспомнить о сбивчивом и случайном характере хронологии Галицко-Волынской летописи, отмечаемом всеми её исследователями [198]. Тем не менее из этих упоминаний совершенно очевидно, что если в Угровске была учреждена епископская кафедра, то церковь там должна была существовать. Учитывая, что в 1240–1250-х гг. именно Холм становится главным центром Галицко-Волынского княжества, вполне возможно, что сообщение 1259 г. следует относить к переносу кафедры, а сообщение 1223 г.—к её основанию в Угровске [199].

Под 1268 г. в летописи вновь появляется сообщение об Угровске, из которого следует, что там существовал монастырь Св. Даниила (в летописи—«Данилия»), куда удалился литовский князь Войшелк [200]. Каким был этот монастырь и когда он был основан—не известно. Можно предположить, что обитель была основана ещё Даниилом Галицким в честь его небесного покровителя, когда в течение недолгого времени Угровск выполнял функции столицы. Тогда время возникновения монастыря следует отнести ещё к домонгольскому периоду, однако он мог быть учрежден и позднее—уже во второй половине XIII в.

К сожалению, не известно, как выглядели храмы Угровска и были ли они каменными или деревянными [201]. Впрочем, остатки одного каменно-кирпичного здания всё же были обнаружены украинскими археологами при раскопках в Угровске: это руины довольно мощной башни, которую можно датировать второй половиной XIII в. [202]

Под 1260 г. в Ипатьевской летописи сообщается об иконе Спаса, которая находилась в городе Мельнике в Подляшье (ныне—городище на территории Польши на реке Буг) [203], «во церкви Святое Богородице» [204]. Ничего более об этой церкви не известно [205].

Под 1289 г. Ипатьевская летопись упоминает о церкви в Бельске (нынешний город Бельск-Подляский в Польше) [206]. Сообщается, что Владимир Василькович

«также и у Белску поустрои церков иконами и книгами» [207]. Этот текст входит в состав посмертного летописного панегирика князю Владимиру Васильковичу, где перечисляются его благие деяния. Применённый летописцем глагол «поустрои» свидетельствует не о строительстве, а об украшении храма иконами и книгами [208].

Неизвестно и точное время постройки церкви в городе Гай (ныне—городище близ Луцка), куда в 1287 г. эзидил князь Мстислав Данилович [209]. Из этого летописного известия можно извлечь лишь, что эта церковь была «предивна, красотою сияючи» [210].

Есть сведения о монастыре Св. Апостолов, основанном князем Владимиром Васильковичем [211], и о каменной гробнице (приделе Иоакима и Анны), созданной князем Мстиславом Даниловичем в 1291 г. [212]

Волыньские башни. Луцкий замок

После монгольского нашествия, несмотря на страшное разорение и фактическое уничтожение старых столиц—Галича и Владимира, земли Галицко-Волынского княжества смогли сохранить необходимый для возрождения каменного строительства экономический, а отчасти и технический потенциал. Частичное возрождение Владимира на Волыни и перенос новых столичных центров в молодые города Холм и Львов привели к быстрому возрождению строительной деятельности в этих землях. Основным объектом строительства здесь становятся не столько храмы, которые были рассмотрены нами ранее, сколько фортификационные сооружения.

Причиной пристального внимания Даниила и Василька Романовичей, а также их наследников к оборонительному строительству стало не только пережитое Галицкой землёй и Волынью страшное нашествие 1241 г. и не прекращавшиеся после этого набеги монголов, рвущихся на Запад, но и то обстоятельство, что эти земли, и особенно Волынь, становятся объектом притязаний

[192] С XIV по XVIII вв. эти города были польскими (см.: Лонгинов, 1885/2). С конца XVIII до начала XX в. Грубешов входил в состав Волынской губернии. Ныне это город в составе Люблинского воеводства в Польше. В Грубешове и сейчас находится Николаевская церковь, построенная в XIX в. на месте более древней, существовавшей с XVII в. Учитывая, что в церкви XVII в. ещё в XIX в. хранились грамоты более раннего времени—XVI в. (Там же. С. 275), можно предположить, что церковь Николая существо-

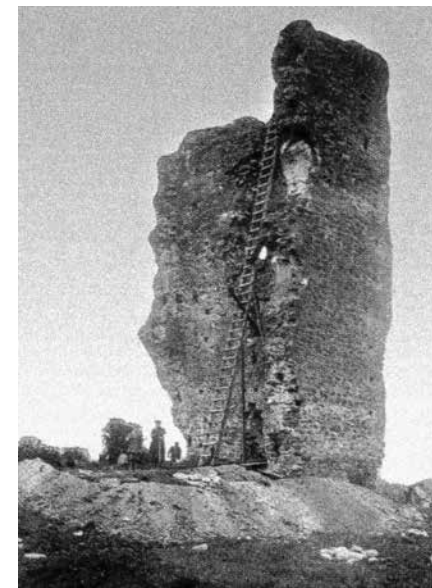
вала уже тогда, однако какой она была—не известно. П.А. Раппопорт и И.В. Антипов включили её в свои каталоги в разделе «памятников, предположительно построенных из камня» (Раппопорт, 1982. С. 115; Антипов, 2000. С. 148). [193] Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 121. См. также: Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 842. [194] В настоящее время летописный Угровск представляет собой большое городище при слиянии рек Угер и Западный Буг, находящееся по обеим сторонам этих рек на территории

сразу двух государств—Украины и Польши. [195] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 754, 758; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 90, 92. [196] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 754; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 90. [197] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 740; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 85. [198] Бестужев-Рюмин, 1868. С. 151–157; Дашкевич Н., 1873. С. 3–4; Грушевский, 1901. С. 1–60; Орлов, 1926. С. 98–126; Орлов, 1947. С. 15–35; Прищёлков, 1940. С. 57; Прищёлков, 1941. С. 5–24; Черепнин, 1941. С. 5–24; Лихачёв, 1947. С. 248–250; Пашуто, 1950. С. 4–5; Гельсдорский, 1958. С. 3–90; Котляр, 1997. С. 84–85.

[199] Возможно, что к этому времени молодой амбициозный князь Даниил, ещё не вернувший себе Галич (это произойдёт позднее—в 1229 г.), решил сделать порубежный Угровск своей столицей, в связи с чем учредил там самостоятельную епископию. Однако, занятый до 1229 г. постоянными военными экспедициями, он так и не приступил к обустройству этого города, а после того как Галич был им возвращён, это вообще потеряло смысл, хотя епископия в Угровске, на порубежье с католическим миром, могла продолжать существовать в качестве демонстрации силы православной церкви. После же переноса столицы в Холм, вслед за страшным разгромом Галича в ходе Батыева нашествия и утраты разорённым и фактически уничтоженным городом ведущего положения, хотя епископия там ещё продолжала существовать (Пастернак, 1944. С. 7–18), Даниил решил перенести Угровскую епископию в свою новую столицу.

[200] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 867; Галицко-Волынский летопис, 2002. С. 130. [201] Разведка, проведённая Архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА под руководством П.А. Раппопорта, при участии автора этих строк, в той части Угровска, которая тогда находилась на советской территории, не выявила никаких следов каменного строительства или существования там каких-либо деревянных храмов. Не удалось обнаружить остатков церковных или монастырских построек и в ходе раскопок, проводившихся на этой территории в 1990-х гг. украински-

76 Руины башни в Белавине близ Холма. Фото П.П. Покрышкина. 1909 г.
77 Руины башни в Белавине. Литография Адама Леруэ. 1859 г.
78 Башня в Белавине. План и фасады. Чертежи П.П. Покрышкина
79 Башня в Белавине. Разрезы, выполненные П.А. Раппопортом по черновикам П.П. Покрышкина

76

77

ми археологами (см.: Панишко, 1996. С. 201–202). Территория же польской части Угровска до сих пор археологически не исследовалась.

[202] Панишко, 1996. Забегая вперёд, отметим, что, возможно, именно это открытие даёт ключ к решению проблемы загадочного монастыря Св. Даниила в Угровске.

[203] Раппопорт, 1967. С. 180, 183.

[204] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 847.

[205] Раппопорт, 1982. С. 115. И.В. Антипов не исключает возможности, что церковь была построена ещё в домонгольское время (Антипов, 2000. С. 147).

[206] Раппопорт, 1982. С. 115; Антипов, 2000. С. 146–147.

[207] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 925.

[208] Исходя из этого, П.А. Раппопорт и И.В. Антипов считают, что если бы церковь была не только украшена, но и построена Владимиром Васильковичем, то летописец обязательно сообщил бы об этом, поэтому оба исследователя допускают возможность, что церковь могла быть построена ещё до него. И.В. Антипов даже допускает возможность её строительства в домонгольское время (Антипов, 2000. С. 147).

[209] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 908.

[210] Там же. Стб. 925.

[211] Там же. Стб. 904.

[212] Там же. Стб. 937.

[213] См.: Meckseper, 1974. С. 135–144.

[214] Раппопорт, 1993. С. 110.

[215] Раппопорт, 1952. С. 202–223.

[216] См. об этом: Гуревич, 1982.

[217] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 844.

ближайших соседей—Польши и Великого княжества Литовского. Опыт защиты Галицко-Волынского княжества от монгольских орд показал, что старый тип крепостей, возводившихся на Руси, оказался малоэффективным при тактике прямого штурма с применением камнемётной артиллерии.

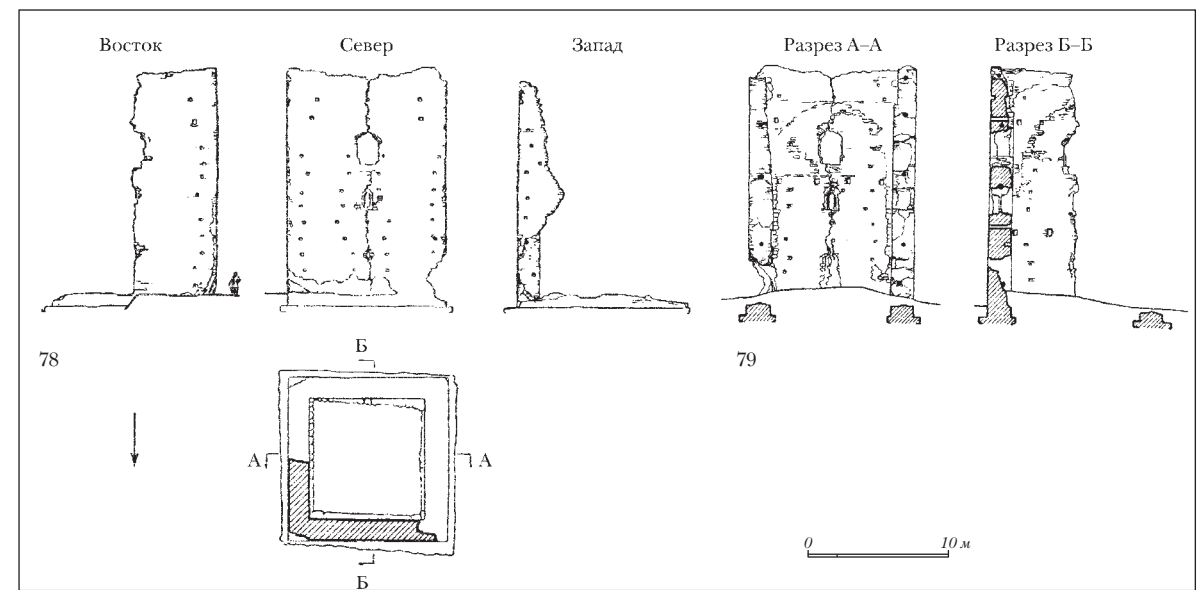
Поэтому был найден другой способ защиты, получивший до этого широкое распространение в западноевропейской фортификации [213]—оборонительные башни, аналогичные европейским донжонам. П.А. Раппопорт писал о сооружениях этого типа: «Такие башни хорошо противостояли ударам камнемётов и позволяли обороняющимся вести сверху круговой обстрел» [214]. Во второй половине XIII—начале XIV в. на Волыни возникла целая группа сооружений, которые вошли в научную литературу под названием «Волыньские башни» [215].

В конце XIII и первой половине XIV в. строительство таких сооружений происходило и в Чёрной Руси (нынешняя терри-

тория Гродненской и Брестской областей Белоруссии). Несмотря на то, что эти земли представляли собой самостоятельные княжества, они и династически, и политически были связаны с Волынью [216]. Поэтому мы рассматриваем Волыньские башни как относительно единую группу памятников, хотя они расположены на обширной территории от Прикарпатья до берегов Немана на землях нынешних западных областей Украины и Белоруссии и в восточных воеводствах Польши.

Первая башня такого типа была сооружена уже в 30–40-х гг. XIII в. Даниилом Галицким в Холме. Её основание было каменным, однако сама башня была построена из дерева и побелена, что имитировало каменную кладку: «Вежа же среде города висока, якоже бити с нея окрест града, подздана каменем и убелена, яко сыр святащися на всеи стороны» [217].

Все последующие башни такого типа строились уже из камня или кирпича. Одна

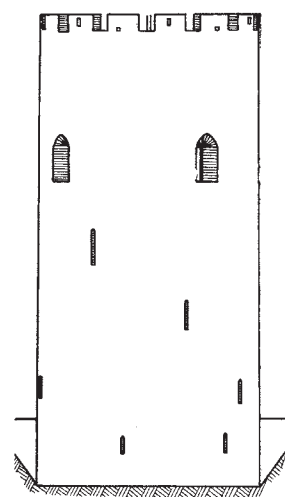

78

79

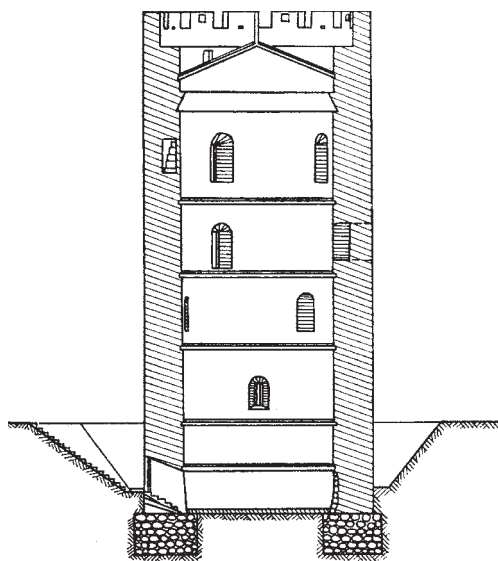
80

81

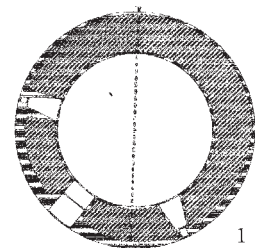
0 3 м

- 80 Башня-донжон в Каменце (Брестская обл., Белоруссия). До 1289 г.
- 81 Башня в Каменце. Схема фасада
- 82 Башня в Каменце. Разрез (по В.В. Суслову и П.А. Раппопорту)
- 83 Башня в Каменце. Планы ярусов (по В.В. Сулову)
- 84 Башня в Каменце. Проём выхода на балкон и бойничное окно
- 85 Башня в Каменце. Бойничное окно со стороны интерьера
- 86 Замок с башней-донжоном в Каменце. Реконструкция Я. Кулика и М. Ткачёва

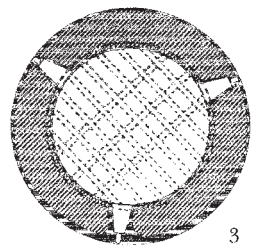
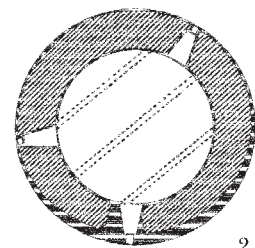

82

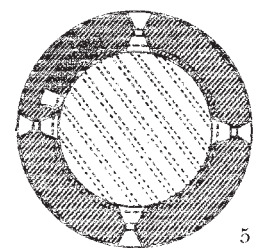
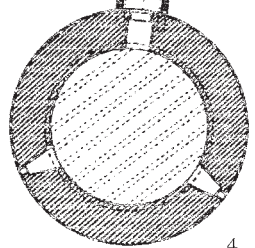
0 3 м

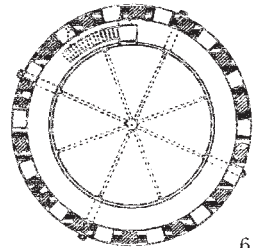
83

84

85

86

0 10 м

84

85

86

из них была возведена в Белавине недалеко от Холма и в виде руин дошла до нашего времени [218]. Белавинская башня [ил. 76–79] была построена из камня и имела почти квадратную в плане форму. Полная высота башни неизвестна, однако её сохранившиеся части возвышаются почти на 18 м [219]. В её стенах сохранились гнёзда от балок деревянных перекрытий ярусов. Расположение этих гнёзд в нынешнем руинированном состоянии башни показывает наличие трёх ярусов, однако, учитывая, что над третьим ярусом на внутренней поверхности стен сохранились следы его перекрытия крестовым или парусным сводом, а сами стены возвышаются над этими следами на высоту более 3 м, надо полагать, что первоначально башня имела и четвёртый ярус, «возможно, представлявший собой открытую площадку» [220].

Узкие окна первого и второго ярусов, представляющие собой не что иное, как амбразуры, не оставляют сомнений в фортификационном назначении этого сооружения. В пользу этого свидетельствует и практически полное отсутствие декоративной каменной резьбы в обрамлении окон-бойниц. Декоративный эффект достигался полихромией, возникающей при использовании в кладке оконных обрамлений белого и зелёного (глауконитового) известняков [221]. Окно третьего яруса отличается по своему характеру: оно значительно шире (более полутора метров) и имело полуциркульное завершение [222]. По всей видимости, этот ярус служил не для боевых целей, а в качестве жилья.

Несмотря на то, что башня сочетала в себе фортификационную и жилую функции, её нельзя считать донжоном в полном смысле этого термина. Донжоны располагались внутри крепостных укреплений, а белавинская башня поставлена на небольшой искусственной насыпи среди болота, трудно проходимого даже в зимнее время [223]. Учитывая, что она находится на подступах к Холму в непосредственной близости от города (около 2 км), можно считать, что это сооружение представляло собой своего рода дозорный пункт, который в случае необходимости мог играть роль передового укрепления.

Лучше всего сохранилась башня в Каменце Литовском [224] [ил. 80–86]. Под 1289 г. в посмертном панегирике князю Владимиру Васильковичу летопись сообщает, что князь «зруби город на пустом месте, нарицаемем Лестне, и нарече имя ему Каменец, зане бысть камена земля. Созда же в нем столп камен высотой 17 сажений, подобен удивлению всем зрящим на нь» [225].

Расположенная на берегу реки Лестны круглая в плане башня имеет высоту 30,2 м, что в точности соответствует летописному сообщению о её высоте в 17 сажений. Внешний диаметр башни—13,5 м, а толщина стен около 2 м. Башня сложена из брускового кирпича в вендской кладке на известково-песчаном растворе. Под башней устроен мощный фундамент, заглублённый в землю до 2,3 м. Он сложен из крупных необработанных камней, пересыпанных песком без применения раствора.

- [218] Раппопорт, 1952. С. 213–215.
- [219] Там же.
- [220] Там же. С. 215.
- [221] Там же. С. 214–215.
- [222] Там же.
- [223] Там же. С. 213.
- [224] Брестская область республики Беларусь. См.: Раппопорт, 1952. С. 204–211; Ткачёв, 1978. С. 19–21; Ткачёв, 2007. С. 6–10; Антипов, 2000. С. 115–118.
- [225] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 925; Галицко-Волинский літопис, 2002. С. 152. П.А. Раппопорт датирует башню в пределах 1271–1289 гг. (Раппопорт, 1952. С. 211), а И.Б. Антипов помещает её в хронологический промежуток между 1276 и 1288 гг. (Антипов, 2000. С. 118). В 1899–1903 гг. башня подверглась реставрации, выполненной по проекту В.В. Суслова, в связи с чем им были проведены серьёзные исследования памятника, продолженные в 1902 г. П.П. Покрышкиным. Результаты этих исследований были обобщены и опубликованы П.А. Раппопортом (Раппопорт, 1952. С. 205–211), а в 1970-х гг. новый цикл исследований был проведён М.А. Ткачёвым (Ткачёв, 1978. С. 18–22).

Башня имеет семь ярусов, включая цокольный (нулевой), находящийся ниже уровня земли и не имеющий проёмов [226]. Из кирпича сложена только наружная сторона этого яруса, а для кладки внутренней использован необработанный камень, скреплённый известковым раствором.

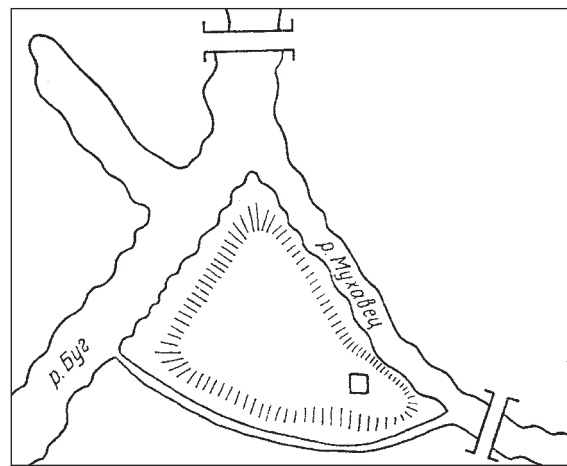
В стенах первого яруса—три проёма. Один из них—центральный—является входным, а два других, фланкирующих его,—суживающимися к наружной стороне боевыми амбразурами. Во втором и третьем ярусах—по три бойницы, а в четвёртом—две бойницы и один большой проём. Этот проём служил для выхода на балкон, опиравшийся на консольные балки, гнёзда которых сохранились в наружной стене башни. Предположение о том, что на эти балки могла опираться площадка, ведущая на галерею, которая соединяла башню с княжеским дворцом [227], было справедливо отвергнуто, учитывая слишком большую высоту расположения проёма [228]. Проём выхода на балкон имеет стрельчатое завершение и снаружи сохранил довольно скромную декорацию в виде архивольты, выполненного из кирпичей, которые выпущены углами на фасад.

Пятый ярус имеет четыре бойницы. С него же начинается внутрстенный ход, выводящий на последний—шестой—ярус башни [229], который представляет собой боевую площадку, окружённую четырнадцатью зубцами прямоугольной формы. В двух из них имеются узкие окошки-бойницы. Под поясом зубцов проходит зубчатый фриз, составленный из кирпичей, выпущенных углом на фасад. По всей видимости, над боевой площадкой существовала шатровая кровля, венчавшая башню [230].

Первоначально ярусы башни разделялись между собой междуэтажными деревянными перекрытиями, гнёзда от балок которых сохранились в её стенах. Позднее, по-видимому ещё в XIV в., деревянные перекрытия были заменены сводчатыми на нервюрах [231]. Ниже пятого яруса этажи башни сообщались между собой при помощи деревянных лестниц, расположенных внутри каждого из них. Следы от примыкания этих лестниц к стенам были заметны еще в середине XIX в. [232], однако в наше время никаких следов не осталось. Эти лестницы должны были быть очень узкими, так как расстояние между балками междуэтажных перекрытий меньше 1 м [233].

Наряду с гнёздами от балок перекрытий в стенах башни (как внутри, так и снаружи) сохранились многочисленные гнёзда от крепления строительных лесов.

В скупом декоре фасадов башни вместе с зубчатыми поясками использованы и плоские ниши с полуциркульным завершением, расположенные между проёмами бойниц на

87

уровне четвёртого яруса. Судя по остаткам белой штукатурки на поверхности этих ниш, они были побелены, что создавало эффект полихромии на красных кирпичных стенах и оживляло скупой, подчеркнута функциональный облик всего сооружения.

Башня является классическим примером донжона, тип которого явно был принесён на Волынь мастерами из соседней Польши, где он, как и во всей средневековой Европе, получил широчайшее распространение. В строительных особенностях башни также легко прочтываются приёмы, свойственные польской архитектурной практике эпохи перехода от романики к готике,—вендская кладка из готического кирпича, нервюрные конструкции сводов. Стилистические особенности архитектуры также носят двойственный характер: с одной стороны, ещё ощутимы следы романской традиции, читающиеся в полуциркульной форме завершения фасадных ниш четвёртого яруса, а с другой—уже присутствуют характерные для готики стрельчатые завершения бойничных проёмов (некоторые исследователи считают, что они изначально имели трёхлопастную форму) [234] и нервюрные своды с замками-гирьками.

В посмертном панегирике Владимиру Васильковичу, помещённом в Галицко-Волынской летописи под 1289 г., сообщается, что этим князем была построена каменная башня и в Берестыв (Бресте): «...в Берестии же създа стлпъ камень, высоту яко и Каменецький» [235]. Руины этой башни существовали ещё в первой трети XIX в., но в 1831 г. при строительстве Брестской крепости были полностью уничтожены [236]. С этим памятником могут быть связаны брусковые кирпичи, найденные в ходе раскопок [237] [ил. 87]. Характер находок позволяет утверждать, что в Берестейской башне сочетались строительные традиции, восходящие к домонгольской Руси (цемяночный раствор в кладке фундамента), и новые, связанные уже с «готической» эпохой (брусковый кирпич).

[226] Ткачѳв, 1972/2. С. 408; Ткачѳв, 2007. С. 6–10.

[227] Шенков, 1995. С. 23.

[228] Антипов, 2000. С. 117.

[229] У И. В. Антипова неверно указано, что внутрстенная лестница начинается с третьего яруса башни (Там же).

[230] Раппопорт, 1952. С. 208.

[231] Остатки нервюрного свода, перекрывавшего пятый ярус башни и просуществовавшего до середины XIX в., сохранились и поныне (Там же. С. 207).

[232] Гродненские губернские ведомости, 1845.

[233] Раппопорт, 1952. С. 207.

[234] Ткачѳв, 1978. С. 20.

[235] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 927; Галицко-Волыньский літопис, 2002. С. 153.

[236] Ткачѳв, 2007. С. 41–46; Антипов, 2000.

С. 119–121. Несмотря на то, что место, где располагались фундаменты башни, было сильно разрушено воронкой, образовавшейся при разминировании в 1944 г. находившегося на месте башни склада боеприпасов, в ходе раскопок 1972 г. удалось обнаружить сильно фрагментированные остатки фундаментов башни, сложенных из камня на цемяночном растворе (Лысенко, 1985. С. 57, 335).

[237] Лысенко, 1985. С. 335.

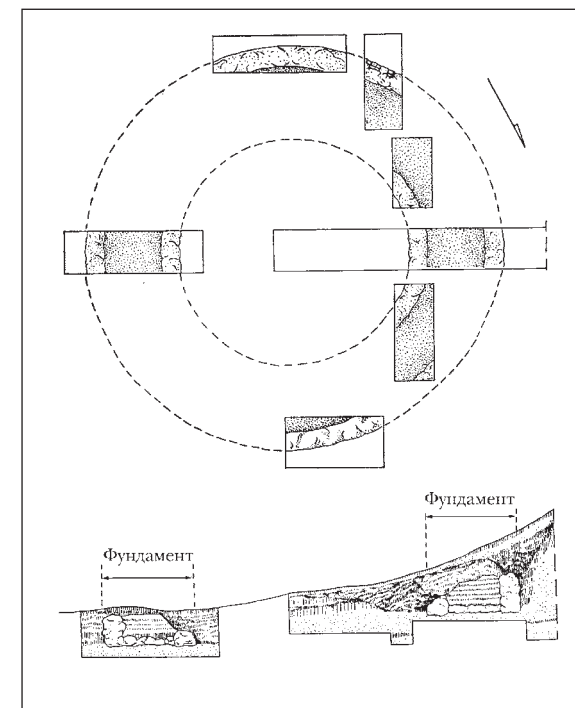
87 Берестье (Брест). Место расположения башни-донжона XIII в. на территории крепости (обозначено квадратом)

88 Фундамент башни-донжона 1291 г. в Черторыйске, вскрытый раскопками 1961 г. (по П. А. Раппопорту): а — план; б — разрез

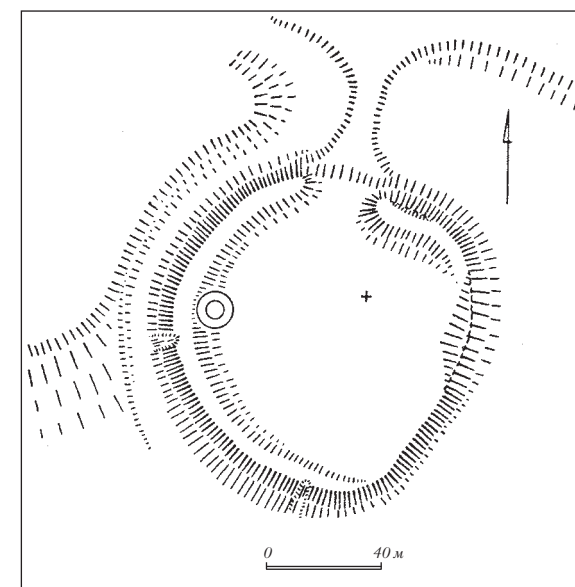
89 Черторыйск (ныне с. Старый Черторыйск Маневичского р-на Волынской обл., Украина). План городища (замка) с башней-донжоном (по П. А. Раппопорту)

90 Брусковые каннелированные кирпичи из раскопок башни-донжона в Черторыйске 1961 г. Фото П. А. Раппопорта

91 Замок-городище с башней-донжоном в Черторыйске. Реконструкция П. А. Раппопорта

88

89

90

91

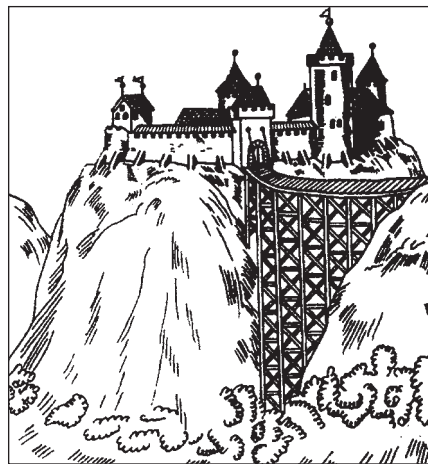
Несмотря на фрагментарную сохранность памятника, М. А. Ткачѳву на основе изображений башни на планах XVIII—начала XIX в., сделанных до её разборки, удалось в общих чертах представить внешний облик башни. Она была квадратной в плане. П. А. Раппопорт предполагал, что башня в Берестье, подобно башне в Столпье, была квадратной снаружи, но внутри имела круглые очертания [238].

Остатки башни обнаружены в 1961 г. и в Черторыйске [239] [ил. 88–91]. О её строительстве князем Мстиславом Даниловичем летопись сообщает под 1291 г.: «в Черторыйске в городе заложи столпъ камень» [240]. Раскопки показали, что круглая башня была возведена на каменном фундаменте из брускового кирпича, полностью аналогичного кирпичу, из которого была построена Каменецькая башня. Несмотря на то, что, кроме фундаментов и развалов кирпича, от этого сооружения до нас ничего не дошло, полное совпадение строительных материалов, а также формы

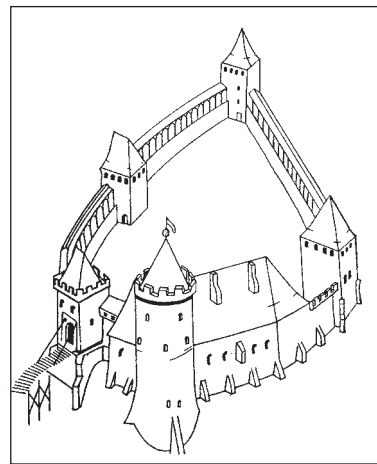
[238] Раппопорт, 1993. С. 121. Мнения исследователей о возможной высоте башни расходятся. М. А. Ткачѳв, исходя из плана Берестья 1828 г., на котором помещён и план башни, считает, что она должна была быть ниже Каменецькой башни, с которой сравнивает её летописец (Ткачѳв, 2007. С. 10–11). И. В. Антипов же полагает, что «нельзя пренебрегать летописным сообщением о высоте столпа, которая, вероятно, всё же была 30 м» (Антипов, 2000. С. 121).

[239] Раппопорт, 1967. С. 142–146.

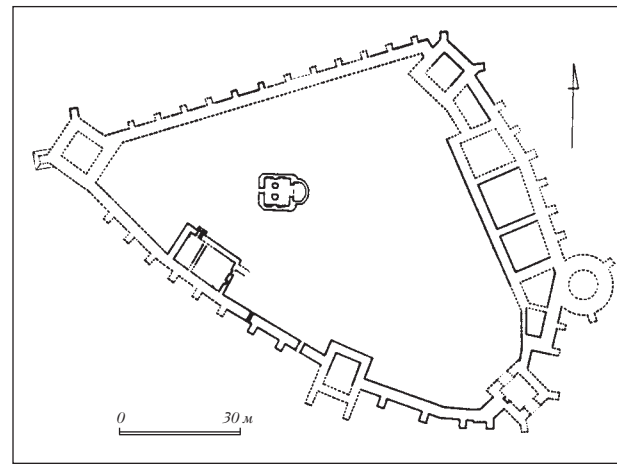
[240] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 938; Галицко-Волыньский літопис, 2002. С. 156.

92

93

94

и габаритных размеров плана дали основание считать, что башня в Черторыйске не только была двойником Каменецкой, но и была возведена теми же мастерами [241].

Ещё одна каменная башня, судя по летописному рассказу о походе в 1277 г. галицко-волинских князей Мстислава Даниловича, Юрия Львовича и Владимира Васильковича на пруссов, существовала в Гродно: «Столпъ бо бе каменъ высокъ, стоя передъ воротаы города; и бяху в немъ заперлися пружи и не бысть имъ мимо нь поити к городу, побивахуть бо со столпа того» [242]. Судя по этому летописному рассказу, башня принадлежала не русским князьям, а пруссам и литовцам, так как именно они обороняли её, «побивая со столба» войска русской княжеской коалиции. Основываясь на этом тексте, Е. Орловский считал, что башня была построена литовцами, после того как

они в 1241 г. захватили Гродно [243]. Однако П. Бобровский, а вслед за ним и П.А. Раппорт отметили, что литовские князья в это время ещё не имели мастеров-строителей, способных возвести такое сооружение. Поэтому следует предположить, что башня в Гродно была возведена в один из тех моментов, когда сперва Даниилу Романовичу в 1259 г., а затем Роману Даниловичу в 1276 г. на время удавалось отвоевывать город у Литвы [244].

По своему типу и облику гродненский столп [ил. 92–94] был очень близок к каменецкому, т.е. был круглым в плане, имел четыре яруса и верхнюю боевую площадку с зубцами. Шатёр, завершавший башню, мог появиться в любое время её существования с XIII по XVI в. Гродненская башня отличалась от башни в Каменце лишь своей высотой и была на 20 м ниже каменецкого столпа [245].

[241] *Rannoport*, 1952. С. 211; *Rannoport*, 1967. С. 142–146.
 [242] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 878; Галицко-Волинский летопис, 2002. С. 133–134.
 [243] *Орловский*, 1910. С. 26–33.
 [244] *Бобровский*, 1865/1866. С. 175; *Rannoport*, 1952. С. 211. И.В. Антипов, учитывая современные знания о литовской архитектуре, пишет: «Сейчас нам известны литовские постройки второй половины XIII в., поэтому вполне вероятно, что башня была построена литовцами» (*Антипов*, 2000. С. 153). Позднее, в XIV в., башня вошла в состав новых укреплений Гродно, возведённых Витовтом (*Ворошич*, 1954. С. 153, 189–190), и продолжала существовать до второй половины XVI в. Её изображение можно видеть на гравюре Матвея Цюндта с видом Гродно, 1568 г. (*Ворошич*, 1954. С. 189, рис. 104, 1). Снесена она была только в 1580 г. при строительстве нового замка в Гродно королём Стефаном Баторием. На основе гравюры

М. Цюндта Я. Войцеховским была выполнена графическая реконструкция (*Wojciechowski*, 1938. С. 136–142; *Ткачёв*, 1978. С. 53; *Ткачёв*, 2007. С. 27; в последней из приведенных публикаций реконструкция И. Войцеховского приводится в редакции, выполненной Т. Андрейчиком).
 [245] *Ткачёв*, 1972/1. С. 324.
 [246] *Rannoport*, 1952. С. 215–219; *Kutyłowska*, 1981/1. С. 1–4; *Kutyłowska*, 1981/2. С. 3–12; *Kutyłowska*, 1987. С. 139–144; *Антипов*, 2000. С. 135–138. В 1909–1911 гг. башня подверглась реставрации под руководством П.П. Покрышкина.
 [247] *Rannoport*, 1952. С. 215.
 [248] П.А. Раппорт считал эти остатки следами каких-то древних зданий, руины которых были разобраны еще в 1830-х гг. (Там же). В начале XXI в. к исследованию этих руин приступили польские археологи во главе с А. Буко (*Буко*, 2009).
 [249] *Rannoport*, 1952. С. 216.
 [250] П.А. Раппорт датировал его довольно широко

второй половиной XIII–первой третью XIV в. (*Rannoport*, 1952. С. 219), склоняясь, однако, ко времени княжения Даниила Галицкого, т.е. к 1250–1260-м гг. А. Буко, Т. Родзинска-Хоронжа и Д. Домбровский более определённо связывают создание памятника с деятельностью этого князя, не исключая, правда, что Даниил мог возвести его ещё в домонгольское время, т.е. в 1230-х гг. (*Rodzinska-Chorąży*, 2009. С. 169–170, 213–262; *Буко*, 2009. С. 104–107) или между 1220–1247 гг. (*Dąbrowski*, 2009. С. 29–62). При этом Д. Домбровский считает, что башня являлась частью монастырского комплекса, построенного Даниилом для своей матери—вдовы Романа Мстиславича, происходившей из греческого рода Каматерос, после принятия ею пострига. В. Пшик, а вслед за ним и М.Ф. Рожко (*Пшик*, 1994. С. 53; *Рожко*, 1997. С. 152–153) полностью поддержали датировку этой башни домонгольским временем, считая, что инициатива её

строительства принадлежала даже не Даниилу, а ещё его отцу Роману Мстиславичу и византийскому императору Алексею III Ангелу, который, согласно поздним источникам—хронике Яна Длугоша, созданной в XV в., и Густынской летописи XVII в., бежал в Галич, спасаясь после разгрома Константинополя крестоносцами (*Шавелева*, 2004. С. 343; *Густынская летопись*, 2003. С. 108). У Длугоша царьградский беглец называется именем Аскарый. Н.И. Шавелева считала, что «Длугош или его источник допускает анахронизм, имея в виду первого императора Никейской империи Феодора I Ласкаря (1204–1222)» (*Шавелева*, 2004. С. 441, примеч. 336), а «в Густынской летописи император назван не „Аскарием“, а своим настоящим именем („Алексей Ангел“: имеется в виду Алексей III)» (Там же. С. 442, примеч. 336). Согласно их гипотезе, Роман Мстиславич и Алексей Ангел построили

этот комплекс для патриарха Иоанна Каматероса, приходившегося родственником жене Романа Мстиславича—гrecанке из рода Каматерос. Не исключает такой возможности и Л. Войтович (*Войтович*, 2006. С. 480–487). Однако сначала И. Граля, а затем Д. Домбровский и М. Бартицкий показали, что сведения о бегстве Алексея III Ангела в Галич носят легендарный характер (*Grala*, 1987. С. 639–662; *Dąbrowski*, 2002. С. 40–44; *Barwicki*, 2005. С. 25). Совершенно особняком стоит датировка, предложенная И. Кутыловской, которая относит башню в Столпье к XII в., если не к ещё более раннему времени (*Kutyłowska*, 1987. С. 205–213). Полную несостоятельность такой датировки убедительно доказала М.В. Малевская. Главным аргументом против столь ранних датировок столпьевской башни является сам строительный материал, из которого возведена башня (*Малевская*, 1989. С. 214)

92 Старый замок в Гродно. Изображение на гравюре М. Цюндта. 1568 г.
 93 Старый замок в Гродно в XIV в. Реконструкция М.А. Ткачёва
 94 Старый замок в Гродно в XIV в. Реконструкция плана М.А. Ткачёва по Я. Войцеховскому
 95 Башня в Столпье. 1250–1260-е гг. Общий вид с востока
 96 Башня в Столпье. Общий вид с северо-востока. Фото П.П. Покрышкина. 1909 г.
 97 Башня в Столпье. Литография середины XIX в.
 98 Башня в Столпье. Позатжные планы и фасады. Чертёж П.А. Раппорта по материалам П.П. Покрышкина
 99 Башня в Столпье. Входной проём башни. Фото П.П. Покрышкина. 1909 г.

Особый интерес представляет башня в окрестностях Холма (примерно в 9 км от него) в селе Столпье [246] [ил. 95–106]. Башня вплотную примыкает к восточному углу холма, имеющего около 50 м в диаметре и 4–5 м в высоту [247]. Холм содержит внутри себя остатки каменной конструкции, ещё и сейчас частично выступающей из-под земли [248]. Холм в древности представлял собой не что иное, как комплекс сооружений.

Башня сложена из местного известкового камня на известково-песчанистом растворе в технике, аналогичной той, что использована при кладке Белавинской башни [249]. Снаружи башня, как и Белавинская, имеет в плане прямоугольную форму, однако изнутри её очертания круглые.

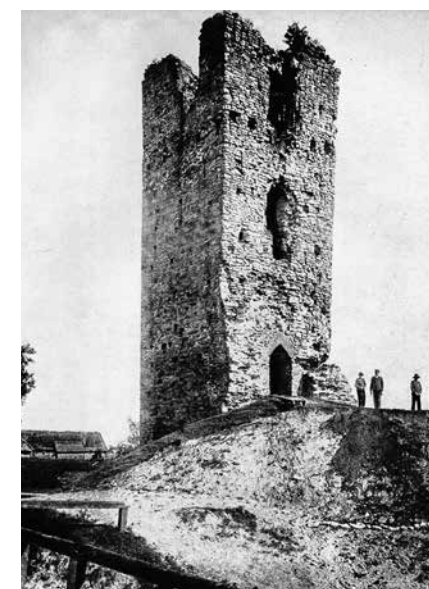
Письменные источники не содержат никаких сведений о времени создания этого

памятника [250]. В кладке башни наряду с камнем применён и готический брусковый кирпич. Это обстоятельство не даёт возможности датировать башню в Столпье временем более ранним, чем XIII в., так как до этого столетия брусковый кирпич не был известен строителям ни в Польше, ни на Руси. Наиболее взвешенной и аргументированной является датировка А. Буко 1250–1260-ми гг.

Примечательной особенностью башни является исключительно малое количество проёмов в её стенах. Три из четырёх широких проёмов расположены на западном фасаде, выходящем внутрь крепостного двора. В нижней части имеется только один проём—вход с запада, т.е. со стороны площадки холма. Он имеет стрельчатые очертания перемычки. Два других широких проёма расположены на одной вертикальной оси, на той же стене, обращён-

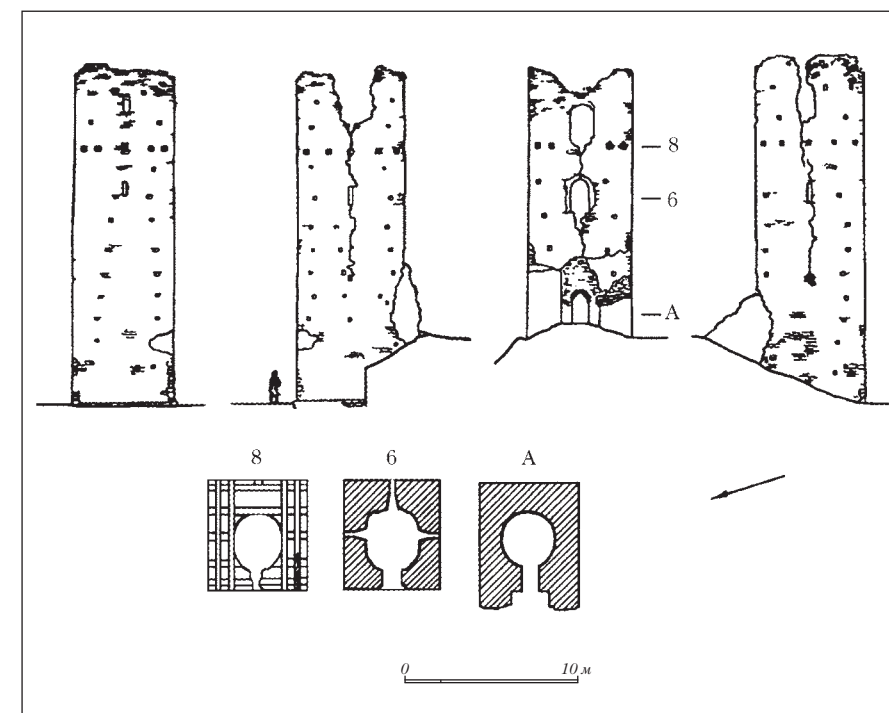
95

96

97

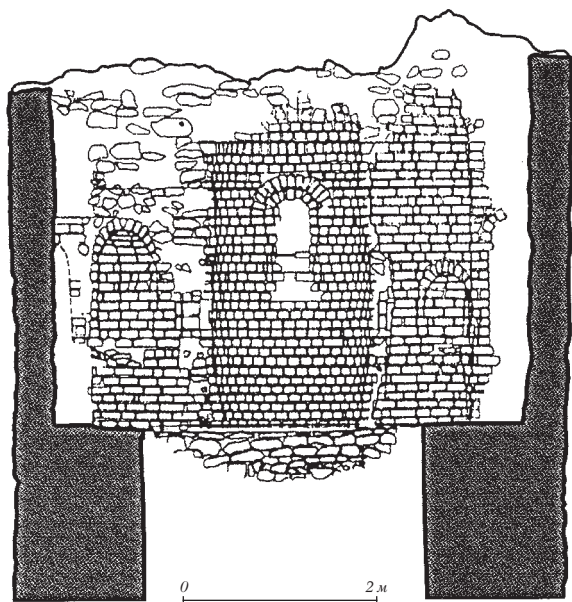
98

99

100

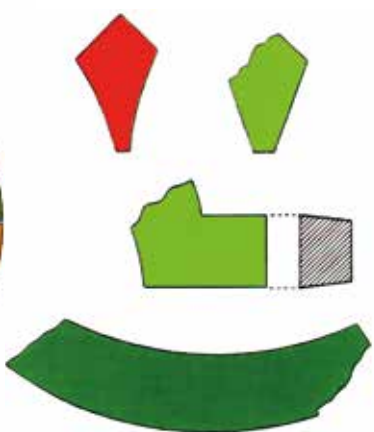
101

102

103

104

ной внутрь крепостной площадки. Следующий, служивший оконным, проём находится на довольно значительной высоте (более 10 м от основания). Он завершается полуциркулярной перемычкой, а его обрамление, выложенное тонкими каменными плитами, имеет парадный характер. Верхний проём расположен уже на уровне третьего яруса и также имеет полуциркулярное завершение. Под его основанием по всей длине западного фасада проходит пояс гнёзд деревянных связей. Вероятно, концы этих связей выходили из стены наружу и должны были поддерживать балкон-галерею, которая, судя по расположению таких гнёзд на этом уровне на всех фасадах башни, опоясывала её по всему периметру [251]. Поскольку основание широкого проёма на третьем ярусе западного фасада совпадает с уровнем пояса связей, т.е. пола балкона-галереи, можно предположить, что этот проём служил входом с галереи на третий ярус башни.

Четвёртый широкий проём расположен на напольном фасаде на уровне третьего

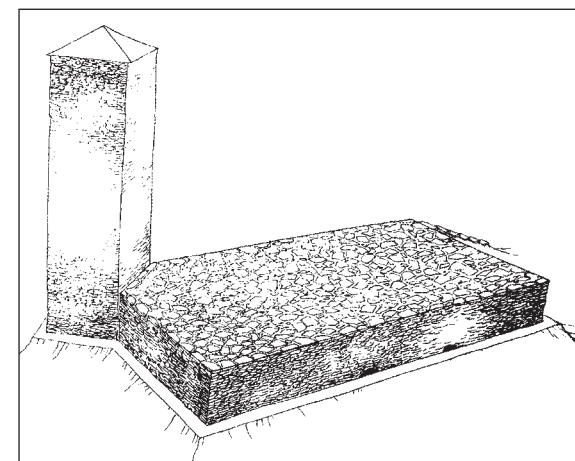
яруса симметрично проёму входа на него с галереи. Но он значительно меньше по высоте, и его основание находилось значительно выше пола галереи. Вероятно, этот проём был не входным, а оконным.

Ещё три проёма в стенах башни—это не окна, а амбразуры. Все они расположены на уровне второго яруса. Ещё одно небольшое оконце, на восточном фасаде третьего яруса, служит для освещения многолепесткового помещения, расположенного в верхнем ярусе башни.

Никаких других проёмов в стенах башни нет, её фасады не прерываются более ничем, кроме гнёзд от строительных лесов.

Перекрытия между ярусами были деревянными и опирались на деревянные же связи, гнёзда от которых хорошо сохранились на уровне каждого из ярусов [252]. Однако между первым и вторым ярусами нет следов балок, поэтому нельзя исключать, что первый ярус был перекрыт каменным сводом [253]. Деревянными же,

- 100 Башня в Столпе. Капелла на верхнем ярусе
- 101 Башня в Столпе. Капелла на верхнем ярусе. Разрез (по И. Кутыловской)
- 102 Башня в Столпе. Капелла на верхнем ярусе. План (по И. Кутыловской)
- 103 Пол из поливных керамических плиток в капелле. Реконструкция А. Буко
- 104 Цветные керамические плитки, из которых был набран пол в капелле (по П.А. Раппопорту и А. Буко)
- 105 Башня в Столпе и примыкающая к ней искусственная основа укрепленного монастырского двора (впоследствии — крепости). Схематическая реконструкция (по А. Буко)
- 106 Башня в Столпе и примыкающая к ней укрепленная территория монастыря. Реконструкция А. Буко

105

106

чем как и о более точной датировке, остаётся открытым. Следует отметить уникальность столпёнского отшельнического скита «столпа» именно как отдельно стоящей башни. Как показали недавние исследования В.Д. Сараянова, по всей видимости функция именно таких «столпов», но расположенных во внутреннем пространстве храмов, выполняли помещения на хорах Спасо-Мирожского собора во Пскове и Спасо-Преображенского собора Евфросиньева монастыря в Полоцке.

- [251] Раппопорт, 1952. С. 217.
- [252] Там же.
- [253] Там же. С. 218.
- [254] Там же.
- [255] Иоаннисян, 1994/2. С. 112.
- [256] Буко, 2009. С. 114–117.
- [257] Ibidem.
- [258] Ibidem.
- [259] Они были найдены при раскопках П.П. Покрышкина. П.А. Раппопорт писал, что место этих фрагментов в архитектуре башни не известно, и высказал предположение, что эти фрагменты «могут быть и более поздними доделками» (Раппопорт, 1952. С. 219). Действительно, на фасадах башни эти детали не находят себе места, как и в оформлении откосов и перемычек проёмов, остаётся предположить, что они связаны с убранством интерьера.
- [260] Кутыловская, 1987. С. 139–144; Буко, 2009. С. 169–185.
- [261] В качестве подобного сооружения, по-видимому, можно рассматривать и недавно открытую башнеобразную постройку конца XII—начала XIII в. в Спасо-Преображенском монастыре в Новгороде Северском (Черненко, Казаков, 2009. С. 120–126). Однако до завершения исследований вопрос о её функции, впро-

по-видимому, были и межъярусные лестницы [254].

Особый интерес представляет помещение на третьем ярусе. Оно имеет уже многолепестковое очертание с ярковыраженной апсидой с восточной стороны. Совершенно очевидно, что это помещение имело культовое назначение и служило капеллой [255].

А. Буко обратил внимание на необычное для фортификационных башен количество и размещение проёмов в её ярусах [256]. Нижний ярус, который мог бы особенно активно использоваться при обороне, вовсе лишён каких-либо проёмов, за исключением входного. Применять же оконца-амбразуры второго яруса, находящиеся слишком высоко и всего по одному на каждом из внешних фасадов башни, для сколько-нибудь серьёзной обороны просто невозможно. Маленькое оконце на третьем ярусе башни освещало алтарную апсиду часовни. Из трёх расположенных на одной вертикальной оси дворового фасада широких проёмов по крайней мере два—на уровне 1-го и 2-го ярусов—служили для входа. А. Буко не исключает возможности, что такую же функцию имел и проём третьего яруса на этой оси [257]. Однако этот проём расположен слишком высоко от возможного пола находившейся на этом ярусе часовни, поэтому он, так же как и находящийся на противоположной стене четвёртый широкий проём, вместе с маленьким оконцем в апсиде служил для освещения молельни, занимающей третий ярус башни.

Особенностью интерьера многолепестковой капеллы на верхнем ярусе являются две небольших ниши с полуциркулярным завершением, которые расположены в экседрах, фланкирующих центральную апсиду. Эти ниши явно имели литургическое назначение, по-видимому, выполняли функции пастофориев—протезиса и дьяконника.

При раскопках внутри башни, проведенных в 1909 г. П.П. Покрышкиным, было найдено довольно много упавших сверху цветных поливных керамических плиток фигурной формы и фрагментов резных белокаменных архитектурных деталей, в том числе фусты и база очень тонких (около 12 см в диаметре) колонок. По всей видимости, их следует связывать с капеллой на третьем ярусе. Выяснилось, что плитки образовывали омфалий [258], что является ещё одним свидетельством культового назначения этого помещения. Белокаменные колонки, скорее всего, являются остатками существовавшего в капелле темплона [259].

Исходя из описанных выше особенностей башни, И. Кутыловская, а за ней и А. Буко предположили, что башня в Столпе представляла собой не фортификационное, а сакральное сооружение—столп, возведённый как место уединения отшельника-столпника [260]. Отшельнический столп является уникальным примером такой постройки в древнерусском зодчестве [261].

В византийской монастырской традиции такие сооружения не являются чем-то исключительным. Особое распространение строительство таких отшельнических башен получило в Греции [262]. Известны такие столпы на Афоне [263] [ил. 107–111], в монастыре Иоанна Предтечи в Серрах в Северной Греции [265], в Центральной Греции [265], в Метеорах [266]. Такая башня есть и в Болгарии, построенная в XIV в. феодалом Хрельво в Рильском монастыре [267] [ил. 112]. Монастырские башни могли выполнять и оборонительную роль, однако это было не единственной и не основной функцией этих своеобразных сооружений.

Археологические исследования показали, что прямоугольный холм, к углу которого примыкает башня в Столпе, в XIII в. был вымощен камнем, а по его периметру

107

108

- 107 Монастырь Кутлумуш на Афоне (Греция). Современный вид
 108 Монастырь Дохиар на Афоне (Греция). Современный вид
 109 Монастырь Каракалл на Афоне (Греция). Современный вид
 110 Монастырь Св. Павла на Афоне (Греция)
 111 Монастырь Ставроникита на Афоне (Греция). Современный вид
 112 Хрельева башня в Рильском монастыре (Болгария). 1334–1335 гг. Современный вид
 113 Костёл, перестроенный из башни XIII в. в селе Спас-Подгорье близ Столпье. План (по А. Буко)
 114 Костёл в селе Спас-Подгорье. Современный вид

109

110

111

располагались двухъярусные деревянные строения. Их верхний ярус с наружной стороны опирался на консоли, которые в свою очередь опирались на деревянные столбы, образующие открытую галерею [268]. По предположению А. Буко, эти строения образовывали каре монастырского или скитского двора [269]. В середине 1280-х гг. произошла «милитаризация» башни и всего столпьянского комплекса, когда они, полностью утратив сакральные функции, стали выпол-

112

[268] *Buko*, 2009. S.172–185.
 [269] *Ibid.* S.176–178. Такая композиция сближает столпьянский комплекс с ансамблем монастыря Кутлумуш на Афоне, XIII в. См.: *Григорович-Барский*, 1887. Рис. к с. 162.
 [270] *Buko*, 2009. S.187–197.
 [271] *Ibid.* S.196.
 [272] *Раннопорт*, 1952. С. 219–220; *Антипов*, 2000. С. 141–142; *Buko*, 2009. С. 94–99, 195–196.
 [273] *Навасинович*, 1862. С. 75; *Хрущев*, 1885. С. 50.
 [274] *Раннопорт*, 1952. С. 219–220.
 [275] Алтарь явно пристроен к восточной стене, для чего в ней прорублен широкий проём. При этом между кладкой стен алтаря и кладкой основного, квадратного в плане объёма хорошо читаются швы, промазанные глиной. Контрфорсы, подпирающие стены, также являются более поздними пристройками.
 [276] Археологические исследования 1990-х гг. подтвердили предположение о том, что церковь Спаса возникла в результате перестройки более ранней постройки—башни, близкой по своему облику башне в Столпье и почти аналогичной башне в Белавине (*Ratajczyk*, 1997. S. 53–58; *Rudnik*, 1997. S. 39–52). И.В. Антипов предполагает, что название церкви «Спас от столпа» можно воспринимать лишь как «топографическую привязку» к расположенной неподалёку (всего в 1 км) башне в Столпье (*Антипов*, 2000. С. 142). Но П.А. Раннопорт не сомневался в том, что название связано с первоначальным назначением постройки, руина которой уже в XV в. была перестроена в церковь (*Раннопорт*, 1952. С. 220).
 [277] Там же.
 [278] Там же. С. 220, примеч. 3. Б.А. Рыбаков также считал, что этот город находился недалеко от Холма (см.: *История культуры*, 1951. Карта после с. 30). К сожалению, археологические исследования в районе села Чернеево не проводились, и пожелание П.А. Раннопорта о проведении археологической разведки, которая «могла бы обнаружить и там следы

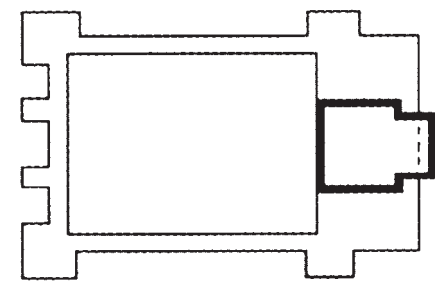
нать роль чисто оборонительных сооружений [270]. Это связано с «нестабильным политическим положением Холмской земли после смерти Даниила, усугублённым татарским нашествием и утратой ведущей роли Холма, уступившего её Львову, куда перенёс столицу княжества сын Даниила Лев» (перевод с польского.—*О.И.*) [271].

Башня, по всей видимости исполнявшая такие же сакральные функции, была построена и в нынешнем селе с характерным названием Спас (Подгорье), расположенном рядом со Столпьем [272]. Здесь по меньшей мере уже с XV в. существовала церковь Спаса Преображения. В документе 1440 г. она названа церковью Спаса «от столпа» [273]. П.А. Раннопорт высказал предположение, что церковь возникла в результате перестройки из башни [274] [ил. 113, 114]. Это доказывается почти квадратным планом бесстолпного храма и, главное, характером самих стен церкви: до половины высоты окон они сложены из камня с включением брускового кирпича, аналогичного кирпичу, использованному при строительстве Столпьянской башни. Верхняя граница этой кладки имеет очень неровные очертания. Выше кладка носит другой характер, кирпич в ней больше не встречается. В нижних частях стен, оставшихся от более ранней постройки, сохранились отверстия от деревянных связей, такие же, как в башнях в Белавине и в Столпье [275]. Первоначальный план постройки полностью аналогичен плану башни в Белавине [276].

Вполне возможно, что недалеко от Столпья и Спаса существовала ещё одна монастырско-башенная постройка. Опираясь на сведения холмского униатского епископа XVII в. Якова (Иакова) Суши, П.А. Раннопорт предположил наличие такого памятника в селе Чернеево, в непосредственной близости от Холма, где также сохранились следы древней, укреплённой валами территории [277]. Само название села, происходящее от слова «чернец», делает такое предположение вполне вероятным. Исследователь

подобной башни и тем подтвердить... достоверность народной легенды» (*Раннопорт*, 1952. С. 220), осталось неисполненным.
 [279] Не исключено, что именно его ещё в XVII в. имел в виду епископ Иаков Суша, который писал о некогда существовавшем в Холме Спасском монастыре и связывал его местонахождение со Столпьем и его ближайшими окрестностями (см.: *Петров*, 1882). Не случайно в XVI в. (в 1570, 1578, 1590 и 1595 гг.) польские короли Сигизмунд II Август, Стефан Баторий и Сигизмунд III выдавали

«Спасскому монастырю в Столпье» специальные привилегии, разрешавшие там службу по «обряду греческому» (Там же. С. 8).
 [280] Предварительные сведения см.: *Панишко*, 1996. С. 201–202.
 [281] Об этом же сообщают польский хронист XV в. Ян Длугош (*Joannis Dlugossii*, 1975. P.144), белорусско-литовская «Кройника Литовская и Жмойтская», созданная в XVII в. (Кройника Литовская и Жмойтская, 1975. С. 29–30) и польский хронист XVII в. Маней Стрыйковский (*Kronika*, 1846. S.304–305).

113 0 10 м

114

связал это название с летописным городом Чернечьск на Вольни [278].

Если у села Чернеево действительно существовал «столп», служивший своеобразным монашеским скитом, то мы сталкиваемся с редчайшим для Руси явлением: в районе Холма оказывается целая группа башен-скитов и, по всей видимости, монастырь с башней в Столпье [279]. Нельзя исключать, что здесь, на самой границе Руси с западным миром, в эпоху, когда Руси пришлось столкнуться со страшным ударом монгольского нашествия, возник своеобразный монашеский город, подобный греческим Афону, Метеорам и Эвбее. Понятным становится и появление здесь скитов-башен, которые, помимо функции отшельнических столпов, в случае необходимости могли играть роль оборонительных сооружений.

К такому выводу склоняет нас и открытие украинскими археологами в 1990-х гг. остатков каменно-кирпичной башни в расположенном неподалёку от Холма Угровске [280]. Это было квадратное в плане сооружение, почти аналогичное оборонительной башне в Белавине.

О монастыре Св. Даниила в Угровске известно лишь, что в 1268 г. туда удалился православный литовский князь Войшелк [281]. Идеалы строгого монашеского подвига всегда были близки этому «чернецу

на княжеском престоле». Ранее он уже принимал постриг и уходил в обитель в Полонине [282], где провёл три года. Вернувшись, после упреков Миндовга за монашеский образ жизни, на княжеский престол в Новогрудке, Войшелк совершает попытку паломничества на Афон [283], но из-за начавшейся войны Болгарии с Никейской империей доходит только до Болгарии и возвращается в Новогрудок [284]. После этого он основывает некий монастырь на Немане [285], затем вновь оказывается на престоле, став уже князем всей Литвы, но в 1268 г. опять уходит в монастырь, на сей раз уже в обитель Св. Даниила в Угровске.

Почему же именно этот монастырь избрал для себя князь—поборник иноческой жизни? Д. П. Огицкий объяснил это тем, что Угровск «находился сравнительно недалеко от Владимира Волынского, где княжил наречённый отец Войшелка—Василько, и совсем близко от Холма—галицкой резиденции Шварна» [286], сына Даниила Галицкого, в пользу которого Войшелк отрёкся от княжеского престола. «В Угровске Войшелк чувствовал себя вблизи друзей,—пишет далее исследователь [287], подкрепляя свою мысль словами, вложенными летописцем в уста Войшелка: «Се ми zde близ мене сын мои Шварно и другий господин мои отец князь Василко, а тѣма ся иму утѣшивати» [288]. Культ подвижников-столпников и монашеского подвига был очень силён в Византии, проникнув и в императорскую среду и вызвав целый ряд пострижений лиц из императорских родов [289].

Это во многом объясняет и появление редкого имени Даниил у сына Романа Мстиславича, и удаление его матери в монастырь близ Холма, который А. Буко отождествил с башней в Стольпе [290]. Это раскрывает и причину, по которой ревнитель иноческой жизни Войшелк избрал местом своего удаления монастырь Св. Даниила (Даниила Столпника) в Угровске. По обоснованному предположению А. В. Майорова, открытые в Угровске остатки башни являются отшельническим столпом того самого монастыря Св. Даниила [291], место которого до сих пор не удавалось определить.

Сам способ возведения башни в Угровске во многом близок способу возведения башни в Стольпе: был насыпан искусственный холм, на который она была поставлена [292]. Для чисто оборонительного сооружения такая мера была бы бессмысленной, в то время как возведение отшельнического столпа на устроенном перед этим холме подчёркивало его скитский характер и вызывало прямые аллюзии с такими монашескими башнями на горах, как башни монастырей Афона и Метеор. Показательно, что и само урочище в Угровске, где были обнару-

жены остатки башни, до сих пор сохранило характерное название Столп [293].

В послании папы Иннокентия IV майнцскому архиепископу Зигфриду Ш фон Эпштайну, датированном 1247 г., говорится о некоем посланнике Даниила Галицкого, которого папа именует «аббатом Григорием с горы Святого Даниила» («Gregorii abbatis de monte sancti Danielis») [294].

Не исключено, что рассмотренная выше башня в Берестье (нынешнем Бресте), возведённая племянником Даниила волынским князем Владимиром Васильковичем, также служила столпом в монастыре, посвящённом ещё одному святому столпнику—Симеону [295]. В древности она была частью монастырского комплекса, в состав которого входил и Благовещенский храм [296]. Находки брускового кирпича-пальчатки на том месте, где стояли эти постройки, дали основания отнести башню (от неё были найдены фрагментированные каменные фундаменты, сложенные на цемяночном растворе) ко второй половине XIII в. [297]

Летопись под 1287 г. прямо говорит о башне в Берестье как о каменном сооружении, называя её «стльпъ камень» [298]. Монастырь Симеона Столпника в Берестье упоминается в письменных источниках уже под 1499 г. (в привилее, данном Берестью Великим князем Литовским Александром Ягеллончиком) [299]. Монастырь характеризуется уже как «древний» и имеющий два храма. Один из них—это, скорее всего, столп Симеона Столпника, существовавший уже с середины XIII в., а вторым вполне может оказаться церковь Благовещения, время появления которой определяется в пределах середины XIII—конца XV в. [300]

Башня в Спасском монастыре под Старым Самбором, как и монастырский собор, была возведена в каменно-кирпичной технике, характерной для Галицкой земли в конце XIII—XIV в. [301] Камни не имеют специальной obtёски, которая давала бы возможность строго выдерживать высоту горизонтальных рядов кладки [302]. Целиком из камня был сложен нижний ярус башни (сохранился на высоту до 1 м) [303], а в верхних частях кладка либо полностью, либо частично была кирпичной [304].

В западной стене располагался двухступчатый входной проём, от которого вниз вели ступеньки лестницы [305]. Следовательно, нижний ярус башни был заглублён. Он был перекрыт сводом, сложенным из тонких плитняковых камней высотой 5—10 см. Остатки свода прослежены вдоль северной и южной стен башни [306].

Количество ярусов башни, характер их устройства и изначальная высота неизвестны [307]. Сравнительный анализ башен в Черторыйске, Каменце, Стольпе, Белавине

- [282] Местоположение этого монастыря не известно, однако традиционно его связывают с нынешним городом Полонное (Хмельницкая область Украины). [283] См. об этом: *Огицкий*, 1983. С.175, 192. [284] Там же. С.174. [285] Обычно его связывают с Лавришевским монастырём (близ нынешнего села Гнесичи Новогрудского района Гродзенской области Белоруссии) (*Храневич*, 1896. С.211). Однако, по другим сведениям, базируются на местном предании, эта обитель была основана ещё раньше, в 1225 г. сыном литовского князя Тройната Елисеем (см.: *Николой*, 1864. С.129—131). О её основании см. также: *Chodynicki*, 1914. С. 249—250). [286] *Огицкий*, 1983. С.192. [287] Там же. [288] Ипатьевская летопись, 1962. Стб.867. Примечательно, что «в именослове Рюриковичей личное крестильное имя Даниил до начала XIII в. ни разу не встречается. Первый и, возможно, единственный в домонгольский период случай представляет имя галицко-волынского князя Даниила Романовича, зафиксированное во множестве различных источников» (*Майоров*, 2011/2. С.453). Историки, заметившие необычность имянаречения среди потомков Романа Мстиславича, не смогли объяснить причину этого феномена. Так, А.Ф.Литвина и Ф.Б.Успенский лишь констатируют, что «имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось разнообразием и не во всём было ориентировано на общединастический именослов» (*Литвина, Успенский*, 2006. С.567—568), а Н.Ф.Котляр пишет, что этот феномен «в настоящее время не представляется возможным объяснить» (Галицко-Вольнская летопись, 2005. С.187 (коммент. Н.Ф.Котляра)). Согласно А.В.Майорову, имя Даниил было выбрано княжичу в связи с особым почитанием в семье Романа Мстиславича святого Даниила Столпника (*Майоров*, 2011/2. С.457—460; *Майоров*, 2011/1. С.32—51). Это связано с происхождением матери Даниила, которую, присоединяясь к польским исследователям И.Грале и Д.Домбровскому, а также к украинскому исследователю Л.Войтовичу, А.В.Майоров считает дочерью византийского (никейского) императора Алексея III Ангела и племянницей константинопольского патриарха Иоанна X Каматероса

- (*Gmala*, 1982. S.116—123; *Dąbrowski*, 2002. S.40—44; *Войтович*, 2007. С.48—50; *Майоров*, 2010. С.76—106). [289] Там же. С.86—87. [290] См. также: *Буко*, 2007. S.201. [291] *Майоров*, 2011/1. С.34—36. [292] См. сведения об этом: *Мазурик, Остап'юк*, 2002. С.128—132; *Кучинко*, 2009. С.64—65. [293] *Гербачевский*, 1892. С.134; *Льобарский*, 1925. С.12. [294] *Historia Russiae*, 1841. S.66—67. По предположению И.З.Мыцко и А.В.Майорова, «горой Святого Даниила» в этом письме называется угровский монастырь Св. Даниила (см.: *Мыцко*, 2001. С.234; *Майоров*, 2011/1. С.35). [295] *Лысенко*, 1985. С.57, 335. [296] Он сильно пострадал во время войны 1812 г. и был упразднён в 1824 г. При строительстве Брестской крепости его остатки также были разобраны, а во второй половине XIX в. в память о древнем монастыре в Бресте был возведён храм Св. Симеона Столпника (см.: *Кулагін*, 2001. С.27). [297] *Лысенко*, 1985. С.57, 335. [298] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 927; Галицко-Волинский летопис, 2002. С.153. [299] *Майоров*, 2011/2. С.466. [300] Если предположить, что церковь построена в первой части этого хронологического диапозона, т.е. во второй половине XIII—XIV в., то мы столкнёмся с ситуацией, уже знакомой нам по по Спасскому монастырю под Старым Самбором в Карпатах, основанному ещё одним представителем династии Мстиславичей—двоюродным братом Владимира Васильковича, галицким князем Львом Даниловичем. Там также в XIV в. существовали каменный храм и башня, возведённые ещё в самом конце XIII столетия. [301] Стены, сохранившиеся на высоту до 1 м, имеют ширину 2,3—2,6 м и сложены из колотого камня-плитняка на известково-песчанистом растворе. [302] *Малевская, Кос, Рожко и др.*, 1979. С.360. [303] Там же. [304] Об этом можно судить лишь на основании найденных при её раскопках развалов брускового готического кирпича, аналогичного кирпичу Спасского храма (Там же). [305] Там же. [306] Там же. [307] М.Ф.Рожко, не приведя обоснований, предполо-

и селе Спас под Старым Самбором показал, что все эти возведённые во второй половине XIII в. башни близки друг другу по архитектурным формам [308], возможно, они были возведены одной и той же группой мастеров. Правда, в отношении Спасского монастыря под Старым Самбором нельзя исключить,

- жил, что башня достигала высоты 18 м. См.: *Рожко*, 1990. С.92—93; *Рожко*, 1997. С.153. [308] См.: *Антипов*, 2000. С.174, ил. 26. [309] *Малевская, Кос, Рожко и др.*, 1979. С.360; *Антипов*, 2000. С.96—98; *Рожко*, 1990. С.92—93. Однако М.Ф.Рожко не исключал возможности и оборонно-жилого использования этого сооружения, т.е. того, что она выполняла роль донжона (*Рожко*, 1997. С.153). [310] О греческих монастырских пиргосах и болгарских пиргах см.: *Тулешков*, 1989. С.127—131. Как мы уже знаем, сооружение, по всей видимости, относящееся к этому типу, существовало и на Руси (возведённая на рубеже XII и XIII в. постройка в Спасо-Преображенском монастыре в Новгороде Северском). Но более вероятной нам представляется версия А.В.Майорова, предполагающего, что башня Спасского монастыря под Старым Самбором служила отшельническим столпом (*Майоров*, 2011/2. С.459—460). [311] Там же. Предание об этом было записано в XVIII в. полоцким монахом-базилианином Игнацием Стебельским (*Stebelski*, 1867. S.28—38, 44). Учитывая, что оно приводится в связи с описанием монашеского столпнического подвига княжны Евфросины Полоцкой, можно предположить, что утёлый базилианин имел в своём распоряжении какие-то подтверждения преданию об удалении Льва Даниловича в монастырь, не приведённые в летописных источниках. [312] *Майоров*, 2011/2. С.467. [313] Эта башня носит откровенно фортификационный характер и представляет собой часть единого комплекса с оборонительным рвом и валом. Она имеет и воротный проём, снабжённый конструкцией подъёмного моста и опускающей решетки-герсы. Две бойницы, расположенные на втором ярусе над проёмом ворот, имеют характерную форму расширяющегося к внешней стороне раствора, что устраивалось для увеличения сектора обстрела. По исследованиям М.В.Малевской, башню

что там работала не «волынская», а «карпатская» группа мастеров, применявшая сходную с волынской технику, но по характеру обработки камня более близкую к постройкам этого времени в Дрогобыче и Лаврове.

Что касается башни в Спасском монастыре, то исследователи её оборонительные функции не ставят под сомнение [309]. Однако башня, имеющая чисто оборонительные функции, более характерна для городского поселения либо феодального замка, чем для монастыря, хотя мировая практика монастырской христианской архитектуры как на Востоке, так и на Западе знает и такие случаи. Небольшие размеры Спасо-Самборской башни заставляют считать, что оборонительная функция была у неё не основной и задействовалась только в случае необходимости.

Функция донжона характерна не для монастырских, а для крепостных и замковых ансамблей. К тому же небольшие размеры рассматриваемой башни не дают оснований видеть в ней сооружение, сочетающее в себе жилое и оборонительное назначение. Правда, в практике восточнохристианского монастырского строительства (особенно в Греции и Болгарии) такие сооружения (пиргосы или пирги) тоже возникали [310]. Князь Лев Данилович, оказывавший особое покровительство Спасо-Самборскому монастырю, в конце жизни удалился в него, приняв монашеский постриг [311].

К типу монашеских столпов, возведённых Даниилом Галицким и его наследниками, А.В.Майоров пытается отнести и башню, расположенную в селе Пятничаны (Львовская область Украины) [312], однако согласиться с этим трудно [313].

Спорным является и вопрос об отнесении к древнерусским памятникам остатков каменного сооружения, обнаруженных на горе Высокий Замок во Львове [314]. Учитывая, что ещё в конце XIX или начале XX в. на территории замка, недалеко от того места, где были раскопаны остатки стен и башни, были найдены два фрагмента белокаменных колонок (ныне в Львовском историческом музее) [315], можно было бы предположить, что в бутовой кладке башни использовались вставные тёсанные белокаменные детали. Однако нет уверенности, что находка этих фрагментов связана с самой башней, а не с какими-то другими расположенными на Замке зданиями. А.А.Ратич предполагал, что эти колонки происходят из дворца Даниила Галицкого, который, по его мнению, мог находиться на львовском Высоком Замке [316]. Но никаких подтверждений существованию княжеского дворца на Высоком Замке во Львове не существует.

Результаты, полученные в ходе раскопок башни, не позволяют решить вопрос о вре-

мени её постройки [317]. Сложен и вопрос датировки и реконструкции княжеского дворца [318]. Плохая сохранность и недостаточная археологическая исследованность Высокого Замка во Львове не дают возможности более определённо говорить об этом памятнике и о его месте в истории галицкого зодчества.

Ещё один памятник со спорной интерпретацией—башня-донжон замка в Люблине [ил. 115]. Сведения о том, что Даниил Галицкий построил башню в люблинском замке, после того как захватил этот польский город в 1244 г., содержатся только в польских источниках, созданных гораздо позднее описываемых событий—Хронике Яна Длугоша [319] и «Рочнике Свентокшиском» [320]. В Галицко-Волынской летописи сообщается только о завоевании Даниилом Люблина, но ничего не говорится о строительстве башни [321], однако под 1287 г. она уже упоминается как существующая [322].

Люблинская башня прекрасно сохранилась [323] и представляет собой круглое в плане цилиндрическое сооружение, близкое своим габаритам и внешнему облику польской башне в Каменце. Она построена из небольших постелистых блоков камня и брускового кирпича. Примерно до середины второго яруса в кладке преобладает камень, а выше использован только кирпич.

Нижний ярус люблинской башни, как и каменецкой, представляет собой заглублённое подвальное помещение, а выше расположены ещё три яруса и боевая площадка. Все ярусы перекрыты кирпичными сводами, а между собой сообщаются посредством внутрискладчатой каменной лестницы. В этом заключается отличие башни в Люблине от башни в Каменце, а возможно, и от аналогичной им по плану башни в Черторыйске.

Характер и расположение проёмов портала, окон и бойниц башни в Люблине близок к тому, что мы видим в каменецкой башне, однако это сходство—кажущееся. Если форма завершения и характер обрамления больших оконных проёмов в Каменце явно связаны со стилистикой готической архитектуры, то аналогичные детали люблинской башни носят ещё позднероманский характер. Особенно показательны романское окно-бифорий, расположенное в третьем ярусе. Наличие этого окна дало основание В. Козеёвскому утверждать, что третий ярус не имел боевого значения и использовался как жилой. Таким образом, башня в Люблине представляет собой классический донжон.

Отметив, что такие донжоны не характерны для романской архитектуры Польши, В. Козеёвский связал люблинскую башню с деятельностью мастеров из Мекленбурга, указав на близость её кладки технике неко-

115

торых замков Мекленбурга [324]. Однако прямых аналогий такому отдельно стоящему донжону, как башня в Люблине, в Мекленбурге нет [325]. Тем не менее гипотеза о мекленбургском происхождении мастеров донжона в Люблине имеет свои основания. Как уже говорилось, за несколько лет до захвата Люблина Даниил отвоевал Дрогичин от занимавших его рыцарей тамплиерского (добринского) ордена, посаженных туда польским князем Конрадом Мазовецким, и, как мы предполагаем, вывел их на Русь вместе с имевшимися в их распоряжении мастерами. Именно этих мастеров он мог использовать для укрепления захваченного им польского города. Такой тип донжона, который мы видим в Люблинском замке, характерен для тамплиерского строительства [326]. Донжон в Люблине может оказаться первой постройкой орденских мастеров на Руси, предшествующей их работе на карпатских территориях Руси в 1250-х гг. Сам характер кладки, сочетающий каменные блоки с большими массивами готического брускового кирпича, роднит между собой уже рассмотренную выше карпатскую группу древнерусских памятников с люблинской башней.

Именно башня в Люблине могла в дальнейшем, уже во второй половине XIII—первой половине XIV в., послужить образцом для строительства целой группы башенных построек на Волыни и в Чёрной Руси (башни в Каменце, Черторыйске, Гродно) [327].

А.В. Лонгинов, ссылаясь на летописное описание взятия Люблина Даниилом, когда польский князь Конрад Мазовецкий вбежал в башню к каким-то монахам («И въбеже Кондрать во столпъ ко мнихом с бояры своими и слугами...» [328]), считал упоминание «мнихов» свидетельством существования капеллы в башне уже в середине XIII в. [329]

Характер и равномерное расположение бойниц по периметру каждого из ярусов,

115 Башня Даниила Галицкого в Люблине (Польша). До 1287 г.

[317] Наиболее раннюю дату—рубеж XII—XIII вв.—предлагает Р.И. Могытыч (*Могытыч Р.*, 2008. С. 45). Хотя само основание Львова относится лишь к середине XIII в., не исключена возможность существования на его месте и более раннего поселения, и даже крепости, которая могла бы служить своего рода опорным пунктом для защиты стольных городов Галицкой земли. Но датировка, построенная лишь на том, что при раскопках башни были найдены фрагменты керамики этого времени, не может считаться достоверной. Культурный слой Высокого Замка был перемешан в процессе масштабных земляных работ второй половины XIX в. (*Багрий, Могытыч*, 1984. С. 16–17), а в 1869 г. он был почти полностью уничтожен для насыпки из него кургана-памятника в память 300-летия Люблинской унии (*Могытыч Р.*, 2008. С. 48). Бутовая кладка, в которой была возведена башня, до конца XIII—XIV в. в Галицкой земле не использовалась. Более реальной датировкой башни, как и всего древнерусского замка во Львове,

Р.И. Могытыч считает вторую половину XIII—начало XIV в. (*Могытыч Р.*, 2008. С. 45–46). Исследователь полагает, что первоначально замок Львова был деревянным, а каменная башня выполняла функцию донжона. Остатки стен, примыкавших к ней с двух сторон под прямым углом друг к другу, заставляют видеть в ней, скорее, угловую башню какого-то фортификационного сооружения. Её можно было бы рассматривать как элемент каменного княжеского дворца.

[318] Его строительство Р.И. Могытыч привязывает ко времени княжения Льва Даниловича и со ссылкой на некую традицию называет его точную дату—1270 г. Вероятно, он имеет в виду позднюю компилятивную латиноязычную хроникерскую львовского хрониста XVII в. Юзефа-Бартоломея Зиморовича. Приводимая Зиморовичем дата и основанная на ней датировка Р.И. Могытыча вполне правдоподобны. Однако исследователь, вероятно, опираясь на изображения замка XV—XVII вв., предлагает и реконструкцию этого дворца в виде каменного здания размером 15×25 м с одним подвальным и тремя наземными этажами. С этой реконструкцией вряд ли можно согласиться. П.А. Раппопорт не исключал существования каменного замка и дворца во Львове уже во времена княжения Даниила Галицкого, т.е. в 1240–1250-х гг., а И.В. Антипов датирует замок и дворец временем Льва Даниловича, т.е. 1270–1280-ми гг. (*Антипов*, 2000. С. 89).

[319] *Jan Długosz*, 1973. S. 57. [320] Сообщение «Рочника Свентокшиского» приведено в работах А.В. Лонгинова (*Лонгинов*, 1885. С. 240) и А.М. Андрияшева (*Андрияшев А.*, 1887. С. 187).

[321] Галицко-Волынский летописец, 2002. С. 105; Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 796.

[322] Там же. Стб. 910.

[323] В 1970-х гг. она была подробно исследована в ходе реставрации (*Козiejowski*, 1975. S. 105–111).

[324] *Ibid.* S. 110–111. [325] Жилые башни там, как правило, имели прямоугольную форму, а круглые, соединяясь с ними, служили для размещения лестниц для подъёма на ярусы боевых и жилых помещений. Характерным примером такого прямоугольного донжона с примыкающей к нему круглой лестничной башней является строение в замке Арнштейн. См.: *Wäscher*, 1961, X/1. S. 191–198.

[326] См. об этом: *Lambert*, 1955.

[327] И.В. Антипов, рассматривая вопрос о башне Люблинского замка, высказал мнение, что она «никакого влияния на последующую западнорусскую архитектуру не оказала, оставшись по сути дела частным эпизодом», признав, правда, что «Люблинская башня являлась родоначальницей всех Волынских башен» (*Антипов*, 2000. С. 150). Следует учитывать и мнение И. Кутыловской, что башня в Люблине вообще не имеет никакого отношения к строительной деятельности Даниила Галицкого, захватившего Люблин лишь ненадолго, а была построена позднее—при Вацлаве II Чешском, когда он был королём Польши (1300–1305), отремонтирована Казимиром Великим в середине XIV в., а уже в конце XIV или даже начале XV в. при короле Владиславе Ягайло была перестроена для устройства в ней знаменитой капеллы (*Кутыловская*, 2009. С. 180). Эта капелла была украшена фресками русских или византийских художников XV в. (*Różycka-Bryzek*, 1983).

[328] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 910.

[329] *Лонгинов*, 1885. С. 239–240. Вероятно, именно в связи с этой летописной фразой И.В. Антипов

включил капеллу Св. Троицы как возможно существовавший памятник в свой каталог памятников древнерусской архитектуры второй половины XIII—первой трети XIV в. (*Антипов*, 2000. С. 149–150). При этом весьма показательно, что он не выделил капеллу в самостоятельную каталожную статью, а присоединил сведения о ней к статье о самой башне. Тем самым автор косвенно признал возможность существования какой-то капеллы в башне ещё в XIII в.

А.В. Майоров, опираясь на уже цитированный летописный текст о Конраде Мазовецком и «мнихах», предположил, что «построенная Даниилом в Люблине башня имела не столько военно-оборонительное, сколько сакральное предназначение, ... была жилищем монахов, вероятно, приверженцев особого рода монашеского служения—столпничества» (*Майоров*, 2011/2. С. 463). Это мнение следует категорически отвергнуть. Отметим, что в цитируемой статье А.В. Майоров в качестве иллюстрации к сюжету о Люблинской башне ошибочно приводит изображение не этого памятника,

а какой-то другой башни (даже—бастей), явно относящейся уже к позднесредневековому времени. [330] Кроме того, в летописи речь идет о «мнихах» во множественном числе, в то время как культ столпничества предполагает единичный отшельнический подвиг и откровенно противопоставляет себя общепринятым монашеским уставам. К тому же, если «мнихи» в башне были православными, то в момент штурма города русским князем они, скорее всего, должны были быть на стороне осаждавшего город Даниила и вряд ли стали бы представлять убежище его противнику Конраду, а если эти монахи были католиками, то интерпретация башни в качестве монашеского столпа вообще теряет под собой всякую опору, так как культ столпничества в католицизме не получил распространения.

[331] *Kutyłowska*, 2009. S. 180. Это прекрасно доказывает исследованием В. Козеёвского (*Koziejowski*, 1975. S. 105–111).

[332] В связи с этим вновь следует вспомнить уже рассмотренную выше башню в Столпье близ Холма. Показательно, что и автор этих строк, вслед за П.А. Раппопортом относивший башню в Столпье к донжонам, считал, что часовня, находившаяся на верхнем ярусе этой башни, играла роль своего рода «замковой капеллы» (см.: *Иванюк*, 1994/2. С. 112), однако недавние исследования А. Буко, которые как мы уже видели, практически доказали культовый характер самой башни, заставили нас считать интерпретацию Столпьевской башни в качестве столпа единственно возможным вариантом определения её функции.

[333] См. о нем: *Маслов*, 1937. № 8–9. С. 344–354; № 12. С. 484–493; *Логвин*, 1982. С. 387–388.

[334] *Логвин*, 1967. С. 102–107. Такую датировку впоследствии поддержали некоторые авторы (*Говденко, Кучинко*, 1979. С. 319; *Малецкая*, 1985/1. С. 309). Датировка Луцкого замка концом XIII—первой половины XIV в. после этого надолго утвердилась в науке. См.: *Логвин*, 1967. С. 102–107; *Логвин*, 1968. С. 149–150; *Логвин, Малецкая*, 1974. С. 102; *Годовацкая*, 2003. С. 128–129.

[335] *Пашута*, 1950. С. 93, 123, 190, 290.

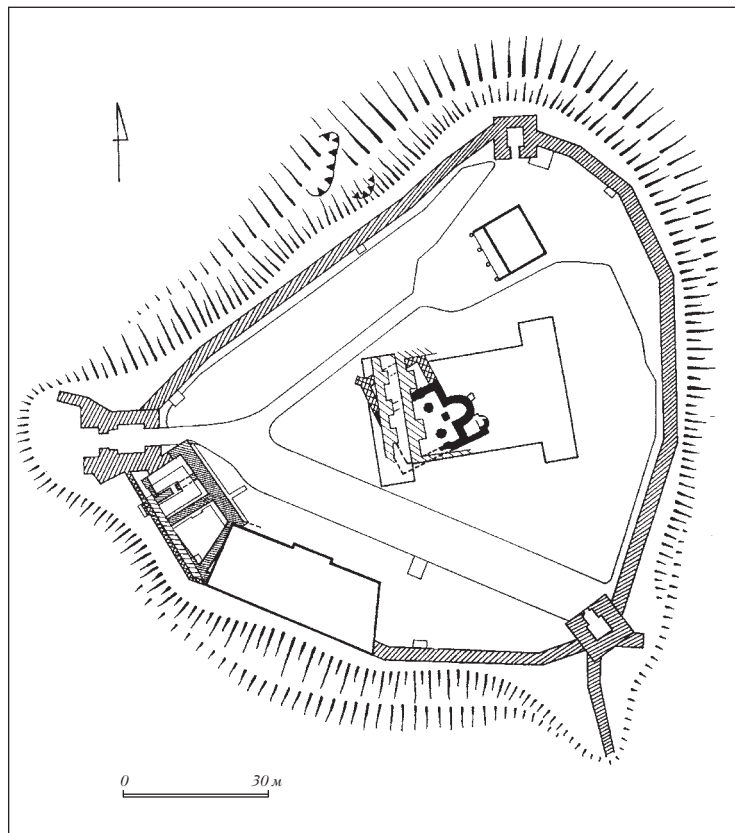
[336] *Малецкая*, 1989. С. 215–216.

внутренний ход в толще стены, скрытно выводящий на боевую площадку верхнего яруса, явное количественное преобладание бойниц над оконными проёмами жилого помещения, наличие машикулей (хотя и переделанных в XIX в.)— всё это свидетельствует, что, в отличие от башни в Столпье, оборонительная функция в люблинской башне явно преобладала [330].

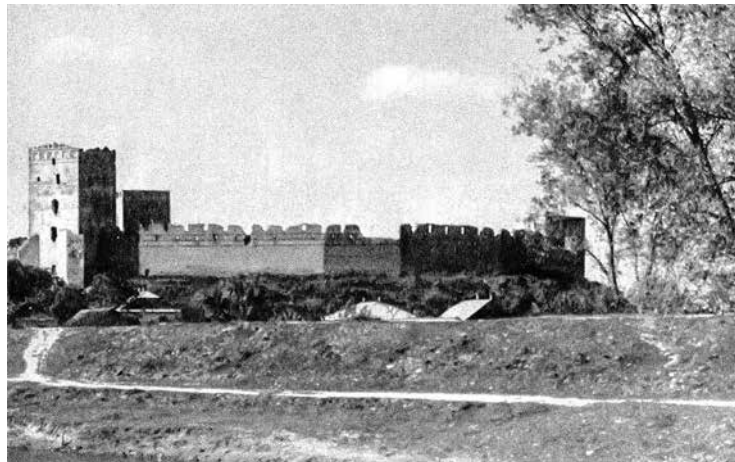
И. Кутыловская полагает, что башня выполняла функции классического донжона, т.е. сочетала в себе одновременно задачи и жилого, и оборонительного сооружения, но могла иметь и культовое назначение [331]. Предположение, что она могла нести в себе и некоторые культовые функции, также не лишено оснований: донжоны такого типа должны были иметь в своем составе и личные часовни-молебни своих владельцев [332].

В XIV в. на Волыни из камня и кирпича была построена и крепость традиционного башенно-прясельного типа—Верхний замок в Луцке [333] [ил. 116–121]. Новое заключалось в том, что в Древней Руси до этого такие крепости строились из дерева и земли, а каменные являлись редкостью. Верхний замок в Луцке фактически стал первой на Руси каменной крепостью башенно-прясельного типа. Традиция связывала возникновение этого замка с правлением в Луцке князя Любарта Гедиминовича (1335–1385), однако Г.Н. Логвин обратил внимание на то, что кладка верхней и нижней частей стен и башен замка неоднородна, и предложил датировать сохранившиеся на довольно значительную высоту нижние части укреплений временем княжения Мстислава Даниловича (1289–1301) и Юрия Львовича (1301–1321), а с временем правления Любарта связал увеличение стен и башен в высоту [334]. Отнесение основания и начала строительства замка к концу XIII в. представлялось тем более вероятным, что с этого времени при князе Мстиславе Даниловиче Луцк (Луческ) становится столицей Волыни [335]. В такой ситуации замена старых, еще домонгольских деревянных укреплений на каменно-кирпичные была бы естественным шагом, тем более что строительство из кирпича на Волыни уже было широко развито. Однако впоследствии М.В. Малецкая отказалась от поддерживаемой ею датировки замка концом XIII в., отнеся начало строительства к середине XIV в., т.е. ко времени Любарта: формат кирпича, использованного при строительстве стен и башен Луцкого замка, находит себе соответствие не в башнях «волинского типа», датированных второй половиной XIII в., а в укреплениях Новоградка, относящихся уже к первой половине—середине XIV в. [336]

Верхний замок в Луцке имеет нерегулярный план. Его укрепления состоят из трёх

116

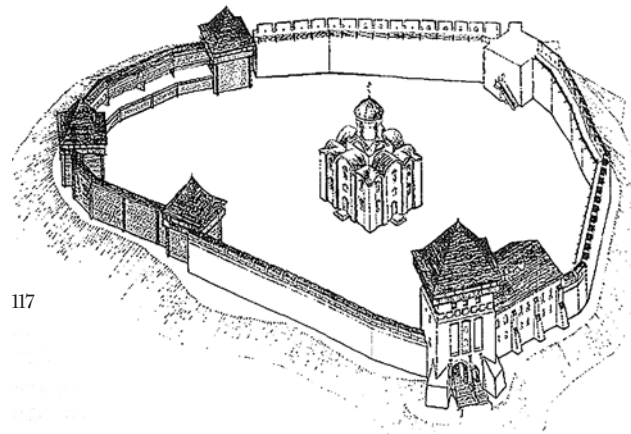
118

119

120

117

121

- 116 Замок в Луцке. XIV в.
 План
 117 Замок в Луцке. XIV в.
 Реконструкция М. Комаровой
 и Е. Елисеевой
 118 Замок в Луцке. Общий
 вид
 119 Владычья башня замка
 в Луцке
 120 Стыровая башня замка
 в Луцке
 121 Надвратная башня
 замка в Луцке

- [337] Малевская, 1985/1. С. 309.
 [338] Малевская, 1989. С. 216.
 [339] Świechowski, 1963. S. 42; Левандаускас, 1974. С. 35–36, табл.; Трусов, 1988/2. С. 83, 86–88.
 [340] Малевская, 1989. С. 216. Г.Н. Логвин считал, что это и есть полива (Логвин, 1982. С. 388), однако это не так.
 [341] Г.Н. Логвин обратил внимание на то, что такой же декоративный элемент использован в Каменецком «столпе» (между 1270 и 1288 гг.), что явилось ещё одним основанием для датировки Луцкого замка второй половиной XIII в. (Логвин, 1967. С. 105). Однако М.В. Малевская отметила, что такие конструктивно-технические и архитектурно-художественные элементы продолжали использоваться и в XIV в., особенно в соседней Польше.
 [342] Малевская, 1989. С. 216.
 [343] Раппопорт, 1967. С. 164–165, 206.
 [344] Подробнее об этом см.: Логвин, 1967. С. 102–107. Как считает Г.Н. Логвин, наиболее активные достройки замка осуществлялись в периоды княжения Витовта (1387–1430) и Свидригайла (1430–1452).
 [345] Опись замка 1545 г. сообщает о ней как о ещё строящейся (Памятники, 1859. С. 66). В XVIII в. дворец был почти полностью разобран и на его остатках возведено сохранившееся донье здание судебной канцелярии, а от постройки XVI века осталась лишь часть стены, примыкающая к Воротной башне (Малевская, 1999. С. 89).
 [346] Малевская, 1985/1. С. 309; Малевская, 1988. С. 267–268; Малевская, 1999. С. 87–91. Если предположить, что дворец XVI в. по своей структуре в какой-то степени повторял более раннюю постройку XIV в., то для её изучения, помимо данных раскопок, можно использовать и Люстрацию замка 1552 г., где говорится, что это было двухэтажное здание, покрытое черепицей. На каждом из его этажей было по четыре помещения, а общие размеры были 28 сажень в длину, 6 сажень в ширину и 10 сажень в высоту (Там же. С. 89).
 [347] Там же.
 [348] Там же.
 [349] Малевская, 1999. С. 90.
 [350] Там же.
 [351] Там же.
 [352] Там же. С. 90–91.
 [353] Там же.
 [354] Там же.

прямоугольных башен (Надвратной, Владычной и Стыровой), соединённых между собой каменно-кирпичными пряслами. Планировка замка повторяет конфигурацию ещё домонгольской деревоземляной крепости [337]. Стены и башни сложены на фундаменте из местного плитняка. Основу кладки этих укреплений составляет тот же камень, уложенный на известково-песчаном растворе, однако внешние поверхности стен выполнены из брускового желобчатого кирпича-«литовки», но не вендской, как в большинстве башен «волинского» типа, а готической кладкой [338]. Это обстоятельство даёт основание датировать крепость не второй половиной XIII, а XIV столетием: в XIII в. готическая система кладки ещё не использовалась [339]. Среди кирпичей, уложенных тычковой стороной к фасаду, немало таких, торцовая сторона которых обожжена до состояния клинкера, т.е. остеклованности, напоминающей поливу двух цветов—тёмно-зелёного и красно-коричневого [340]. Несмотря на то, что кирпичи были уложены в кладку без какой-либо определённой системы, они придают фасадам стен и башен декоративность, создавая эффект полихромии.

Другим декоративным элементом в стенах башен являются оконные перемычки лестниц, имеющие вид трёхлопастных готических розеток, где одна стрельчатая лопасть сочетается с двумя полуциркулярными [341]. Как считала М.В. Малевская, строительство Луцкого замка, скорее всего, велось мастерами уже сложившейся на Волини к концу XIII в. и продолжавшей работать в XIV в. артели, которая могла вновь заимствовать из соседней Польши появившиеся там в XIV в. новшества: ведь культурные и политические связи Волини и Польши продолжали и в это время оставаться очень тесными [342]. Немалую роль в этом заимствовании могло сыграть и то обстоятельство, что в XIV в. инициатива строительной деятельности на Волини переходит в руки литовских князей, которые не только использовали уже имевшиеся к этому времени на Волини строительные кадры, но и прибегали к помощи мастеров из Польши, Восточной Прибалтики и Германии.

Аргументом в пользу датировки замка XIV, а не XIII в. является и конфигурация его укреплений. Строительство многобашенных крепостей с расположением башен по концам напольной стороны, что позволяло обороняющимся вести фланкирующий обстрел, начинается только в XIV в. [343]

Во второй половине XIV, XV и XVI вв. Луцкий замок неоднократно подвергался перестройкам, сводившимся к увеличению крепостных стен и башен и к их модернизации, связанной с изменением тактиче-

ских способов ведения боя и появлением огнестрельного оружия и артиллерии [344], однако основная часть первоначальных стен и башен, так же как и плановая структура замка, оставались неизменными.

В XIV в. строительство в Луцке не ограничилось только созданием каменно-кирпичных укреплений Верхнего Замка. Внутри замка, по всей видимости, синхронно с его стенами и башнями или сразу же после них было возведено дворцовое здание, перестроенное в XVI в. [345] (пл. 122–124). Археологические исследования в 1983–1984 и 1987 гг. выявили под его основаниями остатки более раннего сооружения, синхронного строительству наиболее ранней части замка [346].

Раскопки показали, что дворец XVI в. был возведён на остатках дворца XIV столетия, полностью повторив его план [347]. Поперечные каменные стены дворца не приложены к пряслу оборонительной стены замка, а перевязаны с ним, при этом формат кирпичей дворца полностью идентичен формату кирпича, применённого в стенах и башнях XIV в., что доказывает синхронность их возведения [348].

Первый этаж дворца был полуподвальным, а на второй вела лестница, устроенная в толще стены [349]. Входной проём на первый этаж располагался значительно выше дневной поверхности—примерно на 1 м. Есть все основания полагать, что к нему подводило крыльцо [350]. Чтобы, войдя во дворец, попасть на уровень пола его первого, полуподвального этажа, с внутренней стороны должна была находиться ещё одна лестница, предназначавшаяся уже для спуска в помещение.

В ходе раскопок были обнаружены основания окон, освещавших первый этаж. Они располагались довольно высоко—примерно на высоте 2 м от уровня поверхности замкового двора XIV в., а, учитывая полуподвальный характер этажа, со стороны интерьера примерно на высоте 3 м от уровня пола. К сожалению, плохая сохранность проёмов не даёт возможности судить об их форме [351].

Судя по Люстрации 1552 г., дворец XVI в. состоял из двух примыкавших друг к другу корпусов [352]. Дворец XIV в. имел ту же особенность, однако второй корпус, почти полностью находящийся под существующим зданием XVIII в., по большей части оказался недоступным для исследования. Была прослежена только каменная стена, разделявшая эти два здания [353]. Исходя из того, что проёма, который мог бы соединять корпуса между собой, в ней не было, М.В. Малевская высказала обоснованное предположение, что второй корпус дворца имел отдельный вход [354].

Корпуса располагались под углом друг к другу, соответствуя излому крепостных

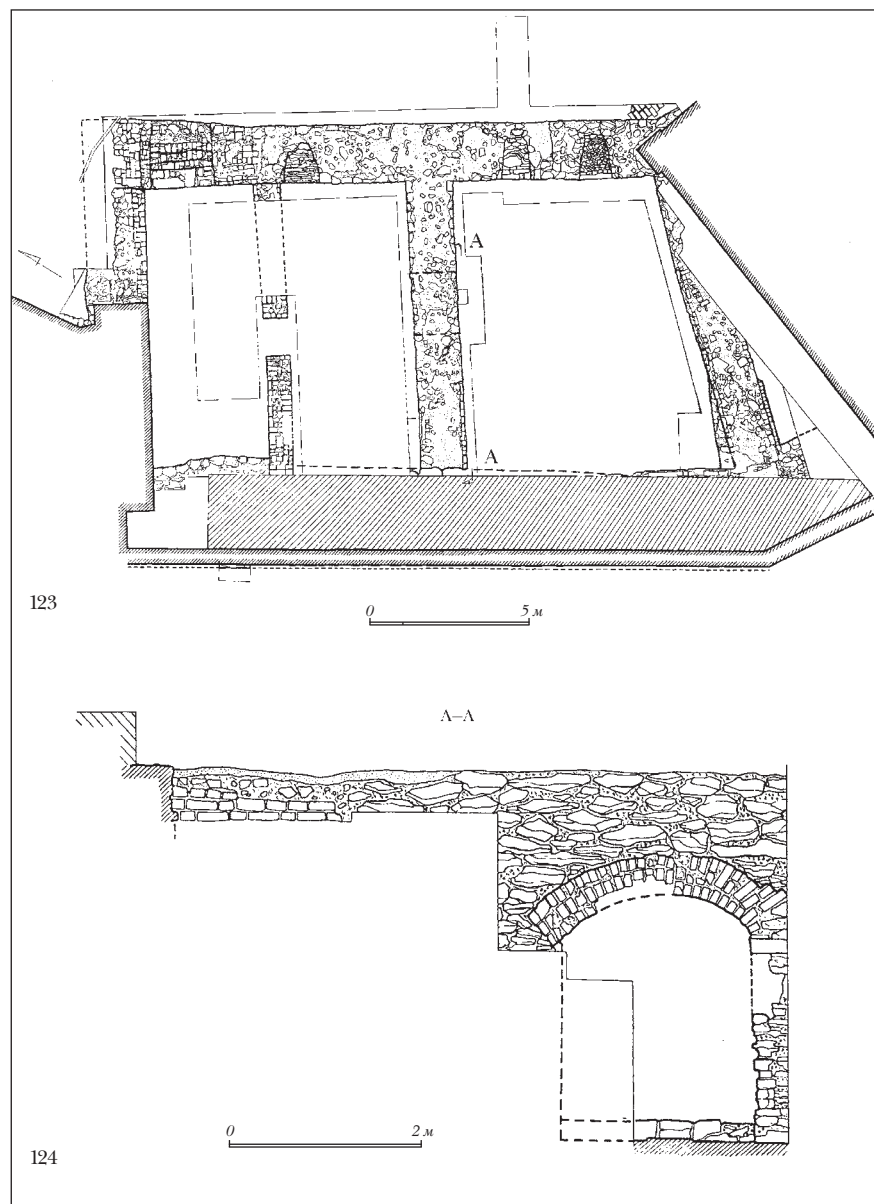

122

стены, к которой примыкал дворец [355]. Судя по многочисленным находкам кровельной черепицы, покрытой зелёной поливой [356], дворец был перекрыт характерной для жилых зданий Центральной и Западной Европы XIV в. двускатной черепичной кровлей.

Среди других зданий гражданской архитектуры на территории Западной Руси дворец Любарта по своей грандиозности не имеет аналогий. Несомненно, он был возведён по единому замыслу вместе с самой крепостью.

На рубеже XIII и XIV вв. был проведён и ремонт древней, построенной еще в 1170-х гг. церкви Иоанна Богослова, располагавшейся на территории первоначальной Луцкой крепости [357] (ил. 125–129). Церковь просуществовала до второй половины XVIII в. [358] Раскопки показали, что ремонт не привел к кардинальной переделке домонгольского храма, а свёлся к устройству в ней нового пола с использованием плиток от предыдущего пола XII в. [359] и, главное — к устройству новой алтарной преграды [360]. Эта преграда сложена из бороздчатого брускового кирпича размерами 27–28 × 12,5–13,5 × 8–9 см, что позволяет датировать её концом XIII–началом XIV в., т.е. временем даже более ранним, чем каменно-кирпичный замок Любарта [361]. Она представляла собой кирпичную стенку высотой 60 см с проёмом шириной 1,05 м в алтарную часть. Судя по следам от деревянных конструкций, сохранившимся в полу и кладке пары вос-

123

124

точных столбов, с востока к этой преграде примыкала деревянная стенка (отпечатки её досок сохранились на штукатурке восточной стороны преграды. Как показывают пазы в предалтарных столбах, эта деревянная стенка возвышалась над кирпичным основанием на высоту более чем 2 м, однако могла быть и выше

М.В. Малевская определила назначение этой деревянной конструкции, составлявшей одно целое с кирпичной алтарной преградой как основу иконостаса [362]. Алтарная преграда церкви Иоанна Богослова в Луцке подтверждает предположение о том, что первые многоярусные алтарные преграды существовали уже на рубеже XIII–XIV вв.

Западная поверхность кирпичной алтарной преграды в луцком храме на протяжении XIV в. дважды расписывалась [363]. Фресковая роспись, судя по всему, составляла единую композицию с расположенными выше, уже на деревянной стене, ярусами икон. Эту же тенденцию активного включения фрес-

[355] Там же. С. 91.

[356] Там же.

[357] О церкви XII в. и её ремонте на рубеже XIII и XIV вв. см.: Малевская, 1997/3. С. 9–35.

[358] Её остатки были открыты в ходе раскопок в 1984–1986 гг.

[359] Там же. С. 26–27.

[360] Там же. С. 24–26.

[361] См.: Малевская, 1989. С. 216; Малевская, 1997/3. С. 24.

[362] Там же. Сравнительно недавно считалось, что алтарные преграды древнерусских храмов были невысоки, а формирование многоярусных иконостасов связывалось с эпохой Андрея Рублёва, т.е. с концом XIV–началом XV в. (Лазарев, 1970. С. 128–139). Однако уже В.Н. Лазарев предположил, что этот процесс начался значительно раньше — на рубеже XIII–XIV вв.

В.М. Ковалёва установила, что иконостасы высотой до

122 Княжеский дворец в Луцке. Кладка основания здания. XIV в. Раскопки М.В. Малевской

123 Княжеский дворец в Луцке. План. Раскопки М.В. Малевской

124 Княжеский дворец

Проём входа. Раскопки М.В. Малевской

125 Церковь Иоанна

Богослова в Луцке. 1170-е гг., с переделками конца XIII —

начала XIV в. План

(по М.В. Малевской)

126 Церковь Иоанна Бого-

слова в Луцке. Алтарная пре-

града XIV в. (по М.В. Малев-

ской)

127, 128 Фрагменты алтар-

ной преграды церкви Иоанна

Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

129 Лик Христа. Фрагмент

фресковой росписи церкви

Иоанна Богослова. XIV в.

ковых изображений в общую живописную композицию иконостаса исследователи отмечали и для иконостасов рублёвской эпохи [364]. Открытия в церкви Иоанна Богослова в Луцке показывают, что эта особенность имеет более ранние корни и существовала уже на рубеже XIII и XIV вв.

Именно этим временем М.В. Малевская датирует алтарную преграду с иконостасом в церкви Иоанна Богослова [365], а И.В. Антипов связывает её появление с правлением в Луцке сына Даниила Галицкого князя Мстислава Даниловича [366]. Получается, что древний, возведённый ещё в домонгольскую эпоху храм не был полностью перестроен в XIV в. Любартом, а подвергся лишь определённой «модернизации», вылившейся в устройство нового пола и новой алтарной преграды. Что же побудило Любарта оставить практически нетронутым храм, который по своим небольшим размерам вряд ли мог удовлетворять грандиозным строительным замыслам литовского князя?

По всей видимости, это связано с особым статусом церкви, которая уже в дарственной грамоте Любарта Гедиминовича 1322 г. названа соборной и местом погребения русских и литовских православных князей [367]. О том, что соборная церковь в Луцке издавна использовалась в качестве великокняжеской усыпальницы, сообщает

7 м в некоторых новгородских храмах существовали уже в конце XII—начале XIII в. (Ковалёва, 1977. С. 55–64. См. также: Чукова, 2004. С. 27–29).

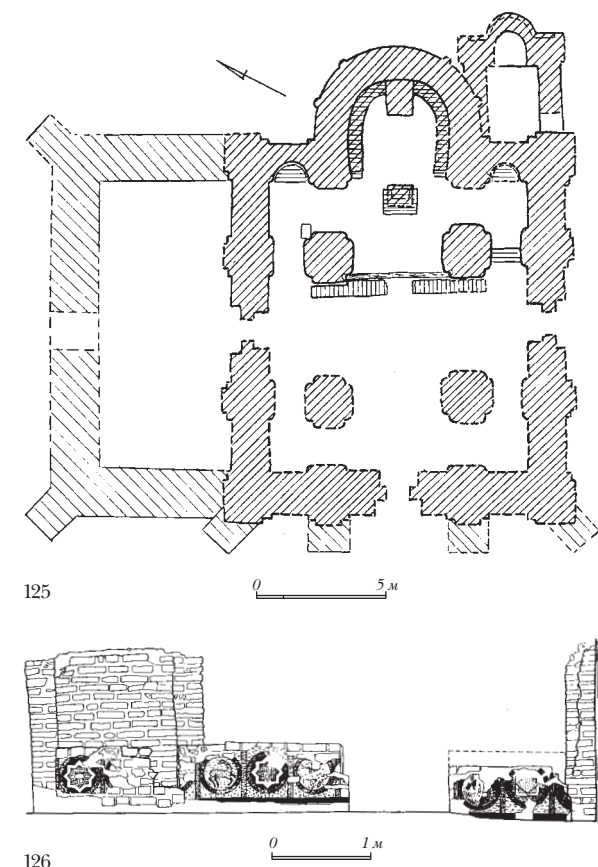
[363] Малевская, 1997/3. С. 24–26, 28–30.

[364] См.: Ильин, 1963. С. 88; Ильин, 1970. С. 29–32; Бетин, 1970. С. 41.

[365] Малевская, 1997/3. С. 24.

[366] Антипов, 2000. С. 142.

[367] Архив Юго-Западной России, 1883. С. 1–2. Эта грамота современными исследователями считается поддельной, написанной в более позднее время (см.: Грамоты, 1974. С. 20). Однако приводимым в ней сведениям о статусе церкви следует доверять. Так, в Галицко-Волынской летописи уже под 1289 г. упоминается о Луцкой епископии как об уже существующей (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 926). М.С. Грушевский связывал учреждение Луцкой епископии с княжением в Луцке Ярослава Изяславича (1155–1180). См.: Грушевский, 1905. С. 385.

125

126

127

128

129

один из актов XVI в., где говорится, что в церкви «тела змерлых господарей христианских, великих князей русских, лежат и гробы их суть» [368]. Судя по Привилею 1585 г., данному церкви королём Стефаном Баторием, Любарт Гедиминович, названный здесь заказчиком (фундатором) храма, сам был похоронен в этой церкви: «...великого князя Любарта на церковь соборную светого Иоанна Богослова, который тую церковь соборную фундовал, где ж и гроб его в той церкви и тепер есть» [369]. Любарт произвёл в храме очередной ремонт, который выразился в настилке нового пола [370].

Трудно сказать, с каким временем связано появление новой росписи храма, следы которой прослеживаются на кирпичном основании алтарной преграды [371]. В это время храм, по-видимому, был расписан целиком, и к этой росписи относятся многочисленные фрагменты фресок, найденные в ходе раскопок. Среди них особенно выделяется довольно крупный фрагмент с изображением лика Христа. М.В. Малевская отнесла его к первой половине XIV в. [372], В. Александрович—ко второй половине этого столетия [373], а Л.И. Лифшиц и Э.С. Смирнова (устная консультация)—к первой трети XV в.

Вопрос о строительстве галицко-волинских мастеров в Киеве

С зодчеством в Галицко-Волинской Руси связан и вопрос о возможном строительстве в Киеве в XIV в. До недавних пор всякая возможность строительной деятельности в разорённом и практически уничтоженном в ходе Батыева нашествия в Киеве категорически отрицалась [374]. Лишь после открытия на Подоле остатков кирпичной постройки, которая была сложена из кирпича-пальчатки и плинфы, происходящей явно из какой-то разобранной более ранней постройки, Г.Ю. Ивакин предположил, что это остатки церкви Рождества Богородицы, принадлежавшей армянской общине Киева

[368] Архив Юго-Западной России, 1859. С. 207.

[369] Там же. С. 206–207.

[370] Малевская, 1997/3. С. 27.

[371] Там же. С. 25–26.

[372] Там же. С. 30.

[373] Александрович, 2010. С. 905–907.

[374] В этом плане очень показательны высказывания Н.Н. Воронина о том, что старые центры древней строительной культуры Руси (включая Киев) в это время оказываются отторгнутыми от русских земель, и строительство в них полностью прекращается (Воронин, 1969. С. 206).

[375] К сожалению, постройка была вскрыта лишь фрагментарно, и делать какие-либо выводы о её внешнем облике не представляется возможным. Постройка внутри была расписана, о чём свидетельствуют многочисленные фрагменты фресок, найденные в ходе раскопок. Пол был набран из цветных поливных керамических плиток. Небольшой участок пола площадью 4 м² был обнаружен в ходе раскопок (Ивакин, 1979. С. 115–119; Ивакин, 1996. С. 146–151).

[376] Г.Ю. Ивакин датировал её в широких пределах XIV—начала XV в. (Ивакин, 1979. С. 117). Однако М.В. Малевская, ссылаясь на формат брускового кирпича-пальчатки, аналогичный формату кирпича, применённого в ремонтных кладках древних киевских зданий после землетрясения 1230 г., а также на обильное использование плинфы (как отдельных плинф, так и целых блоков, скреплённых цементным раствором), не исключила возможности её датировки временем значительно более ранним—1230-ми гг. (Малевская, 1989. С. 214).

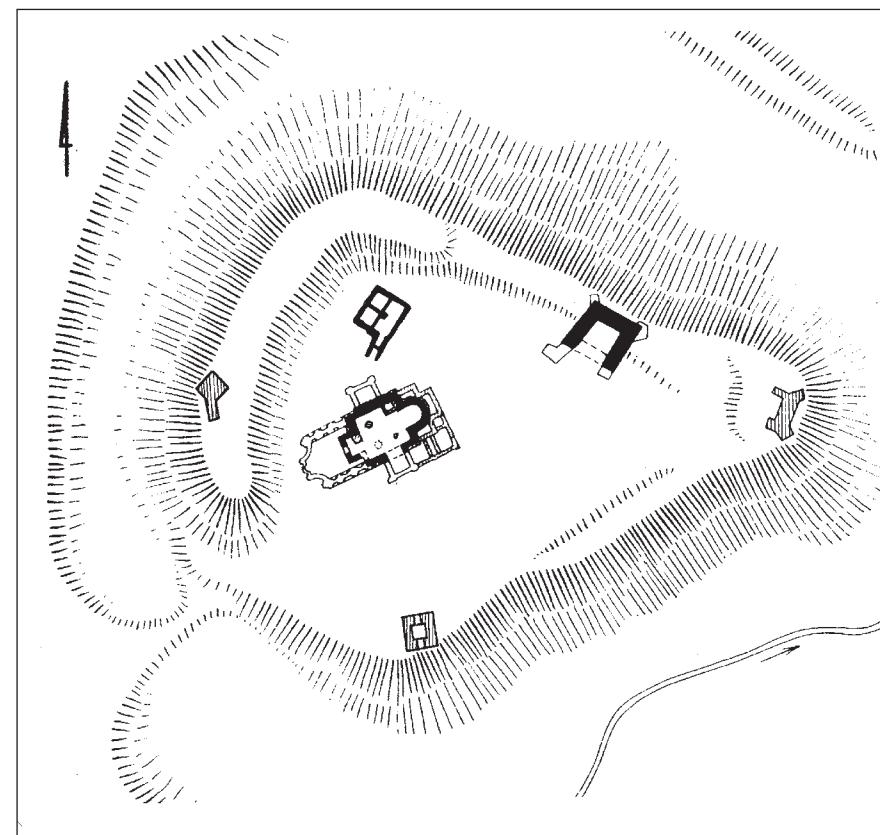
[377] О ремонтах домонгольских храмов после землетрясения 1230 г. см.: Рипинский, 1989. С. 207–211. Принадлежность этой церкви армянской общине не может служить препятствием для такой датировки. Массовая миграция армян на земли Южной и Юго-Западной Руси, сопровождавшаяся созданием религиозных общин на местах их нового расселения, началась после монгольского нашествия на Армению, т.е. начиная с 1220-х гг. Пользуясь покровительством Даниила Галицкого, армяне образовывали общины-колонии в разных городах Руси, подконтрольных Даниилу, от Киева до Каменца и Львова, где для них строились церкви. О расселении армян-колонистов в XIII–XVI вв. на территории нынешней Украины см.: Крипякевич, 1961. С. 164–165; Дашкевич Я., 1971. С. 90–93; Dachkevych Yar., 1973–1974. P. 341–358; Григорян, 1980. С. 53–55; Восканян, 1983. P. 51–60. Правда, наиболее ранняя из известных нам армянских церквей в Восточной Европе—это Армянский собор во Львове, построенный уже в XIV в. (см. о нём выше), но это не означает, что в Киеве для них не могла быть построена церковь ещё в первой трети XIII в. О церквях армянских колоний на территориях нынешней Украины и Польши см. цикл работ О.Х. Халпахчьяна: Халпахчьян, 1979. С. 323–338; Халпахчьян, 1980. С. 133–149; Халпахчьян, 1981. С. 377–384; Халпахчьян, 1982. С. 101–103, 422–423; Халпахчьян, 1984. С. 166–176.

[378] По всей видимости, среди армян-колонистов, бежавших на Русь от монгольского нашествия, не оказалось мастеров-строителей и зодчих. Уже рассмотренный нами пример создания армянского собора во Львове в XIV в. показывает это с очевидностью.

Армяне-колонисты—Яков из Кафы и Пантос из Гайса—выступали только в роли его заказчиков, в то время как само строительство было поручено местным мастерам-каменщикам, а руководил ими приездский зодчий Доринг. [379] Паушто, 1950. С. 93, 102–103, 120, 247, 281, 290. [380] Молодое литовское государство в эпоху своего становления было теснейшим образом связано с Русью и особенно с Галицко-Волинским княжеством (Там же. С. 341, 344, 367, 374, 380–381, 385, 387–391, 397–398). Литовские князья не только нередко выступали в качестве союзников русских князей и закрепляли эти союзы династическими браками (подробнее см. об этом: Войтович, 1996. С. 27–28; Войтович, 2006. С. 593–609). Они и сами зачастую становились участниками—а скорее заложниками—внутрифеодалных распрей как в самой Литве, так и в Галицко-Волинском княжестве, когда между наследниками Даниила и Василька Романовичей, всегда выступавших с единых позиций, разгорелся феодальный конфликт, который положил конец существованию ещё недавно мощного и единого Галицко-Волинского княжества (Паушто, 1959. С. 387–391; Гуревич, 1982. С. 21; Фенел, 1989. С. 141). Интересно, что русские князья нередко получают свои уделы уже не из рук галицких или волинских князей, а из рук литовского князя, фактически становясь его вассалами. Показательно, что принявший христианство по православному обряду литовский князь Войшелк получил Новогрудок из рук волинского князя, поскольку после заключения династического брака между галицко-волинским князем Шварном Даниловичем и литовской княжной (сестрой Войшелка) Чёрная Русь «по ряду» была в качестве приданого отдана Литве (Паушто, 1959. С. 380–381). И хотя Роман Данилович всё же получил и этот город, но из рук не Войшелка, а старшего литовского князя—Миндовга: «...и вдасть Романови сновни королеву Новогрудькь от Миндога и от себе и Вослонимь и Волковыськ и всь городы». Но когда впоследствии Войшелк, уходя в монастырь, решил вновь уступить Чёрную Русь младшему брату Шварна князю Роману Даниловичу, то последний получил эти земли уже из его рук (правда, за исключе-

нием Новогрудка). Летописец подчёркивает, что Слоним, Волковыск и другие города Чёрной Руси Роман Мстиславич получил от Войшелка («от себе»), а Новогрудок «от Миндога». [391] См.: Паушто, 1959. С. 380; Войтович, 1996. табл. 27–28. Правда, галицко-волинские князья впоследствии, на протяжении второй половины XIII и первой трети XIV в. не оставляли попыток вернуть Новогрудок, в состав своего домена, в результате чего город постоянно переходил из рук в руки, оставаясь, тем не менее, владением одного русско-литовского княжеского клана. [382] Подробнее см.: Паушто, 1959. С. 363–421. Этот процесс проходил в условиях, когда вокруг уже существовали государства с развитой христианской традицией, причём традицией с разными конфессиональными корнями, что не могло не сказаться на самом характере христианизации. С одной стороны, активную роль в этом процессе, особенно во второй половине XIII—XIV в., играла римская курия и действовавший под её эгидой Ливонский орден (первый литовский князь Миндовг принял крещение по католическому обряду), а с другой—многие из литовских князей, подобно сыну Миндовга Войшелку, принимали христианство по православному обряду, являлись кровными родственниками галицко-волинских князей, с которыми даже создали на землях Волыни и Чёрной Руси государственное образование, получившее в историографии название Русско-Литовского государства (Там же. С. 174–181, 184, 188–189, 224, 363–381). Во второй половине XIII в. его возглавляли то литовские, то русские (галицко-волинские) князья, то одновременно, и те, и другие на правах соправителей (совместное правление Войшелка и Шварна Даниловича). Важно и то, что земли Чёрной Руси, ставшие во второй половине XIII в. центром складывающейся литовской государственности, ещё с середины XII в. представляли собой русские княжества, где утвердилось христианство по восточнохристианскому, православному обряду (Гуревич, 1982. С. 40–41) и где сложилась весьма своеобразная, причём открыто византизирующая культура.

130 Замок в Новогрудке. План (по М.В. Малевской): ■ постройки XIV в.; ▨ башни рубежа XIV–XV вв.

130

и упоминаемой в письменных источниках первой половины XV в. [375]

Датировка этой постройки остаётся неясной [376]. Теоретически не исключено, что она была возведена в первой трети XIII в. и подобно многим другим киевским храмам домонгольской эпохи подверглась капитальному ремонту после катастрофического землетрясения 1230 г. Однако отсутствие цемянки в растворе делает такое предположение маловероятным [377].

Неизвестно, отразились ли в этой постройке приёмы армянской архитектуры, однако её строительно-технические особенности ничего общего со строительной практикой, сложившейся в Армении, не имеют, но характерны для того типа строительства, который начал формироваться в Киеве незадолго до монгольского нашествия и в котором, как мы увидим, совместились традиции древнерусского домонгольского строительства и зодчества позднероманской Польши [378].

Учитывая, что до вхождения в середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского Киев находился в распоряжении наследников Даниила Романовича Галицкого, можно предположить, что строителями этой церкви были мастера, пришедшие в Киев из Галицко-Волинской Руси. Характер использованного в ней брускового кирпича свидетельствует в пользу такого предположения.

Зодчество Чёрной Руси в конце XIII—XIV века

Земли древнерусского Понеманья—Чёрной Руси (современная территория Гродненской и Брестской областей республики Беларусь)—исторически были связаны с Галицко-Волинским княжеством. В середине XIII—первой половине XIV в. расположенные на Немане земли входили в состав Галицко-Волинского княжества—владений Даниила Романовича Галицкого и Василька Романовича Волинского и их ближайших потомков: князей Льва Даниловича, Юрия Львовича и Владимира Васильковича [379]. Нет ничего удивительного, что и каменное строительство в Чёрной Руси после монгольского нашествия начинается как составная часть галицко-волинской строительной программы Романовичей и их наследников.

Хотя земли Чёрной Руси не были затронуты монгольским вторжением, активизировавшаяся агрессия Тевтонского ордена и переменчивые отношения с соседним молодым государством—Литвой привели к тому, что во второй половине XIII в. на этой территории основное внимание уделялось строительству оборонительных сооружений и укреплённых монашеских скитов, рассмотренных нами ранее. Гражданские постройки и храмы на землях Чёрной Руси во второй половине XIII в. почти не возводились.

Есть ещё одно обстоятельство, на котором нельзя не остановиться, рассматривая вопрос о строительстве в городах Чёрной Руси. Во второй половине XIII—начале XIV в. Чёрная Русь периодически становится ареной соперничества между находящимися в союзе и даже в родственных отношениях галицко-волинскими и литовскими князьями [380]. В это время Новогрудок уже рассматривался и на Руси, и в Литве как один из важнейших центров Литовского княжества, которым распоряжался не удельный литовский князь (Войшелк), а великий—Миндовг. Галицко-волинский же князь, даже получив Новогрудок в свой удел, фактически становился вассалом Литвы [381].

Второе обстоятельство, оказавшее существенное воздействие на культуру Чёрной Руси,—это особенности конфессионального развития Литовского княжества в эпоху его сложения. Оставаясь почти до середины XIII в., пожалуй, единственным языческим уголком Европы, Великое княжество Литовское, как и все европейские страны в эпоху становления государственности, начинает христианизироваться [382]. Ещё в 1317 г. возникает, правда, недолго просуществовавшая, Литовская православная митрополия, митрополит которой был поставлен в Константинополе.

Огромную роль в развитии культуры Чёрной Руси в момент сложения на её терри-

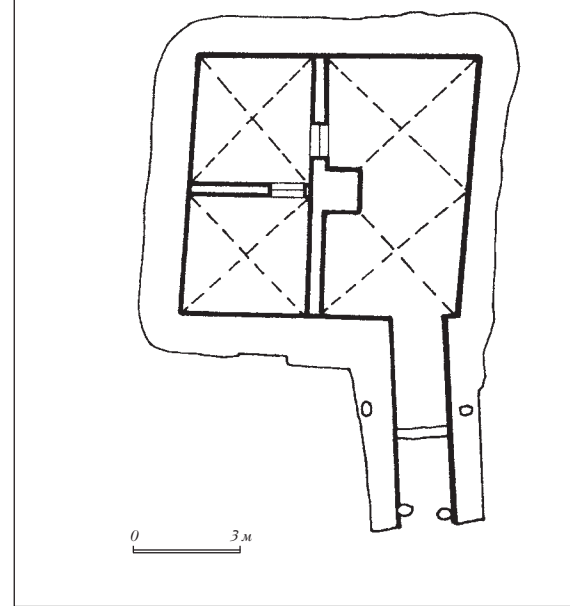
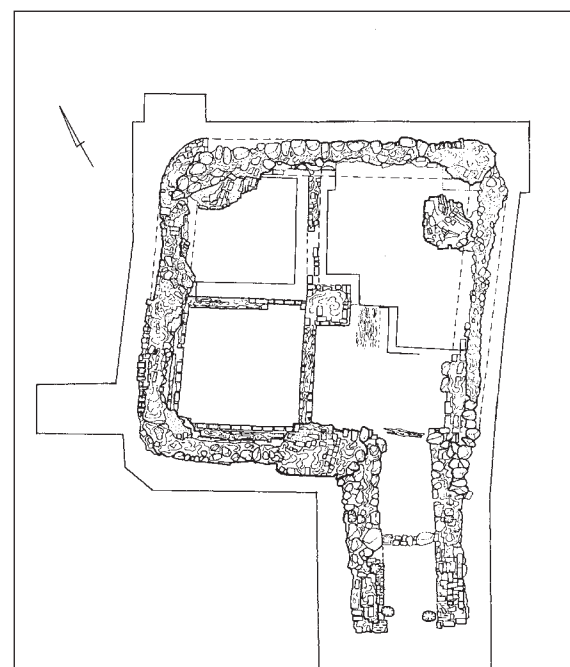
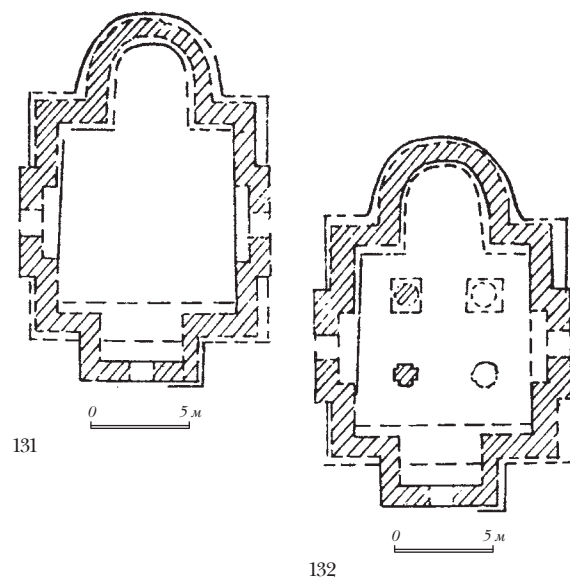
тории центра литовской государственности сыграли и традиции культуры Галицко-Волынской Руси. Это особенно наглядно проявилось на примере каменного зодчества.

В условиях, когда княжеская власть на территории Чёрной Руси постоянно колебалась между русской и литовской ветвями одного княжеского клана, а православное христианство при этом было для литовских князей делом сугубо личным, каменное храмостроительство в Чёрной Руси второй половины XIII—начала XIV в. не приобретает такого масштаба, какой оно имело на Волыни и в Галицкой земле при Данииле и Васильке Романовичах и при их наследниках—Владимире Васильковиче, Льве Даниловиче и Юрии Львовиче.

Те немногие памятники церковного и гражданского зодчества Чёрной Руси этого времени, которые известны нам, датируются лишь приблизительно в пределах первой половины XIV в. [383], а потому неясно, в какой из моментов истории этого региона они были построены: когда города Чёрной Руси принадлежали галицко-волыньским князьям или литовским. Проникновение древнерусских традиций в культуру складывающегося Литовского государства, особенно на этом хронологическом отрезке, было настолько глубоким, что вопрос, кто был их непосредственным заказчиком—литовцы или русские, не имеет значения: в памятниках Чёрной Руси этого времени мы сталкиваемся с непосредственным продолжением архитектурно-строительных традиций Волыни [384].

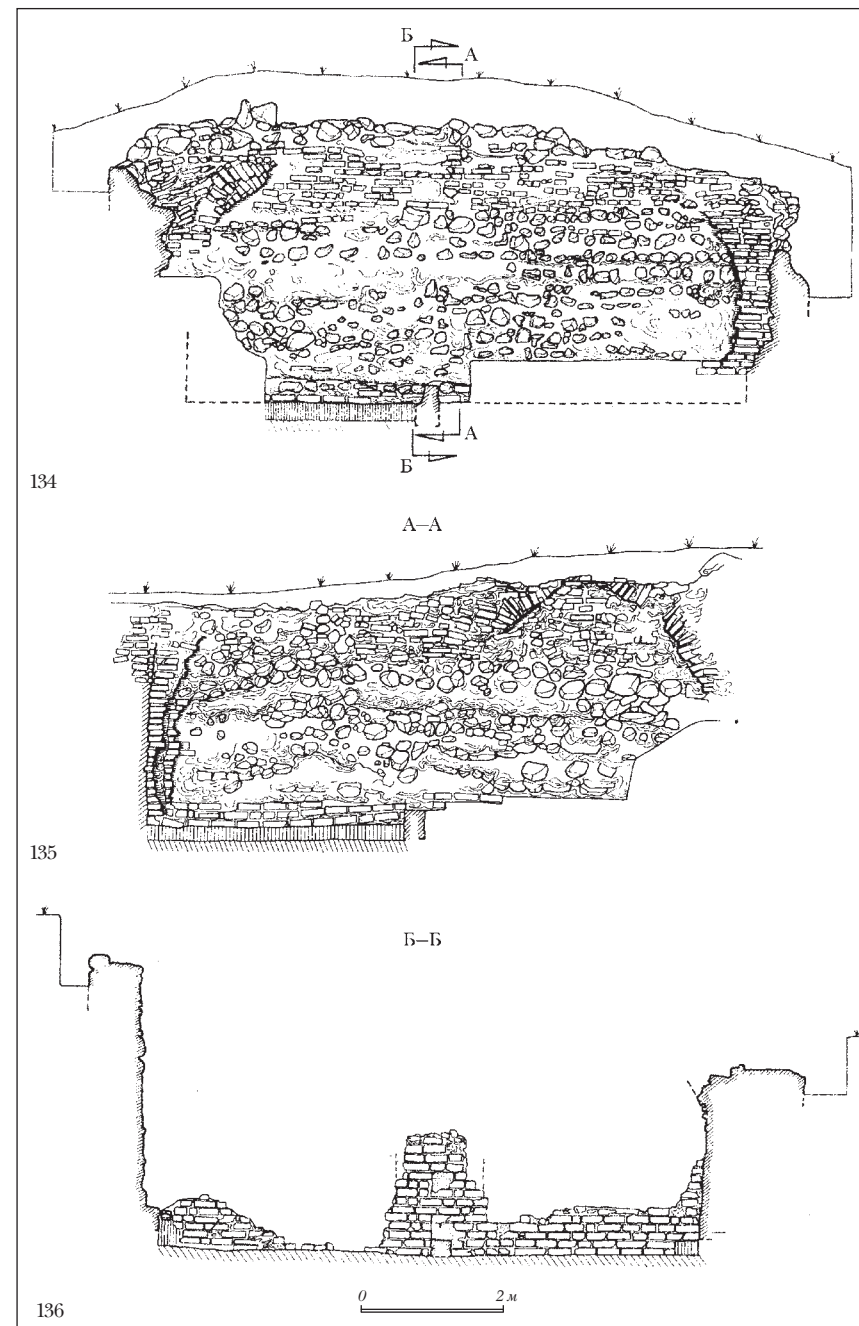
Возможно, первой и единственной церковно-монастырской постройкой Чёрной Руси во второй половине XIII в. стал храм монастыря, основанного в 1268 г. литовским князем Войшелком, благочестивым православным христианином и союзником волыньских князей, где-то на Немане «между Литвою и Новогрудком» («на рѣцѣ Немнѣ межи Литвою и Новымгородкомъ») [385]. Самый ранний памятник Чёрной Руси, созданный во второй половине XIII в., продолжает оставаться загадкой.

В начале XIV в. кирпичное строительство ведётся уже в другом центре Чёрной Руси—Новогрудке [ил.130], который уже с конца XIII в. стал центром литовско-русского княжества [386]. В 1968 г. Ф.Д. Гуревич и М.В. Малевская на территории Новогрудского замка были раскопаны остатки церкви, построенной из брускового кирпича-пальчатки [387] [ил.131], близкого по своим параметрам волыньским кирпичам рубежа XIII—XIV вв. [388] Церковь имела крещатый план с тремя неглубокими притворами с юга, запада и севера и полукруглой апсидой с востока [389]. М.В. Малевская предположила, что

131 Церковь в замке Новогрудка. План первой половины XIV в. (по М.В. Малевской)
132 Церковь в замке Новогрудка. План после перестройки второй половины XIV в. (по М.В. Малевской)
133 Гражданская постройка в замке Новогрудка. XIV в.: а) обмерный план; б) реконструкция плана (по М.В. Малевской)
134 Гражданская постройка в замке Новогрудка. Северо-восточная стена. Вид с внутренней стороны (по М.В. Малевской)
135 Гражданская постройка в замке Новогрудка. Северо-западная стена. Вид с внутренней стороны (по М.В. Малевской)
136 Гражданская постройка в замке Новогрудка. Разрез с видом на перегородку и центральный столб (по М.В. Малевской)

[383] Малевская, 1989. С. 219.
[384] См. об этом: Там же. С. 218–221; *Раппопорт*, 1993. С. 112.
[385] Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 859. Ещё в 1861 г. архимандрит Макарий высказал предположение, что этот монастырь мог находиться у деревни Лаврышево, ныне на территории Гродненской области республики Беларусь (*Макарий*, 1861. С. 153). Однако предпринятые в 1988 г. А.Н. Кушнеревичем попытки найти в окрестностях этого села остатки древнего храма успехом не увенчались (*Кушнеревич*, 1993. С. 22). Обнаруженные им фундаменты, как указывает исследователь, относятся к деревянной церкви XIX в., разобранной во время Первой мировой войны. Сам А.Н. Кушнеревич отмечает, что в ходе попыток найти монастырь Войшелка не были найдены «не только его остатки, но даже кирпичи и прослойки строительного мусора того времени». Исследователь высказал предположение, что либо постройки монастыря Войшелка были деревянными, либо сам монастырь находился где-то в другом месте, на довольно обширной территории между Литвой и Новогрудком.

[386] *Любавский*, 1910. С. 13; *Пашуто*, 1959. С. 188.
[387] Малевская, 1973. С. 90–95.
[388] Малевская, 1989. С. 219.
[389] Подробное описание памятника см.: Малевская, 1973. С. 90–95; *Кушнеревич*, 1993. С. 27–28; *Антипов*, 2000. С. 155–157.
[390] Малевская, 1983. С. 122–125.
[391] См. о них: *Могитич И.*, 1979. С. 97–107; *Флиер*, 1988. С. 86–96.
[392] См. о ней: *Лукомский*, 1993. С. 65–66; *Иоаннисия*, 2009. С. 432–452.
[393] См. о ней: *Могитич Р.*, 2008. С. 52–53.
[394] О храмах такого типа в архитектуре палеологовской Греции см.: *Гюлелес*, 1992. С. 64–66.
[395] См.: *Гуревич*, 1982. С. 36–40.

церковь была бесстолпным храмом, с куполом на световом барабане [390].

Фундамент был сложен из крупных валунов на известково-песчаном растворе и опирался на материк, прорезая двухметровую толщу культурных напластований XII–XIII вв., накопившихся ко времени строительства храма. Интересно, что система перевязки швов в разных частях церкви не одинакова. Если в восточной части она вендская, то в западной—готическая. Соче-

[396] *Антипов*, 2000. С. 156.
[397] Там же.
[398] М.А. Ткачёв предполагал, что церковь была освящена во имя Св. Михаила (*Ткачёв*, 2007. С. 21), а А.Н. Кушнеревич—в честь Богородицы (*Кушнеревич*, 1993. С. 28).

[399] Церковь полностью переложили, до самых нижних рядов кладки, и подвели под новые своды четыре столба, превратив её в традиционный четырёхстолпный храм с симметрично расположенными притворами. См.: Малевская, 1973. С. 93–96.

тание двух типов кладки в новогрудской церкви может свидетельствовать, что в её создании принимали участие две бригады мастеров. Одна из них, которая использовала вендскую кладку, связана с традициями волыньского строительства, а другая, скорее всего, появилась из Польши. В начале XIV в., когда в столице молодого литовско-русского государства начиналось каменное строительство, мастеров там могло не хватать, поэтому заказчиком пришлось сформировать сборную артель, в которую вошли как мастера, доставшиеся в наследство от волыньской традиции, так и вновь набранные в соседней Польше.

Архитектурные формы храма, судя по характеру плана, совершенно недвусмысленно указывают на связь с традициями именно галицко-волыньского зодчества XIII в. Именно там ещё в домонгольское время получили распространение крестообразные в плане бесстолпные храмы, перекрывавшиеся куполами [391]. Наиболее ранние примеры—церкви на Царинке в Галиче [392] и Св. Николая во Львове [393]. На Волыни, правда, такие храмы, построенные в XII–XIII вв., неизвестны, однако князья Чёрной Руси, прямые потомки галицких, могли сориентировать строителей на галицкие образцы.

В конце XII—сердине XIII в. храмы крестообразного типа получают широкое распространение в палеологовской архитектуре, особенно на Балканах—в Греции (наиболее в архитектуре Эпира—церкви Агия Параскеви ту Драку, Агиос Василеос тис Гефирос, Панагия Коронисиас) [394] и в Сербии (рашская школа). Учитывая сильное воздействие византийских традиций на Чёрную Русь, проявившееся во многих сферах культурной жизни [395], удивительно появлению храма такого типа в столице литовско-русского государства не приходится.

Конструктивной особенностью новогрудского храма является использование внутренних деревянных связей, пазы которых были прослежены при раскопках [396].

О традициях галицкого зодчества второй половины XIII—начала XIV в. в новогрудской церкви напоминает и конструктивное решение кладки угловых частей. Как это было в костёле Иоанна Крестителя во Львове, здесь был использован приём рустовой каменной кладки: углы храма были сложены не из кирпича, а из блоков известнякового туфа [397]. Сочетание красного кирпича с жёлто-зелёным камнем на углах создавало своеобразный декоративный эффект.

Кому был посвящён храм в Новогрудке—не известно [398]. Уже во второй половине XIV в. своды новогрудской церкви обрушились и её пришлось радикальным способом реконструировать [399] [ил.132].

В XIV в. на территории Новогрудского замка было возведено ещё одно каменно-кирпичное здание—гражданская постройка, определённая М.В. Малевской как дворцовая княжеская палата [400] [ил.133–136]. Она представляла собой почти квадратное в плане сооружение, к углу которого примыкал вынесенный за пределы здания довольно длинный и узкий коридор, служивший для входа. Внутри палата делилась на три камеры, образованные примыканием тонких кирпичных стенок к кирпичному же столбу, расположенному в центре постройки.

Стены были сложены из камня и облицованы брусковым кирпичом, аналогичным использованному при перестройке церкви на детинце [401]. Это дало М.В. Малевской основание датировать палату второй половиной XIV в. [402], однако Н.Б. Селиванова после анализа применённых строительных растворов изменила датировку здания на первую половину столетия [403].

Примечателен крайне небрежный характер облицовочной кирпичной кладки в этой постройке: она выполнена без какой-либо системы перевязки, и на поверхность выступают преимущественно торцы кирпичей. К тому же облицовка практически не перевязана и с основным (каменным) массивом кладки [404]. Однако исследованные руины представляли собой не наземную, а подвальную часть здания. Она частично врезана в примыкающий более древний оборонительный вал, а частично (со стороны площадки замка) подсыпана снаружи землёй. Таким образом, тщательно выводить облицовочную кладку и не имело смысла—оказавшая её со всех сторон земля играла роль своеобразного контрфорса, надёжно прижимавшего наружную облицовочную кладку к каменной забутовке. Интерьерные стены постройки, не имевшие этого земляного «панциря», сложены более тщательно. Пол подвала был деревянным, от него сохранились лишь песчаная подсыпка и несколько практически сгнивших досок [405].

Несмотря на простой дощатый пол, интерьер подвального помещения княжеских палат был по-своему декоративен и эффектен. Во многом это обеспечивалось благодаря его пространственному решению, где особую роль играли кирпичные своды, сходящиеся к центральному столбу в центре подвала. Эти своды носили готический характер и представляли собой кирпичные мембраны, заполнявшие пространство между стенами и нервюрами, которые имели диагональное направление—от углов помещений к центральному столбу [406]. Остатки нервюр, сохранившиеся в углах помещений, а также остатки одного из сводов, рухнувшего целым блоком, дают основание реконструировать и тип этих сводов:

они были крестовыми [407]. Нервюры были набраны из лекальных кирпичей стрельчатой формы [408]. Конструкция опирания сводов на нервюры, идущие по диагонали от центрального столба к углам помещений, давала возможность перекрыть общее пространство интерьера четырьмя сводами. Два квадратных помещения в северной части здания имели по одному своду, а длинный, не разделённый перегородкой зал в южной части—два свода.

Кладка нервюр и мембран, образующих своды, отличается и лучшим качеством раствора: если в кладке перегородок и облицовки стен использован довольно хрупкий раствор желтовато-бурого цвета с большими примесями песка и карбонатных частиц, то в кладке сводов раствор очень прочный, белого цвета, содержащий больше вяжущего (известки) и меньше примесей [409].

Палата была по меньшей мере двухъярусной: врезанная в вал стена, которая сохранилась лучше остальных и на большую высоту, поднимается выше уровня пят сводов подвального яруса. На втором ярусе находилась печь, о чём свидетельствуют многочисленные находки изразцов в подвальном помещении, куда они рухнули во время разрушения здания [410]. Большая часть из них—так называемые «горшковые кафли» (сосудообразные изразцы) различной формы—круглые, прямоугольные, квадрифольные [411]. Устье таких изразцов-сосудов не имело выходящей на фасад печи керамической пластины и оставалось открытым. Такие изразцы предназначались не столько для декорирования печей, сколько имели функциональное назначение. Горшкообразная форма таких изразцов давала возможность накапливать теплый воздух внутри сосуда, а отсутствие пластины, перекрывающей устье, давало возможность теплоте воздуха беспрепятственно выходить в помещение, способствуя его лучшему нагреву, значительно увеличивая объём и площадь теплоотдачи. Такие изразцы впервые появляются во второй половине XIII в. в Германии, откуда вскоре широко распространяются по территории Западной, Северной и Центральной Европы [412]. Уже в XIV в. они проникают на территорию Западной Руси, вошедшей в это время в состав Великого княжества Литовского. О.А. Трусов считает, что центром, откуда традиция использования таких изразцов распространялась по Западной Руси, был Полоцк, у которого уже с XIII в. установились тесные связи с Ганзой и где возникла фактория немецких ганзейских купцов [413].

Декоративный эффект композиции печи достигался благодаря сочетанию изразцов различной формы, устья которых, выходя на поверхность печных стен, образовывали различные орнаментальные композиции [414].

[400] Малевская, 1997/2. С. 31–33. Она была открыта в ходе раскопок на Новогрудском замке в 1977 г. (Малевская, 1983. С. 122–124).

[401] См.: Малевская, 1989. С. 215.

[402] Малевская, 1997/2. С. 32.

[403] Селиванова, 1982. С. 88.

[404] Малевская, 1997/2. С. 26.

[405] Там же. С. 29.

[406] Там же. С. 27.

[407] Там же. С. 27–29.

[408] Там же.

[409] Там же. С. 29.

[410] Там же. С. 30.

[411] Панічава, 1980. С. 3–4, 10–11; Трусов, 1988/2. С. 130.

[412] О развитии изразцов такого типа см.: Franz, 1969.

[413] Трусов, 1988/2. С. 130. С ним соглашается Ю.А. Заяц, который считает самой ранней печью такого типа ту, развал которой был обнаружен П.А. Раппопортом при раскопках остатков княжеского терема в Полоцке (Заяц, 2001. С. 345, ил. 229,3 на с. 455). Терем был построен ещё в XII в., но продолжал функционировать в XIV столетии (Раппопорт, Шолохова, 1981. С. 91–99). Как и в новогрудской палате, печь находилась на втором ярусе и рухнула на уровень первого во время разрушения терема, что произошло в XIV в. Время её устройства, согласно дендрохронологической дате, определяется как 1304 г.

[414] О композициях печей с использованием горшкообразных изразцов см.: Strauss, 1926. S. 17. То обстоятельство, что во время раскопок были найдены и изразцы более позднего времени (включая XVII в.), даёт основание предполагать, что постройка существовала довольно долго, до XVII в., и неоднократно ремонтировалась (Малевская, 1997/2. С. 31).

[415] Там же. С. 30.

[416] Там же. С. 30–31.

[417] Трусов, 1988/1. С. 186.

[418] Малевская, 1997/2. С. 31.

[419] Там же. С. 32.

[420] Там же.

[421] Белецкий, 1970. С. 69, рис. 1; Белецкий, 1991. С. 12.

[422] Белецкий, 1993. С. 85, 93.

137 Руины башни Щитовка в замке Новогрудка. XIV в. (в основе — башня второй половины XIII в.). Вид с юго-востока

137

138 Данскер на восточной стороне башни Щитовка. XIV в.

138

139 Детинец Новогрудка и башня Щитовка в конце XIII в. Реконструкция В. Стащанюка

140 Детинец (замок) Новогрудка в конце XIV в. Реконструкция Я. Кулика и М. Ткачёва

Судя по находкам обломков стёкол и свинцовых обрамлений оконных переплётов [415], палата имела витражные окна, а её кровля была покрыта желобчатой черепицей [416], характерной для XIV–XV вв. [417]

Верхний этаж палаты служил для торжественных приёмов и княжеских пиров, о чём свидетельствуют находки фрагментов дорожной керамической и стеклянной посуды (бутылей, бокалов, рюмок, чаш), в то время как нижний (подвальный) этаж палаты мог использоваться в качестве хранилища, в том числе и боеприпасов, что подтверждают находки каменных ядер и их обломков [418].

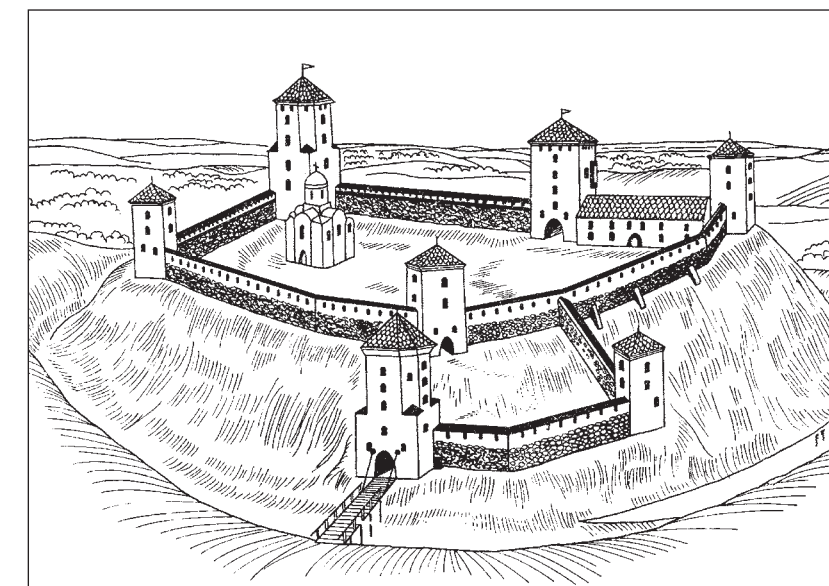
Эта палата вряд ли использовалась для постоянного жилья, тогда как жилая постройка, скорее всего, была деревянной и находилась поблизости от северо-запад-

ного угла каменного здания, где было обнаружено много горелого дерева [419].

Среди древнерусских княжеских дворцов довольно сложно найти аналогии княжеской палате в Новогрудке [420]. Единственной близкой ей как по типу, так и по времени является гражданская постройка в Довмонтовом городе во Пскове [421]. Она датируется временем княжения во Пскове литовского князя Довмонта, т.е. между 1266 и 1299 гг. С.В. Белецкий определил её как дворец Довмонта [422]. Палата Довмонта во Пскове, как и княжеская палата в Новогрудке, была как минимум двухъярусной. Её нижний этаж, так же как и в Новогрудке, разделялся стенами, сходящимися к центральному столбу. Нижний этаж псковской палаты также был перекрыт сводами, опиравшимися на стены и центральный столб.

139

140

И, наконец, у неё, так же как и в Новогрудке, был довольно длинный вход-коридор, образованный двумя параллельными каменными стенами. Не приходится сомневаться в том, что верхний этаж псковской палаты, как и палаты в Новогрудке, служил парадным помещением, использовавшимся для пиров и приёмов [423].

В архитектуре Прибалтики здания такого типа получили довольно широкое распространение, причем не только в эксклзивном, дворцовом строительстве, но и в застройке городов. Примером могут служить хорошо изученные городские дома Риги XIII–XIV вв. [424] По всей видимости, именно отсюда такой тип построек был принесён на территорию Западной Руси и Пскова.

Если строительство православных храмов в Чёрной Руси в первой половине XIV в., судя по всему, было инициативой хоть и княжеской, но всё же частной (князья выступали как частные заказчики, строя церкви для своих собственных нужд), то возведение крепостей было элементом государственной программы молодого Литовского государства. Пример фортификационных сооружений Новогрудского замка, возведённых практически синхронно с рассмотренным только что храмом, показывает, что их возводили другие мастера, работавшие в другой строительной технике и принадлежавшие другой архитектурно-строительной традиции.

Первая каменная башня в Новогрудке была построена ещё во второй половине XIII в. [425] По своему типу она мало чем отличалась от волынских донжонов и представляла собой квадратное в плане сооружение размером 12 × 12 м, сложенное из камня на известковом растворе. Фундамент башни имел большую мощность (его глубина достигала 3,5 м) и был сложен из крупных (около 1 м в поперечнике) валунов на таком же растворе. Как и у волынских башен, кладка стен башни Новогрудского детинца отделялась от фундамента цоколем, высота этого цоколя была сравнительно небольшой—всего 30 см. Стены башни сохранились над фундаментом на высоту около 4 м.

Если типологически башню можно было бы связать с группой так называемых «волынских башен» (среди которых, как мы уже видели, были не только оборонительные сооружения, но и отшельнические «столпы»), то по технике строительства башня в Новогрудке довольно существенно от них отличалась. Основным материалом, использованным при её возведении, были блоки слабо обработанного «дикого» камня. В результате в кладке между камнями образовывались просветы, заполненные мелкими осколками такого же камня и битым

141

брусковым кирпичом. Эти вставки были тщательно заделаны и затёрты известковым раствором [426]. Возможно, башня была целиком сложена из камня, а кирпич использовался только для облицовки бойниц [427]. Сами стены Новогрудского замка были деревоземляными, и башня, являясь его единственной каменной фортификацией, выполняла функции укрепленного входа в замок.

Характер кладки стен башни, заметно отличающийся от того, что мы видим в башнях «волынского типа» и в церковном зодчестве как Вольни, так и Чёрной Руси, заставляет предполагать, что её строениями были мастера, принадлежавшие к иной архитектурной среде. Подобная кладка из крупных блоков «дикого камня» характерна не для польской строительной традиции, к которой восходят волынские башни и церковные постройки Вольни и Чёрной Руси, а для рыцарских замков Восточной Прибалтики [428]. По всей видимости, это связано с тем, что инициатором возведения крепостных укреплений Новогрудка были не православные волыноско-литовские князья, а сам Великий князь Литовский Миндовг, в своей политике ориентировавшийся не на Русь, а на Запад [429]. Это хорошо согласуется с предложенной датировкой башни: 1260–1270-е гг. [430] Такая же техника строительства из блоков грубо обработанного камня была использована в это время и при создании Вильнюсского замка [431].

Строительство укреплений Новогрудка [ил. 137–141] было продолжено и позднее—уже на рубеже XIII–XIV вв. В 1969 г. на западном краю площадки новогрудского Малого замка были открыты остатки ещё одной каменной башни [432], прямоугольной в плане, с толщиной стен до 2,6 м. Кладка из дикого камня сочетается с облицовкой брусковым кирпичом, что характерно для сохранившихся башен второй половины XIV–XV в.—Щитовки и Капельной [433]. Учитывая, что кирпич, использованный при строительстве башни Малого замка, появляется на террито-

- 141 Руины замка в Новогрудке. Литография Наполеона Орды. 1860-е гг.
 142 Замок типа «капель» в Лиде. Начало XIV в. План
 143 Замок в Лиде в XIV в. Реконструкция О.А. Трусова
 144 Замок в Крево. Начало XIV в. План
 145 Замок в Крево. Реконструкция Я. Кулика и М. Ткачёва

- [423] Малевская, 1997/2. С. 33.
 [424] См.: Цауне, 1984. С. 116–138.
 [425] Уже в конце XIV в. она была сменена новой башней—Щитовкой, руины которой по сей день стоят на площадке Новогрудского замка (Ткачёв, 1978. С. 44). Её остатки были открыты в 1970 г. под основанием башни Щитовка (Ткачёв, 1971. С. 307–308).
 [426] Ткачёв, 2007. С. 17.
 [427] Ткачёв, 1978. С. 23.
 [428] Glasen, 1927. S. 13–28; Абрамаускас, 1965. С. 10.
 [429] Пашуто, 1959. С. 265–267.
 [430] Ткачёв, 2007. С. 17.
 [431] Kūlkauskas, 1989. S. 97.
 [432] Ткачёв, 1978. С. 24.
 [433] По такой технике башню можно было бы датировать временем перестройки новогрудских укреплений, предпринятой уже Витовтом, однако М.А. Ткачёв на основании археологического материала считает возможным отнести её к концу XIII—началу XIV в.
 [434] Малевская, 1989. С. 215.
 [435] Ткачёв, 2007. С. 16–18. Правда, М.В. Малевская не исключала возможности того, что башня Щитовка сменила более раннюю

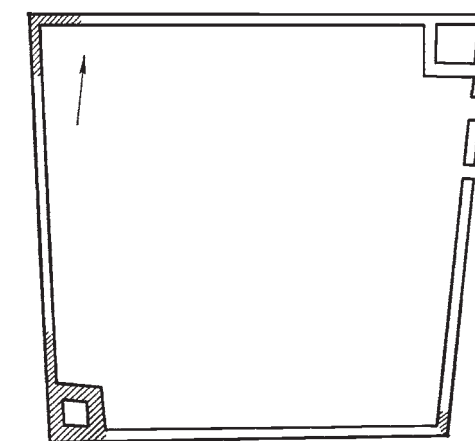
башню конца XIII в., уже в первой половине XIV столетия (Малевская, 1989. С. 219) и, таким образом, может рассматриваться и в контексте интересующей нас темы. Датировка М.В. Малевской основана на том, что стены Щитовки сложены в технике лусковой (панцирной) кладки, при которой кладка из дикого камня полностью облицовывается кирпичной. Такая техника характерна и для рубежа XIII–XIV вв., и для более позднего времени—XIV–XV столетий (Левандаускас, 1974. С. 10–12), однако учитывая, что сам характер кирпичной облицовки башни Щитовка выполнен в системе ещё вендской (характерной для конца XIII—первой половины XIV в.), а не готической системы перевязки швов, получившей распространение только со второй половины XIV в., а сам кирпич, использованный для облицовки Щитовки, почти совпадает с волынским кирпичом XIV в. и даже близок кирпичу некоторых построек Вольни второй половины XIII в. (башни в Каменце и Чарторыйске), М.В. Малевская предположила, что башня Щитовка была построена «не позже первой половины XIV в.» (Малевская, 1989. С. 219).
 [436] Ткачёв, 1978. С. 46.
 [437] Там же. С. 48–50.
 [438] Антшилов, 2000. С. 155.
 [439] См.: Ткачёв, 1978. С. 26–39; Трусов, 1979. С. 18.
 [440] В XII в. такие замки во множестве строились на территории северной Германии и южной Скандинавии, а с начала XIII в. и в южной Прибалтике. Строительство замков такого типа особенно активизируется с возникновением Ливонского ордена. Один за другим они возводятся на покореженных крестоносцами землях Северо-Восточной Европы (Tuulse, 1942. S. 15). Уже в конце XII в. на землях, примыкающих к Западной Руси, ливонцы возводят замок Гольм на одном из островов Западной Двины (ныне на территории современной Латвии (Ibid. S. 27). Затем на протяжении XIII в. они, продвигаясь к территории Чёрной Руси, возводят множество таких замков на территориях Восточной Пруссии, Латгалии и Земгалии. Особенно следует выделить такие замки, как Валькенберга, Кандау, Тукум, Альтсунга, Дурбан, Альтона, Арайшы (Ibid. S. 226, 229, 231, 233, 237–238, 240–241).

рии Чёрной Руси с Вольни или из Польши лишь в начале XIV в. [434], по всей видимости, башню следует датировать именно этим временем.

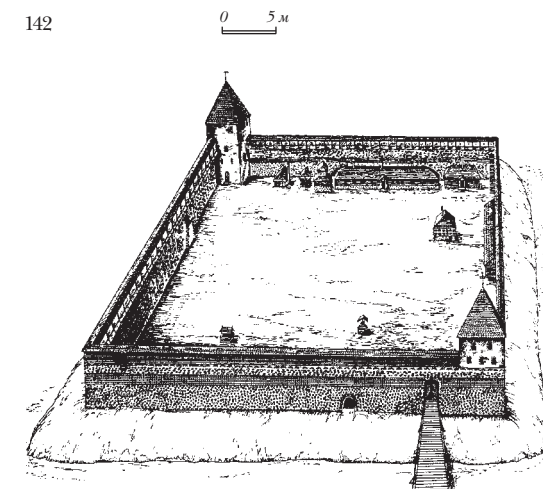
На протяжении XIV в. укрепления Новогрудка, бывшего в это время столицей Литвы, неоднократно подвергались нападению и осаде. Поэтому уже во второй половине XIV в. они постоянно модернизировались и перестраивались. Так, была полностью перестроена и сменена ныне существующей башней Щитовкой башня второй половины XIII в., открытая под её основаниями [435]. В это же время появилась и ещё одна—Капельная башня [436]. Башня на Малом замке просуществовала дольше и только на рубеже XV–XVI вв. была сменена новой, восьмигранной, предназначенной уже для артиллерийского боя [437]. Однако и эта башня, ставшая ненужной в XVII в., была разобрана, а её материал был использован для строительства стоящей и ныне на этом месте каменной ветряной мельницы [438]. Эти памятники следует рассматривать в ином контексте—уже не древнерусской, а белорусской и литовской архитектурной истории.

О том, что строительство каменных крепостей в Чёрной Руси на рубеже XIII–XIV вв. носило характер государственного и велось по инициативе Миндовга, а затем Гедимина, откровенно ориентированных на Запад, свидетельствуют ещё два памятника, возникших в это время,—замки в Лиде и Крево. Оба многократно перестраивались и дошли до наших дней в сильно изменённом виде, однако археологические исследования дают возможность охарактеризовать ранний период в их истории, относящийся к интересующему нас времени [439].

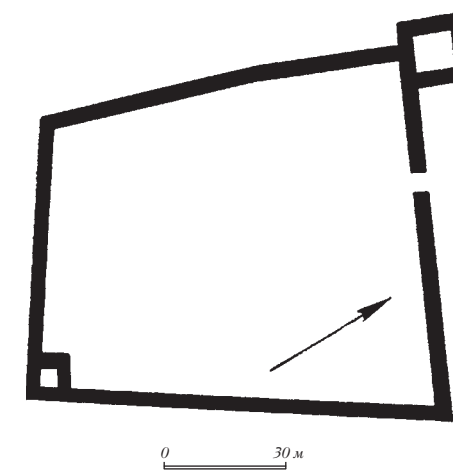
Лидский [ил. 142, 143, 146, 147, 149] и Кревский [ил. 144, 145, 148, 150, 151] замки, в отличие от рассмотренных выше крепостных сооружений Вольни, Гродно и Новогрудка, принадлежали к совершенно иному типу—«капель». Это прямоугольные в плане площадки, окружённые с четырёх сторон стенами и рвами. Как правило, они имели только расположенные по углам башни, примыкавшие к стенам изнутри крепости и почти или даже совсем не выдававшиеся за пределы крепостных стен. Эти замки, восходившие по своей планировке ещё к римским укрепленным лагерям и к крепостям Ближнего Востока, в Западной Европе получили широкое распространение в эпоху Крестовых походов уже с XI в. Как правило, они не предназначались для постоянного проживания, а служили гарнизонными укрытиями, выполнявшими чисто оборонительные функции [440]. В начале XIV в. князь Гедимин, пользуясь перемирием с ливонцами, получает у них мастеров и начинает строительство таких

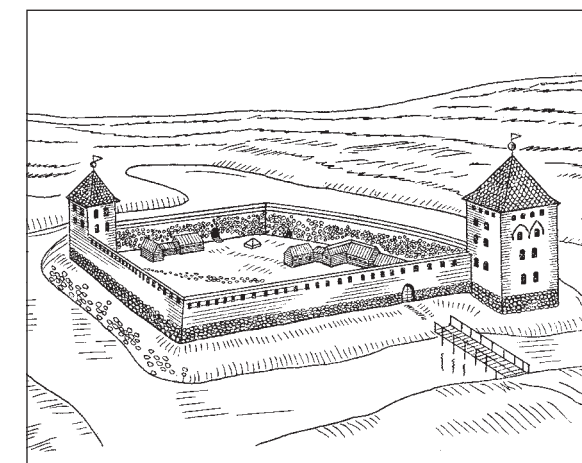
142

143

144

145

146

147

146 Руины замка в Лиде. Литография Наполеона Орды. 1860-е гг.

147 Стена замка в Лиде, сложенная из бутового камня и брускового кирпича

148 Руины замка в Крево. Литография Наполеона Орды. 1870-е гг.

149 Замок в Лиде после реставрации

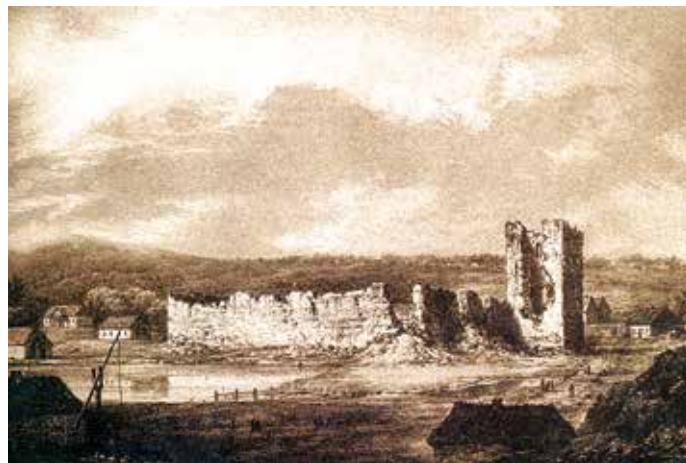
150 Руины замка в Крево. Кладка стены

151 Руины замка в Крево

152 Руины замка XIV в. в Мядининкае (Литва). Картина В. Дмаховского. 1853 г.

153 Замок в Мядининкае. План

154 Замок в Мядининкае. Реконструкция (по С. Абрамаускасу)

148

149

150

151

замков на своей территории в Чёрной Руси [441]. Примечательно, что возведённые ливонскими мастерами крепости должны были защищать Чёрную Русь от самой Ливонии.

Несмотря на то, что замки в Крево и Лиде впоследствии многократно и основательно перестраивались, они полностью сохранили свою первоначальную плановую структуру и нижние части, построенные Гедимином ещё в самом начале XIV в. Их

стены и башни были возведены из блоков дикого, почти не обработанного камня. Брусковый кирпич в них также использовался, однако не для облицовки стен, а для выравнивания рядов кладки, заполнения пустот, образовывавшихся в результате использования камней нерегулярной формы, для выведения угловых частей башен, а возможно и для выкладки бойниц и арочных проёмов [442]. С принципом такой кладки мы уже сталкивались на примере башни

[441] Абрамаускас, 1963. С. 100.

[442] Трусов, 1979. С. 16–17.

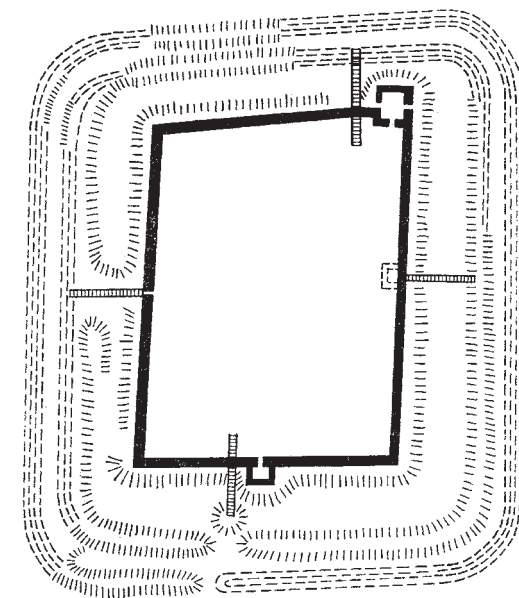
[443] Малевская, 1989. С. 220.

[444] Там же.

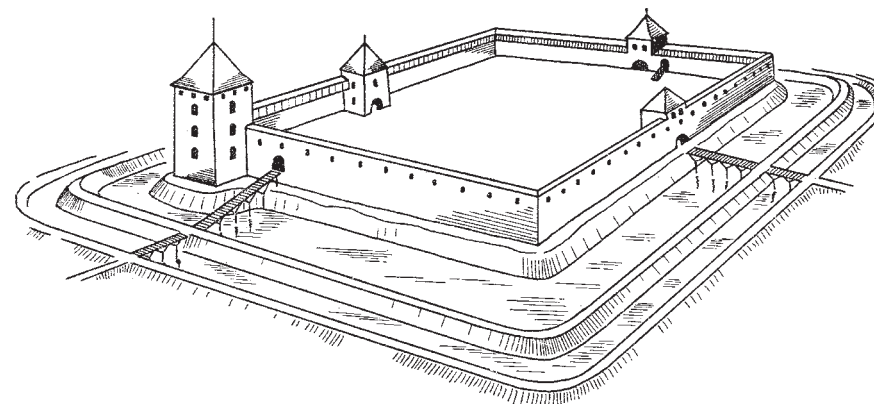
[445] Там же.

152

153

154

[446] Levandauskas, 1974. S. 440.

[447] Цауне, 1984. С. 119.

[448] Jurginis, 1971. S. 174–178; Глемжа, 1978. С. 62–65.

[449] Там же. С. 65–69.

[450] См.: Грязнов, 1887. С. 9.

[451] Крачковский, 1897. С. 152.

[452] Крачковский, 1893. С. 24.

[453] Кушнярэвич, 1993. С. 31–32.

конца XIII в. под основаниями Щитовки в Новогрудке. Но кирпич, использованный в кладке этих замков, уже совершенно иной. Если кирпич из Новогрудка не вызывает сомнения в своём волынском происхождении [443], то кирпичи, применённые при строительстве замков в Лиде и Крево, отличаются значительно большим форматом (30–34 × 15–17 × 8,5–9 см) [444]. Такой большемерный брусковый кирпич в это время не был распространён ни на Волыни,

ни в Польше [445]. Однако он очень хорошо известен в постройках, возведённых на территории Ливонии и Восточной Пруссии [446], причём не только в крепостях и храмах, но и в жилых домах [447].

Замки в Лиде и Крево входили в оборонительную линию из четырёх замков типа «кастель», поставленных в конце XIII–начале XIV в. Гедимином в Понеманье. Два других замка—в Медниках (нынешний литовский посёлок Мядининкай) [448] [ил. 152–157] и в Трояках (Тракай) [449]—были возведены на территории собственно Литвы и поэтому в рамках этой работы подробно не рассматриваются. Отметим лишь, что и замок в Мядининкае (конец XIII в.), и замок в Тракае (начало XIV в.) принадлежат к тому же, почти стандартному типу прямоугольных в плане крепостей типа «кастель», оба были почти полностью перестроены на старом основании в XIV в., сохранив при этом свою первоначальную планировку и нижние части стен и башен, сложенных из крупных блоков дикого камня с очень скудным использованием «ливонского» брускового кирпича.

Таким образом, в первой половине XIV в. в Великом княжестве Литовском взаимодействие между традициями древнерусского и западного зодчества, тесное и активное, оказало значительное влияние на сложение литовской архитектуры. Проявилось это не только на территории Чёрной Руси, но и в коренных литовских землях. Если в архитектуре крепостей импульс влияния шёл с Запада, то в православном церковном строительстве, скорее всего, преобладали традиции, заложенные ещё в зодчестве Волыни второй половины XIII в., затем подхваченные Чёрной Русью и уже отсюда пришедшие в зодчестве новой литовской столицы—Вильнюса.

Письменные источники сообщают об активном строительстве православных храмов в Вильнюсе, которое велось там на протяжении XIV в. при князе Ольгерде [450]. Заказчиками этих храмов были первая жена Ольгерда витебская княгиня Мария, ставшая инициатором строительства Пятницкой церкви [451] [ил. 159], и его вторая жена княгиня Ульяния, заказавшая церковь Св. Николая [452] [ил. 158]. Не исключено, что и сам Ольгерд выступил заказчиком ещё одной православной церкви в Вильнюсе—Пречистенской, возведённой в первой половине XIV в. [453] Эти храмы до наших дней не дошли. Они многократно перестраивались и на их местах находятся уже другие церкви, которые хотя и сохранили свое посвящение, но по архитектуре относятся уже к другим эпохам. Археологическая неизученность вильнюсских православных храмов XIV в. не даёт возможности судить о них даже предположительно. Единственным, хотя и кос-

155

156

157

ственным источником сведений о Пятницкой церкви в Вильнюсе является сообщение немецких купцов, посетивших Вильнюс в 1587 г., где говорится, что эта церковь имела хоры и была похожа «на храмы Киева и Новгорода» [454].

Остановимся на ещё одном памятнике, имеющем весьма спорные интерпретации и датировку, — на так называемой Верхней церкви в Гродно [455]. Эта церковь была поставлена на платформе, специально соз-

данной над руинами Нижней церкви после её разрушения, что и определило условное название двух открытых тогда храмов. Учитывая, что руины Верхней церкви не давали возможности проведения раскопок более древнего памятника — Нижней церкви, И. Йодковский принял решение: после проведения фотофиксации и обмеров остатков Верхней церкви разобрать её, разрезав на блоки, и отправить в таком виде в Гродненский музей [456]. Сохранившиеся в Гроднен-

- [454] Грязнов, 1887. С. 9; Кушнярэвич, 1993. С. 31.
 [455] См. о ней: Воронин, 1954. С. 183–186; Трусов, 1988/2. С. 48–51; Кушнярэвич, 1993. С. 24–27; Антипов, 2000. С. 158; Габрус, 2005. С. 220–222. Руины храма были открыты в 1933 г. И. Йодковским, проводившим раскопки Нижней церкви (Jodkowski, 1934. S. 14).
 [456] Sprawozdanie, 1938. S. 26. К сожалению, при переносе блоков на место хранения они подверглись значительным разрушениям, обмеры дошли до нас не в полном составе, а фиксация стратиграфии в ходе раскопок вообще не проводилась. О методике раскопок и разборки Верхней церкви, применённых И. Йодковским см.: Воронин, 1954. С. 184; Трусов, 1988/2. С. 48–49.
 [457] См.: Воронин, 1954. С. 185.
 [458] Как и предполагал ещё участник исследований 1930-х гг. архитектор Т. Андриенчик. См. об этом: Трусов, 1988/2. С. 51, рис. 20.1.
 [459] См., например: Кушнярэвич, 1993. С. 25.
 [460] О сроках действия строительных артелей Древней Руси, обеспечивающих прямую передачу традиции, см.: Раппопорт, 2013. С. 134.
 [461] Ещё одно подтверждение тому, что Верхняя

- 155 Замок в Мядининкае. Участок стены
 156, 157 Замок в Мядининкае после реставрации
 158 Церковь Св. Николая в Вильнюсе, XIV в., после перестройки в XVII в. и до перестройки 1864 г. Хромофотография И. П. Трутнева. 1872 г.
 159 Пятницкая церковь в Вильнюсе. XIV в. (перестроена). Хромофотография И. П. Трутнева. 1872 г.
 160 Руины Верхней церкви в Гродно, XIV в. (перестроена), в ходе раскопок И. Йодковского (1933)
 161 Верхняя церковь в Гродно на плане Старого замка, составленном Ю. Йодковским в 1938 г.
 162 План Верхней церкви в Гродно (до появления столбов в западной части храма)
 163 Верхняя церковь в Гродно. Разрез с видом на апсиду (по И. Йодковскому)

160

161

ском музее чертежи и блоки кладки церкви дают достаточно оснований, чтобы судить об этом памятнике [ил. 160, 161].

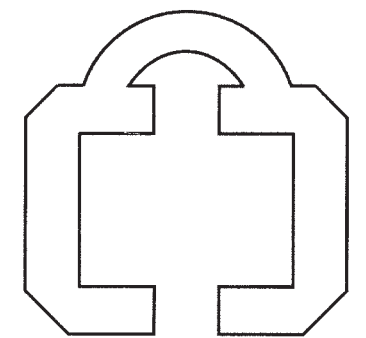
Верхняя церковь представляла собой почти квадратный в плане бесстолпный храм с одной сильно выступающей апсидой [ил. 162, 163]. Впрочем, столбы в церкви после её постройки всё же появились. Внутри церкви был обнаружен крещатый в плане столб со срезанными углами, расположенный по оси проёма в её алтарной преграде с южной стороны. Остатки симметричного столба, правда, потерявшие свою первоначальную форму, были обнаружены и с северной стороны. Остатки ещё двух столбов, квадратных в плане, были выявлены в проёме этой преграды, ведущем из наоса в пространство алтарной апсиды. Один из столбов свободно располагается в проёме, а другой — без перевязки приставлен к торцевой стенке южного отрезка преграды [457]. Показательно, что все эти столбы, как и алтарная преграда, поставлены на уровень

С. 183, левый стб., примеч. 1) и А. Н. Кушнеревича: «...трудно согласиться с утверждением Н. Н. Воронина, что эти валуны использованы только в качестве строительного материала» (пер. с белорус. мой. — О. И.) (Кушнярэвич,

1993. С. 26). Т. В. Габрус, ставшая на позицию Н. Н. Воронина, указала, что весь строительный материал Верхней церкви, включая шлифованные блоки камня, использован в её кладке бессистемно (Габрус, 2005. С. 221).

пола церкви, что свидетельствует о том, что они появились не изначально, а уже во время её функционирования. Правда, почти полное совпадение формата брускового кирпича, использованного в столбах и преграде, с форматом кирпича в кладке основных стен церкви свидетельствует, что и столбы, и преграда появились вскоре после возведения её основного объёма. Если столб в проёме алтарной преграды связан с её композицией и, по всей видимости, является конструкцией царских врат в темплоне, то столбы в наосе, возможно, могут быть связаны с существованием в этой церкви западных эмпор (хор) и служили опорами для них [458].

Углы основного объёма церкви, как и столбов, были скошенными, что характерно для гродненского зодчества ещё домонгольской эпохи. Наличие таких скошенных углов у Верхней церкви дало основание некоторым исследователям считать, что она является непосредственным продолжением гродненской школы зодчества XII в. [459] Однако вряд ли стоит видеть здесь прямую преемственность, непосредственное продолжение традиций домонгольского гродненского зодчества. Даже если принять датировку Верхней церкви серединой или второй половиной XIII в., как предлагалось некоторыми исследователями, хронологический разрыв между гродненскими памятниками XII в. и Верхней церковью будет достигать почти столетия. Прямая преемственность в таком случае становится невозможной [460]. Скорее всего, создатели Верхней церкви стремились максимально точно, насколько это было возможно, повторить характерные особенности разрушившейся Нижней церкви, тем самым как бы воссоздавая её [461].

162

163

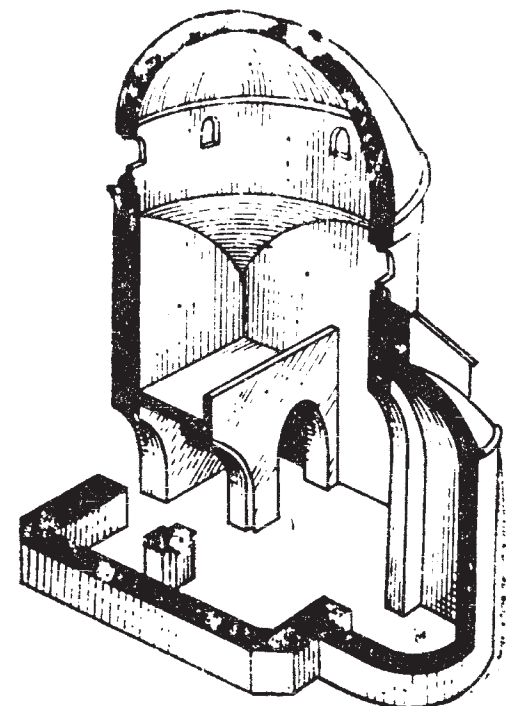
158

159

Казалось бы, в пользу прямой преемственности Верхней церкви от домонгольской традиции может говорить то обстоятельство, что в кладке её столбов использован раствор, насыщенный «мелкими кусочками битого кирпича» [462]. Однако, во-первых, как мы уже видели, столбы устроены уже после того, как сама церковь была возведена, а во-вторых, на западнорусских землях такой раствор изредка появляется и в памятниках XIV–XV вв., особенно на Волыни и в Галицкой земле (Зимно, Острог, Лавров, Дермань) [463].

Гораздо лучше о времени возникновения Верхней церкви говорит её основной строительный материал—брусковый каннелированный кирпич размерами 28–31 × 15–17 × 6–8 см. Брусковый кирпич «пальчатка» или «литовка», как мы уже знаем, впервые появляется на Руси не ранее 1230-х гг., а затем, на протяжении второй половины XIII–XV в., с вариациями в размерах, становится основным строительным материалом [464]. Однако ещё более красноречивыми оказываются фигурные кирпичи, предназначенные для выкладки архитектурных элементов, свойственных готической архитектуре XIV–XV вв.—нервью и их консолей [465]. Не исключена также возможность, что такие кирпичи использовались и для выкладки декоративных карнизов или каких-то настенных парапетов или фронтонов [466]. Поэтому речь о преемственности Верхней церкви от архитектуры домонгольского Гродно может идти лишь условно—в том смысле, что её создатели этой постройки заведомо копировали неко-

164

торые архитектурные особенности её предшественницы—Нижней церкви.

С готической архитектурой Верхнюю церковь связывает и черепица, использовавшаяся для покрытия кровель, в большом количестве найденная при раскопках памятника [467]. Эта черепица имела вид хорошо обожжённых плоских прямоугольных пластин шириной 15 и толщиной 2 см, закруглённых с одной стороны и с закрепляющим выступом с противоположной [468].

Находки фигурных кирпичей, предназначенных для кладки готических конструкций, дают возможность подойти к вопросу о реконструкции памятника [469]. Это храм в виде бесстолпного центрального здания, внутреннее пространство которого целиком перекрывалось большим полусферическим куполом на световом барабане, опирающимся на конховые конструкции типа тромпов на углах наоса. Два появившихся позднее столба Т. Андриенчик предложил рассматривать в качестве опор для эмпор, расположенных в западной части внутреннего пространства храма [ил. 164].

Перекрытие храма большим куполом вызывает сомнения. Крещатые столбы, которые вполне могли быть использованы для поддержки хор, появились не в процессе строительства церкви, а уже после его завершения, а возможно, и уже во время функционирования храма. Учитывая, что столбы практически без фундамента были поставлены уже на уровень пола, можно предположить, что хоры были не каменно-кирпичными, как полагал Т. Андриенчик, а лёгкими—деревянными [470]. Если арки, на которые должен был бы в таком случае опираться деревянный настил эмпор, понадобились из-за того, что при расположении столбов практически посередине центральной поперечной оси наоса хоры бы были очень широкими и занимали бы площадь, равную половине площади самого наоса, то опереть настил на балки в такой ситуации было бы проблематично. Но несогласованное с направлением западной стены расположение этой пары столбов практически не находит себе объяснения: эмпоры при таком расположении имели бы не прямоугольное, а трапециевидное очертание, что маловероятно. Таким образом, появление столбов в интерьере храма трудно объяснимо [471].

Более поздние исследователи предполагают другие варианты завершения церкви [472] [ил. 165, 166].

Согласно наиболее правдоподобной реконструкции Верхней церкви [473], храм завершался высокой двускатной кровлей, покрытой черепицей, и двумя высокими щипцовыми фронтонами на восточном и западном фасадах, подобно городским готическим храмам XIV–XV вв., и вообще

164 Верхняя церковь в Гродно. Реконструкция Г. Андриенчика
165 Верхняя церковь в Гродно. Реконструкция Г. Лаврецкого
166 Верхняя церковь в Гродно. Реконструкция О.А. Трусова

[462] Воронин, 1954. С. 185.

[463] Там же. С. 185, примеч. 1 (со ссылкой на то, что эти сведения были предоставлены Г.Н. Логвином).

[464] Раппопорт, 1989. С. 207–211; Малевская, 1989. С. 212–222.

[465] Воронин, 1954. С. 186–187; Трусов, 1988/2. С. 96–97.

[466] Воронин, 1954. С. 186; Габрусь, 2005. С. 221. О готических фигурных кирпичах см.: Левандаускас, 1974. С. 9, 13.

[467] Воронин, 1954. С. 186–187.

[468] Там же. С. 186. На территории Великого княжества Литовского и в Восточной Пруссии такая черепица получила широкое распространение в XIV–XVI вв. См.: Абрамаускас, 1962. С. 224; Агсзунский, 1970. С. 56; Трусов, 1988/1. С. 186; Трусов, 1988/2. С. 122–128.

[469] Первая реконструкция Верхней церкви была предложена в 1930-х гг. архитектором Т. Андриенчиком, участвовавшим в раскопках памятника (хранится в фондах Гродненского историко-археологического музея; опубликована: Трусов, 1988/2. С. 51, рис. 20.1; Т.В. Габрусь (Габрусь, 2005. С. 220, мал. 115).

[470] Некоторые вопросы, правда, вызывает, во-первых, крещатая форма столбов, предполагающая опирание арок на выступы лопаток столбов, а во-вторых, странное расположение столбов по отношению к направлению западной стены храма: несогласованность и даже случайность расположения линии этих столбов по отношению к стенам здания (Воронин, 1954. С. 185).

[471] Перекрытие всего внутреннего пространства наоса большим полусферическим куполом, с конструктивной точки зрения, представляется невероятным. Чтобы опереть барабан купола на паруса, как предполагал Т. Андриенчик, в углах наоса должны были бы располагаться выступы лопаток или пилястр, на которые должны были бы опираться основания парусов. Однако такие выступы в интерьере храма отсутствуют.

Трудно согласиться и с тем, что конструкции опоры купола имели форму конховых тромпов: для опирания купола столь большого диаметра на световом барабане стены этого здания слишком тонки.

[472] Н.Н. Воронин писал, что она первоначально имела деревянное перекрытие и только потом в ней были устроены готические своды на нервюрах, в связи с чем и появились загадочные столбы (Воронин, 1954. С. 186). Исследователь сослался на то, что практика устройства деревянных перекрытий существовала ещё в домонгольское время, приведя в качестве примера летописное упоминание, что в «Остерской Божнице» верх был «нарублен деревом». Н.Н. Воронин поддержал и мнение о том, что в церкви было устроено готическое сводчатое перекрытие (Wojciechowski, 1938. С. 140). Правда, он считал, что это произошло намного позже, и связал с этим появление загадочных столбов в наосе. Однако для устройства готических сводов на нервюрах столбы понадобились бы лишь в том случае, если бы они были крестовыми, но тогда они были бы расположены строго по оси здания.

Т.В. Габрусь не исключила возможности, что для перекрытия наоса мог быть применён звёздчатый свод (Габрусь, 2005. С. 221). Однако для звёздчатого свода устройство столбов вообще не требовалось: размеры наоса и его план в виде квадрата со стороны чуть более 5 м позволяли перекрыть его одним сводом, сделав пространство зальным.

[473] Трусов, 1988/2. С. 51, рис. 20.2.

[474] Там же. С. 51.

[475] Там же.

[476] Янкавичене, 1964.

С. 7–8. Существует и явно компромиссная реконструкция Верхней церкви в Гродно (Лаврецкий, 2000. № 1. С. 42–53). На ней Верхняя церковь предстаёт как одностолпный храм со щипцовым двускатным покрытием, увенчанным глухой главкой. Вдоль карнизов основного объёма и апсиды предполагается пояс машикулей, напоминающих архитектуру романских построек. Однако никаких оснований для такой реконструкции исследования Верхней церкви не дают.

Т.В. Габрусь, совершенно

не имел купола. Подобное перекрытие внутреннего пространства характерно для храмов такого типа, получивших широкое распространение в Центральной и Северной Европе в XIV–XV вв. Не исключено, что так выглядела и уже упоминавшаяся Пречистенская церковь в Вильне, построенная в XIV в. князем Ольгердом [474]. Основанием для такого предположения служит внешний облик Пречистенской церкви, который она получила после перестройки в 1511–1522 гг. [475] Есть мнение, что, несмотря на перестройку, Пречистенская церковь сохранила черты своего первоначального облика [476].

Не менее противоречив и запутан и вопрос о датировке Верхней церкви, колеблющейся в диапазоне от XIII до XV в. [477] Ещё в конце 1940-х—начале 1950-х гг. [478] Н.Н. Воронин отнёс возникновение Верхней церкви ко времени не ранее 1308 г. Именно эта датировка памятника и является наиболее вероятной. Попытки опровергнуть

справедливо отметив крайнюю условность и необоснованность такой реконструкции, предложила свой, правда, не менее условный вариант «покрытия центрального основного объёма (квадратного в плане, с сильно скошенными углами) шатровой восьмигранной крышей, как в оборонительных башнях, но дополненной главкой с крестом в центре» (Габрусь, 2005. С. 222).

[477] Первооткрыватели памятника датировали его в пределах XIII в., но в различных его отрезках. Его относили к «русскому времени» (Duzzewski, 1939. С. 4), ко времени Миндовга—1240–1260-е гг. (Jodkowski, 1934. С. 14), к середине XIII в. (Wojciechowski, 1938. С. 130, примеч. 1), ко второй половине—концу XIII в. (Левандаускас, 1974. С. 16), к концу XIII—началу XIV в. (Трусов, 1988/2. С. 50; Кушнярвич, 1993. С. 26). И.В. Антипов не предлагает своей датировки памятника, однако тот факт, что он счёл возможным включить этот храм в составленный им каталог памятников древнерусской архитектуры второй половины XIII—первой трети XIV в. (Антипов, 2000. С. 158), свидетельствует, что он не исключает возможность датировки Верхней церкви этим временем.

Т.В. Габрусь также датировал памятник в широких пределах конца XIII и всего XIV в., но особо оговаривает, что возможность появления церкви в самом конце XIV в. представляется ей маловероятной, и считает, что в это время цер-

ковь могла подвергнуться переделке (Габрусь, 2005. С. 221). М.В. Малевская на основании формата кирпича, использованного при строительстве Верхней церкви, датирует памятник серединой—второй половиной XIV в. (Малевская, 1989. С. 219).

[478] Н.Н. Воронин обратил внимание на то, что площадка, перекрывающая Нижнюю церковь и послужившая основой для строительства Верхней, расположена выше уровня мостовой эпохи, когда Гродно находился под управлением великого князя литовского Витовта (1370–1418) и имел статус второй столицы Великого княжества Литовского (Воронин, 1949/3. С. 148; Воронин, 1954. С. 183; см. также: Барбашев, 1885). Более того, на том основании, что булыжная платформа на известковом растворе, перекрывающая Нижнюю церковь, перекрывает и слой пожара, скорее всего, и послужившего причиной разрушения последней, исследователь предложил сузить эту датировку. Учитывая, что крупный пожар Гродно, который мог стать причиной разрушения Нижней церкви, произошёл в 1398 г. (Орловский, 1910. С. 26–33), после чего Витовт произвёл капитальную реконструкцию замка (Барбашев, 1885. С. 50–59), Н.Н. Воронин была предложена датировка, основанная на стратиграфии Верхней и Нижней церквей и окружающего их участка. [479] Кушнярвич, 1993. С. 24–25.

165

166

эту датировку представляются малоубедительными [479]. Правивший тогда Витовт, неоднократно менявший свою христианскую ориентацию и несколько раз перекрещивавшийся из католичества в православие и наоборот, никогда не прерывал своих связей с православным миром, свидетельством чего является династический брак его дочери Софьи с московским князем Василием Дмитриевичем и союзнические отношения, смоленскими и тверскими князьями.

Завершая обзор развития зодчества на землях Западной Руси после монгольского нашествия, попробуем вкратце охарактеризовать его место в общей картине развития истории русской архитектуры. С одной стороны, зодчество Галицкой земли, Волыни и Чёрной Руси во многом продолжает традиции, заложенные ещё в домонгольскую эпоху. Впитывая в себя новшества, проявившиеся в это время в архитектуре соседних стран—Польши и Ливонского ордена, зодчество западнорусских княжеств вырабатывает весьма своеобразную стилистику, сочетающую в себе традиционную древнерусскую основу с конструктивными и декоративными

элементами, заимствованными из готической архитектуры. На этих территориях начинают строиться здания и сооружения, появившиеся в домонгольской Руси лишь изредка и в качестве исключений, но в Западной и Центральной Европе ставшие к этому времени уже нормой: каменные крепости, замки и дворцы. Несмотря на то, что эти княжества уже в середине XIV в., оказавшись отторгнутыми от Руси, на долгие столетия выпадают из орбиты её исторического развития, западнорусская архитектура рассматриваемого периода послужила важным звеном в историческом развитии зодчества соседних регионов. Отсюда эстафета древнерусской архитектурной традиции перешла к национальным архитектурным школам Украины и Белоруссии, которые стали складываться уже в XV в. Архитектура западнорусских княжеств второй половины XIII—первой половины XIV в. сыграла значительную роль и в формировании возникающей в это время архитектуры Великого княжества Литовского. Многие из того, что появилось в этой новой для Европы архитектурной традиции благодаря связям Руси и Литвы, довольно скоро, уже начиная со второй половины XIII в., стало проникать и в северо-западные и северо-восточные земли Руси, восстанавливая в это время строительную деятельность после монгольского завоевания [480].

О.М. Иоаннисян

Архитектура Новгорода и Пскова

Архитектура второй половины XIII—первой четверти XIV века

Строительство в Новгородской земле и Пскове в 1240–1280-х годах

В страшное нашествие 1238 г. монгольское войско до Новгорода не дошло: на расстоянии 100 верст от города, у Игнача креста, воины Батыя повернули на юг. По словам летописца, «Новгород же заступи Бог и святая великая и сборная апостольская церкы святая Софья и святыи Кюрил и святыи правоверных архиепископ молитва и благоверных князи и преподобных черноризец иерейского сбора» [481]. Город не был разорён, но общая тяжёлая ситуация в древнерусских землях сказалась и на Новгородской республике—до 1290-х гг. архитектура здесь практически не развивалась.

Исторические события второй половины XIII—первой трети XIV в. мало способствовали расцвету искусства, да и культуры в целом. Новгородские летописи наполнены сообщениями о военных походах новгород-

цев, о борьбе с западными соседями (немецами, чудью, шведами, литвой), о сложных отношениях с князьями, которые то ссорились с Новгородом, то вместе с горожанами выступали против общего врага. Летописца мало волновало то, что происходило за пределами Новгородской земли, зато мы много узнаём о внутренней жизни Новгорода в эти годы.

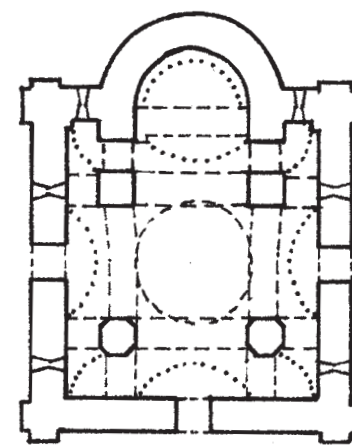
Летописный текст насыщен именами. Упомянуты не только архиереи или архимандриты Юрьева монастыря, посадники или тысяцкие—названы и новгородские послы, бояре, да и просто известные люди (например, «муж добр Елеферий Лазоревич» [482]). Жизнь средневекового города, с неурожаями и стычками городских «партий», наводнениями и пожарами, кончиной архиепископов и избранием новых владык, отчётливо рисуется благодаря кратким, но ёмким строчкам летописи.

Одной из сторон жизни Новгорода в эту сложную эпоху по-прежнему оставалось возведение новых зданий—как каменных, так и деревянных. Строительная деятельность в 1240–1280-х гг. не прекратилась окончательно: продолжались ремонты храмов, закладывались новые крепости. После 1292 г. начинается двадцатилетний период подъёма новгородской архитектуры, завершившийся в 1313 г. В эти же годы появляются

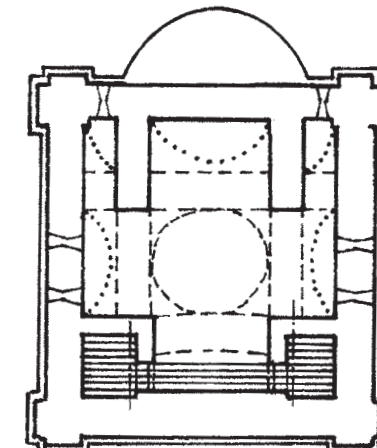

167

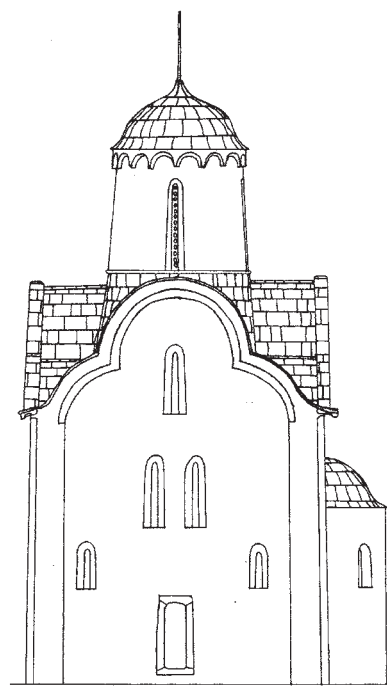
167 Церковь Рождества Богородицы в Перыни близ Новгорода. Вторая треть XIII в. (?) Вид с северо-востока
168 Церковь Рождества Богородицы в Перыни. Планы 1 и 2 ярусов
169 Южный фасад церкви Рождества Богородицы в Перыни. Продольный разрез (по Л.Е. Красноречьеву)

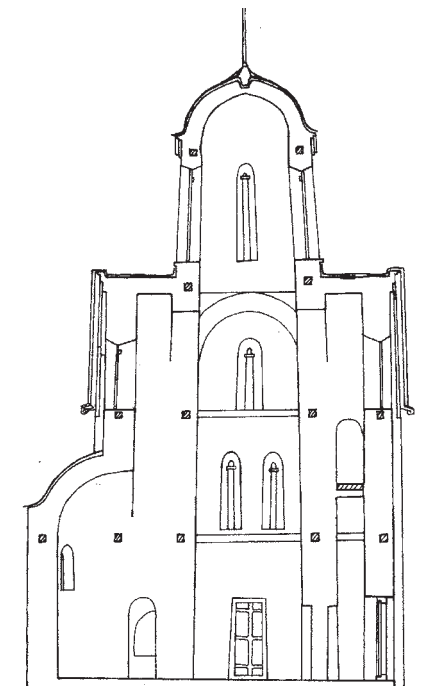
168 0 3 м

0 3 м

169 0 5 м

0 5 м

[480] См. об этом: Иоаннисян, 1994/1. С. 80–82.

[481] НЛЛ. С. 76.

[482] НЛЛ. С. 90.

[483] См. обзор существующих датировок: Седов, 2009/2. С. 30–36.

[484] Булкин, 1997. С. 377–392.

[485] Вл.В. Седов считает, что «мастера храма в Перыни заимствовали уже известный зодчеству Смоленска тип» (Седов, 1997. С. 397), приводя в качестве примера прежде всего южный придел собора на Протоке в Смоленске (см. также новейшую публикацию: Седов, 2009/2. С. 29–54). Механизмы такого заимствования кажутся нам маловероятными. Более вероятно, что при наличии одинаковой задачи—создание небольшого храма—зодчие Смоленска и Новгорода, отталкиваясь от близких образцов, пришли к сходным результатам.

[486] Неоднозначность метода датировки памятников по формату плинфы уже сейчас отчётливо осознаётся в науке (о датировке перынского храма по формату плинфы см. Там же. С. 35).

[487] Гусева, Иоаннисян, Стеценко, 1982. С. 73; Штендер, 1980. С. 229; Седов, 1997. С. 396–398.

[488] Прудников, 2002. С. 314–322.

[489] От датировки памятника 1240-ми гг. отказались уже и сами исследователи, её предложившие: Гусева, Иоаннисян, 2009. С. 275.

каменные постройки и в Пскове. С 1313 г. по 1329 г. строительная деятельность в Северо-Западной Руси опять замирает—за это время был построен только один храм. С 1329 г. (закладка Изборской крепости) на протяжении середины—второй половины XIV в. существенных перерывов в строительной деятельности в Новгороде и Пскове мы не наблюдаем.

После 1233 г. (закладка надвратной церкви Св. Феодора в Детинце) и до 1292 г. (церковь Св. Николая Чудотворца на Липне) летописи не упоминают о возведении каменных храмов в Новгородской земле. Означает ли это, что церковное строительство в течение почти 60 лет совсем не велось?

Сохранившийся и отреставрированный по проекту Л.Е. Красноречьева храм Рождества Богородицы в Перыни

часто датируется исследователями 1230–1240-ми гг. [483] [ил. 167–169]. Строго говоря, особых оснований эта датировка не имеет: храм мог быть возведён и раньше, например, в 1210-е гг., и на несколько десятилетий позже—в 1250–1260-е гг. Церковь выстроена в традиционной домонгольской технике—из плинфы и камня на известково-цемяночном растворе, в облике здания характерные черты, присущие домонгольской архитектуре Новгорода в целом (лаконизм решения фасадов, монументальность форм, цельность интерьера), соседствуют с новациями, источником происхождения которых, очевидно, была новгородская архитектура первых десятилетий XIII в. Здесь можно вспомнить два памятника: церкви Св. Параскевы Пятницы на Торгу 1207 г. и Св. Михаила Архангела на Прусской улице 1210–1224 гг. [484] Церковь Рождества Богородицы в Перыни давно рассматривалась как результат синтеза архитектурных форм, присущих зодчеству Новгорода последних десятилетий XII в., и привнесённых из Полоцка и Смоленска декоративных и конструктивных элементов [485]. Очевидно, что такое преобразование форм произошло спустя некоторое время после строительства в 1207 г. церкви Св. Параскевы Пятницы: это событие повлекло за собой изменения в языке новгородских зодчих. Вопрос о том, сколько времени потребовалось зодчим для того, чтобы эти изменения произошли, не может быть решён. Поэтому датировка церкви Рождества Богородицы в Перыни так и останется «плавающей»—от первых десятилетий XIII в. вплоть до третьей четверти столетия [486].

В последние десятилетия исследователи предлагали дату 1230–1240-е гг. ещё для двух памятников: Никольского собора в Старой Ладогге [487] и Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря [488]. Что касается ладожской церкви, то эта датировка базируется исключительно на легендарных сведениях об основании храма князем Александром Невским. Предложенная дата не основана ни на особенностях плана постройки, ни на размерах плинфы, входит в противоречие с данными, полученными при изучении фрагментов фресок, найденных при раскопках. Никольский храм должен быть рассмотрен как составная часть всего ладожского этапа развития новгородской архитектурной школы в XII в. (1150–1170-е гг.) [489]. Спасо-Преображенский собор в Хутыни органично вписывается в картину развития новгородской архитектуры конца XII в. и передатировка этого памятника также представляется весьма надуманной.

Исходя из имеющихся у нас данных, можно предположить, что в Новгороде 1240–1280-х гг. не было заказчиков и средств для ведения каменного строительства (воз-